

www.megabook.do.am

Андрей Леонович Шляхов
Доктор Данилов в роддоме, или Мужикам тут не место

Аннотация

«А-А-А-А... Рожаяююю....!» После работы на Скорой помощи доктор Данилов не думал, что его сможет что-то еще удивить и напугать в этой жизни. Не думал, пока не устроился в обычный московский родильный дом, после чего и началась эта История. Все жуткие и смешные рассказы, которые вы когда-либо слышали об этом месте — правда. Но это только верхняя часть айсберга. Андрей Шляхов знает, о чем говорит. Он сам был врачом. Мужчины, покиньте помещение! Слабонервным тут не место!

Андрей Леонович Шляхов
Доктор Данилов в роддоме, или Мужикам тут не место

«В конце концов, главное в жизни — это сама жизнь».
Теодор Драйзер

*«Вы ликуете шумной толпой,
Он — всегда и повсюду один.
Вы идете обычной тропой,
Он — к снегам недоступных вершин.
Вы глубоких скорбей далеки;
Он не создан для мелких невзгод.
Вы — течение мутной реки;
Он — источник нетронутых вод.
Вы боитесь неравной борьбы;
Цель его — «иль на нем — или с ним!»
Вы — минутного чувства рабы;
Он — властитель над сердцем своим».*
Мирра Лохвицкая

Глава первая
ЭПИДУРАЛЬНАЯ АНЕСТЕЗИЯ

— Вы так и будете сидеть и ничего не делать? — услышал Данилов, еще не успев войти в родовую зал. — За что вообще я вам плачу?

Медсестра-анестезист Ира закатила глаза и вздохнула: очередной скандалист, да еще

«договорной». Данилов ободряюще подмигнул ей и указал взглядом на часы, висевшие над входом. До конца дежурства оставалось четыре часа.

Индивидуальный родильный бокс меньше обычного, общего, а в остальном такой же. Все в нем есть: и особенная кровать, хочешь — поднимай ее с любой стороны, хочешь — складывай, хочешь — выдвигай поручни, чтобы получилось специальное кресло для родов; и столы — стационарный и передвижной, — полные блестящих инструментов устрашающего вида, пока, впрочем, прикрытые полупрозрачной тканью; и два стеклянных медицинских шкафа с не менее специфическим содержимым; и еще один шкаф — со стерильным нутром; и наконец, пеленальный стол для новорожденных, да не простой, а с подогревом, и — не дай бог пригодится — передвижной аппарат искусственной вентиляции легких, сокращенно «ивезэл». Кроме того — холодильник для лекарств, стол с детскими весами, передвижной четырехрефлекторный светильник, два таза на подставках, два винтовых табурета, большой фиолетовый гимнастический мяч для «мягких» родов и два больших контейнера — для медицинского мусора и для грязного белья. Удивительно гармонично все это размещалось в небольшом помещении. На потолке, помимо обычных светильников — бактерицидный кварцевый облучатель. Часы на стене над дверью, кондиционер у окна — все, как обычно, чистое, белое, мерно гудящее или спокойно дожидается своего часа.

Спокойно? Как бы не так.

В комнате резко пахло специфическим, непередаваемым и неповторимым, запахом родового зала. Роженица — полная, рыхлая, с отечным лицом, — стонала и приподнималась на кровати, а потом снова ложилась, тщетно пытаясь улечься поудобнее. Вокруг нее стояли трое — заведующая родильным отделением доктор Юртаева, акушерка Пангина и незнакомый Данилову мужчина в медицинской шапочке, халате и бахилах поверх обычной одежды — кандидат в счастливые отцы. Именно его крики были слышны Данилову еще из-за двери.

— Владимир Александрович! — Голос доктора Юртаевой слегка дрожал. — Необходимо решить вопрос об эпидуральной анестезии...

Собственно, все уже было решено: будущая мать заранее спросила акушера, тот не возражал, и Данилову предстояло попросту произвести манипуляцию. Конечно, только врач-анестезиолог мог решить, годится ли для конкретного человека конкретный вид обезболивания; но акушеры в девятом роддоме — врачи грамотные, «неслучайные», можно сказать, врачи, и не станут «дергать» дежурного анестезиолога попусту. Раз позвали, значит, нет противопоказаний. Тем более что заведующий отделения анестезиологии и реанимации обязательно осматривает всех «платных» пациентов, чтобы подобрать максимально подходящий вид обезболивания, и вообще — для порядка. В конце концов, за свои почти семьдесят тысяч рублей люди заслуживают того, чтобы вокруг них немного похлопотали.

Самому Данилову претило деление пациентов на «платных» и «бесплатных». Не как борцу за социальную справедливость (Данилов знал, что она недостижима), а как врачу, обязавшемуся «внимательно и заботливо относиться к больному, действовать исключительно в его интересах независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств». К тому же «платные» пациенты, а особенно их родственники, досаждали персоналу роддома гораздо чаще и сильнее, чем «бесплатные». В их отношении к докторам ясно читалось что-то вроде «я вам плачу, а вы мне должны». Деньги — прекрасная и необходимая вещь, и Данилов считал, что их нужно уметь не только зарабатывать, но и правильно тратить: деликатно, с уважением к тому, чей труд ты оплачиваешь.

Платные пациенты и их родственники по негласной внутрироддомной классификации делились на три категории: «люди», «клиенты» и «козлы беспросветные».

«Люди» вели себя по-человечески, претензии предъявляли обоснованные, попусту не

скандалили, уважительно общались не только с докторами, но и со средним и младшим персоналом.

«Клиенты» любили порассуждать о своей крутизне, козыряли связями чуть ли не с президентом страны, но границ не переходили и никого не оскорбляли. Так только, тешили самолюбие. «Клиентов» в роддоме любили: чтобы доказать свою крутизну, они часто благодарили персонал деньгами сверх уже уплаченного по контракту. Пустячок, а приятно.

«Козлы беспросветные», они же — носители всех человеческих пороков, козыряли знанием действующего законодательства, к месту и не к месту цитируя кодексы и законы. С персоналом «козлы» часто и совершенно безосновательно переходили на «ты», постоянно напоминали о сумме, уплаченной ими за услуги родильного дома, и никогда не упускали возможности дать совет доктору или акушерке. Именно — профессиональный совет, касающийся ведения родов. Медицинские знания «козлы беспросветные» черпали на многочисленных интернет-форумах, бессмысленных и беспощадных, и, представься им такой случай, были бы рады поучать любого корифея акушерства и гинекологии. К счастью, корифеи с «козлами» не общались, предоставляя это сомнительное удовольствие рядовым, хоть и незаурядным, врачам.

Еще на «скорой» Данилов понял, что социальный статус человека далеко не всегда сказывается на характере его общения с окружающими. Попадались, хоть и редко, высокопоставленные чиновники и известные артисты, совершенно не кичившиеся своим положением. Встречались и работяги, ведущие себя так вызывающе, что только врачебная клятва мешала Данилову придушить их на месте голыми руками — или хотя бы попытаться.

— Все дело в комплексах, — утверждал Полянский. — Чем больше комплексов, тем хуже человек общается с себе подобными.

Данилов с этим не спорил.

Мужчина, муж роженицы, был явственный и однозначный «козел». Неприятный расклад. Оттого и у врача голос дрожит, и хмурится обычно веселая Таня Пангина.

«Обстановочка, едрить ее за ногу... Иначе и не скажешь». Роды — и так непростое дело что для будущей матери, что для врачей, и незачем их нервировать.

Данилов осмотрел стонущую женщину, поговорил с ней и ознакомился с историей родов, слушая комментарии Юртаевой и недовольное сопение мужа. Понятно было, отчего тот недоволен: «козлы» не выносят, когда что-то происходит без их участия, особенно если они «оплатили» процесс. «Вот и пусть бы сопел молча», — подумал Данилов, зная, что это невозможно.

За годы работы на «скорой» Данилов привык работать при зрителях, но роддом — совсем другое дело. Если в той, прошлой жизни чересчур назойливого или откровенно хамоватого родственника можно было попросить заткнуться и не мешать бригаде работать, то поступать так с родственниками «платных» рожениц было нельзя. Люди платили деньги и оттого чувствовали себя вправе вникать во все, что касалось их прямо или косвенно, а то и вовсе не касалось. Просьба замолчать и перестать мешать персоналу обернулась бы здесь серьезным скандалом.

У женщины не было никаких противопоказаний к эпидуральной анестезии: ни прыщей в месте предполагаемой пункции, ни пониженной свертываемости крови, ни неврологических заболеваний, ни предлежания плаценты. Закончив осмотр, Данилов подошел к раковине и начал тщательно мыть руки. При этом он говорил, обращаясь к обоим супругам сразу:

— Суть эпидуральной анестезии заключается в том, что обезболивающий препарат вводится в непосредственной близости от нервных корешков, которые «собирают» болевые ощущения от промежности, матки и органов малого таза вообще и передают их дальше — в головной мозг. Беря начало в спинном мозге, эти корешки проходят через плотную оболочку из соединительной ткани, защищающую спинной мозг, и выходят наружу из позвоночного столба в местах соединений позвонков. Пространство между стенками позвоночного канала и твердой оболочкой спинного мозга называется «эпидуральным».

Именно сюда, а не в спинной мозг, как думают некоторые, и вводится обезболивающий препарат. После проведения местного обезболивания я при помощи иглы введу тоненький катетер в это самое эпидуральное пространство. В области поясницы. Иглу уберу, а сам катетер закреплю у вас на спине. По нему будет медленно поступать обезболивающее. Вы не будете ощущать боль, хотя в то же время полностью останетесь в сознании. Это очень удобно как для вас, так и для нас...

Большая часть этих подробностей была непонятна людям, далеким от медицины, но Данилов был уверен, что пациенты должны знать или хотя бы иметь представление о том, что он будет делать, как и для чего. Информированное согласие на эпидуральную анестезию, подписанное пациенткой, было уже вклеено в историю родов (постарался заведующий отделением анестезиологии и реанимации), но Данилов всегда проговаривал вслух то, что считал нужным, особенно если в воздухе пахло конфликтом, чтобы не слушать потом: «а нам не сказали» или «нас не предупредили».

— Мы заплатили столько, что в первую очередь вы должны позаботиться о нашем удобстве! — перебил его муж. — А о своем — в последнюю очередь!

О выражении его лица, скрытого под марлевой повязкой, можно было судить по недружелюбному, колючему взгляду.

— Все наши усилия в первую очередь направлены на благо наших пациентов, — ответил Данилов ровным голосом, глядя прямо в глаза собеседнику, а затем протер руки тампоном, смоченным в спирте, и обратился к медсестре:

— Ира, будьте любезны.

Анестезист подвинула к доктору столик с инструментами, сняла с него стерильную салфетку-покрывало и распечатала упаковку одноразовых перчаток.

— Тряпье! — хмыкнул муж роженицы, взглянув на салфетку.

Стерильные салфетки и простыни и впрямь выглядят неаппетитно — совсем не как в кино, где все белое или снежно-белого, или пастельно-салатового цвета. В жизни же стерильные простыни серо-бурые и покрыты разномастными пятнами — этим они внешне отличаются от белых нестерильных.

Дело в том, что при стерилизации белое обрабатывается горячим паром, отчего ткань окисляется, темнеет и приобретает «грязный» вид, будучи при этом абсолютно чистой.

Акушерка тем временем сняла с роженицы рубашку и помогла ей усесться на краю кровати, свесив ноги вниз, согнув спину, опустив голову и плечи и положив руки на колени.

— Маша, тебе удобно? — забеспокоился муж.

— Беременной женщине в таком положении удобно быть не может, — вздохнул Данилов, надевая перчатки, — но удобного положения для пункции еще не придумали.

Доктор взял у Иры еще один тампон со спиртом и протер перчатки сверху, затем принял металлический зажим, похожий на ножницы с изогнутыми лезвиями — в них был зажат тампон, смоченный йодом. Данилов принялся тщательно обрабатывать место пункции, забирая широко вокруг. После йода обработал кожу семидесятиградусным спиртом, затем снова йодом и опять спиртом. Привычку к старому методу обеззараживания кожи Данилов приобрел во время интернатуры по анестезиологии и неукоснительно следовал ему, игнорируя новомодные асептики.

— Как это «не придумали»? — после непродолжительной паузы «взбух» муж. — А разве лежа пункцию не делают?

«Начитанный», — подумал Данилов с раздражением, переходящим в головную боль.

— *Ваша супруга имеет несколько избыточную массу тела, — стараясь говорить ровно и убедительно, начал Данилов, — ввиду чего оптимальный доступ, страхующий от осложнений, возможен лишь в положении сидя. Но если вы настаиваете, то я могу сделать пункцию в положении лежа.*

— Мне нормально... — негромко сказала роженица в паузах между протяжными стонами.

Врач и акушерка заботливо поддерживали ее с обеих сторон.

— Значит, при проведении пункции в сидячем положении вы гарантируете нам отсутствие осложнений? — посуловел муж. — Я вас правильно понял, доктор?

«Вот кретин! — мысленно выругался Данилов. — Накаркает». Вслух же он спросил, стараясь придать своему голосу побольше мягкости:

— Можно я буду работать молча? Извините, но я так привык. Разговоры мешают мне сосредоточиться.

— Игорь! — Роженица попыталась обернуться к мужу, но ей не дали этого сделать.

— Никаких движений! — строго сказал Данилов. — Сидите, как сидели, только согнитесь побольше. Сейчас я произведу местное обезболивание, которое может вызвать кратковременное чувство жжения или распирания. Это быстро пройдет, не волнуйтесь. Вы меня поняли?

— Да.

— Очень хорошо. Начинаем...

Данилов уселся на табурет рядом с кроватью, получил от Иры шприц с раствором лидокаина и начал обкалывать место пункции. Встревоженный «козел» встал у него за спиной и шепотом поинтересовался у Иры:

— Что за препарат?

— Лидокаин, — так же тихо ответила Ира.

«Как он тут еще на камеру весь процесс не снимает? — подумал Данилов. — Но диктофон у него в кармане точно есть, к гадалке не ходи».

Покончив с местным обезболиванием, Данилов подождал немного, чтобы подействовал лидокаин, а затем вооружился шприцем со специальной иглой для пункции, длинной и толстой. В шприце был физраствор. Данилов ввел иглу между позвонками и осторожно, не торопясь, продвинул ее вперед до тех пор, пока игла не перестала встречать сопротивления. Ощущение «провала» означало, что игла оказалась в эпидуральном пространстве.

Юртаева и Пангина держали роженицу и одновременно говорили ей что-то успокаивающее. Та односложно отвечала им в промежутках между стонами. Вокруг царил бы гармония — если бы не присутствие мужа.

Данилов отсоединил шприц и ввел через иглу тонкий пластиковый катетер. В этот момент роженица закричала — ее стоны никак не могли быть связаны с действиями Данилова, поэтому он спокойно вынул иглу, положил ее в лоток для использованных инструментов, принял у Иры шприц с обезболивающим раствором и несказанно удивился, услышав в свой адрес:

— Коновал! Нельзя ли поаккуратнее?!

Данилов почувствовал, как в висках надсадно застучали невидимые молоточки. Захотелось встать, взять хама за шкуру и разок-другой приложить лицом о стену. Или даже об железный угол кровати. «Спокойствие, только спокойствие, — напомнил себе Данилов. — Пропускаем мимо ушей идиотский комментарий и делаем свое дело».

— Сейчас я введу через катетер пробную дозу препарата, — сказал Данилов, обращаясь к пациентке. — Сообщайте мне обо всех своих ощущениях. Это очень важно. Дурнота, тошнота, звон или шум в ушах, онемение какой-то части тела, появление привкуса во рту, чувство тепла, холода, мурашки...

— Нельзя ли побыстрее? — снова встрял муж. — Сказали — сообщайте обо всех ощущениях, и все тут! Чего рассусоливать? Ей же больно!

— Я поступаю так, как считаю нужным, — коротко и жестко ответил Данилов, начиная вводить препарат.

— Вы должны поступать так, как нужно нам! — ярился мужчина. — Мы вам платим, а не наоборот!

Доктор Юртаева одарила Данилова сочувственным взглядом, но вслух ничего не сказала и к порядку мужа пациентки не призвала — похоже, уже успела понять, что это бесполезно.

— Что чувствуете? — поинтересовался Данилов у пациентки, введя первую порцию

обезболивающего.

— Живот тянет, как и тянуло, — ответила та, — и больше ничего.

— Значит, надо увеличить дозу! — «посоветовал» муж. — Чего время-то терять?

— Роды — это вообще долгий процесс, — успокаивающе сказала Юртаева. — Особенно первые. А Владимир Александрович — очень опытный и знающий врач...

— Ворон ворону глаз не выклюет! — грубо оборвал ее муж роженицы. — А то я не знаю! Вы всегда своих покрываете, как в Самаре...

Данилов усмехнулся, благо под марлевой повязкой все равно не было видно: «Интернет — зараза почище чумы».

Случай, то ли произошедший с пациенткой одного из самарских родильных домов, то ли полностью или частично выдуманный, за считанные часы стал известен всей стране. Рассказ о мытарствах несчастной женщины в родильном доме вывесила в своем блоге одна из ее родственниц. Этот текст больше походил на воспоминания узников гитлеровских концлагерей.

Пациентку начали обзывать еще в приемном отделении, причем оскорблениями не ограничились. Родственница, видевшая все своими глазами, в подробностях описывала грубые тычки, сопровождавшиеся не менее грубыми словами, которыми нерадивые акушеры и акушерки подгоняли роженицу. И так далее, с уймой шокирующих подробностей.

На взгляд Данилова, случай выглядел не совсем правдоподобно.

С одной стороны, в рассказе приводились фамилии, имена и должности виновных, что косвенно свидетельствовало о его реальности. При этом было совершенно не понятно, почему двоюродная сестра роженицы, бывшая рядом с ней все время и рассказавшая об этом всему Интернету, спокойно наблюдала, как злыдни в белых халатах мучают ее родственницу. Тут бы вмешаться, устроить скандал, поставить грубиянов на место...

Эта нашумевшая история никак не продолжилась: родственница ограничилась только одним рассказом, ничего не сообщив о его последствиях.

А самарским роддомом руководила бывшая однокурсница непосредственного даниловского начальника — доктора Вознесенского, заведующего отделением анестезиологии и реанимации. Вознесенский любопытства ради позвонил ей и узнал, что весь сыр-бор был вызван тем, что администрация роддома отказалась предоставить молодой матери с ребенком отдельную палату вместо двухместной, указанной в договоре. Пациентка и ее родственники наобещали несговорчивой администрации «кучу неприятностей», и надо признать, сдержали свое обещание. В роддом одна за другой нагрянули две комиссии — городская и областная. Кстати, одноместных палат в этом роддоме, построенном в пятидесятые годы прошлого века, вообще не было.

— Моя жена еще не родила, а я уже всем недоволен! — оповестил всех присутствующих скандальный муж. — Мы рассчитывали на совершенно другое...

«Такие, как ты, всегда всем недовольны, что ни сделай», — подумал Данилов, встал, отсоединил шприц, установил на конце катетера бактериальный фильтр и зафиксировал катетер лейкопластырем на спине пациентки.

— Не создает дискомфорт? — спросил он.

— Он — нет, — ответила женщина. — Ох, не от него мне сейчас так плохо...

Стонала она еще чаще и громче.

— Теперь можно прилечь, — сказал Данилов.

Ему осталось закончить процедуру: соединить катетер с автоматическим дозатором лекарства, который будет вводить обезболивающее на протяжении родов.

Акушерка помогла роженице надеть рубашку и уложила женщину на левый бок. Выглядела пациентка не очень: искаженное страданием, красное от натуги лицо, потрескавшиеся губы, лоб в мелких капельках пота. Данилов в очередной раз подумал о том, стоит ли мужьям присутствовать на родах.

Ира подкатила столик с дозатором к кровати и ногой застопорила одно из колес — мало ли что может произойти. Недели две назад одна из рожениц ударом ноги нокаутировала

акушерку, принимавшую роды. Ее немедленно сменила напарница, а пострадавшая пришла в себя лишь к первому крику младенца.

Данилов «зарядил» дозатор и присоединил длинную отводящую трубочку к катетеру, включил аппарат, обозначил время подачи лекарства и дозу.

— Скоро все будет хорошо, — ободрил он стонущую пациентку, резко сдергивая перчатки с рук. — Вы будете ощущать схватки, чувствовать осмотр доктора, но боли не будет. И вы полностью сохраните возможность тужиться, что немаловажно...

Перчатки полетели в лоток.

— Обезболивание не скажется на исходе родов? — в который уже раз вмешался муж роженицы.

— Скажется, но позитивно, — нелюбезно буркнул Данилов, закрепляя манжету тонометра на руке пациентки.

И больше для нее, чем для ее мужа, пояснил:

— В отличие от инъекций обезболивающих препаратов, эпидуральная анестезия хороша тем, что при ней препарат не проникает в кровь матери и соответственно — через плаценту в кровь плода. Так что ребенку от вашего обезболивания ничего не достанется.

— Обещать вы все мастера, — последовал ответ мужа. — У меня год назад отец в ведомственной больнице умер. Сделали операцию, занесли инфекцию, сепсис... Три месяца до семидесяти пяти лет не дожил.

— Ну, мы же сейчас не в ведомственной больнице, — с легкой укоризной заметила Юртаева. — К чему столь мрачные сравнения? Я понимаю ваше состояние, но право же, не надо так волноваться. Все будет хорошо.

— Вашими молитвами, — издевательски процедил кандидат в отцы. — Вот зачем ваш анестезиолог так часто давление моей жене меряет? У нее же синяки потом останутся. Или он такой тупой, что сразу забывает цифры?

«Вдох-выдох, — приказал себе Данилов. — Дышим медленно, глубоко и плавно. Прогоняем раздражение».

Раздражение и не подумало исчезать.

В темном оконном стекле отражался весь родовой зал. Не прекращая дышать, Данилов оценил обстановку и сделал еще один глубокий вдох, пытаясь усилием воли прогнать нарастающую головную боль. Не торопясь, он закончил измерять давление и, мельком взглянув в окно, резко выпрямился, одновременно шагнул назад и повернувшись вправо, словно желая передать Ирине тонометр. При этом локоть его правой руки заехал мужу пациентки в область солнечного сплетения, разумеется, совершенно случайно. Мужчина согнулся, и тут же в него впечатался в анестезиологический столик, задетый пошатнувшимся от неожиданного столкновения Даниловым. Что-то железное брякнуло и посыпалось.

Данилов надеялся, что все происходящее выглядит случайностью, а не результатом преднамеренных действий дежурного анестезиолога, который от души врезал хаму под дых и вдобавок протаранил его довольно тяжелым металлическим столиком.

Столик сбил мужчину с ног, «козел» ударился затылком об одну из опор передвижного светильника и затих. Сознания не потерял, просто сидел на полу, выпучив глаза, и то потряхивал головой, то начинал ощупывать ее обеими руками.

— Игорь! — Роженица попыталась было соскочить с кровати и броситься на помощь мужу, но Данилов и Пангина удержали ее.

Доктор Юртаева вместе с Ирой помогли мужчине встать.

— Извините, — развел руками Данилов. — Я и подумать не мог, что вы прямо у меня за спиной стоять будете.

Пострадавший промышчал что-то нечленораздельное, и Ира вывела его наружу — прийти в себя подальше от жены.

— Ноги отяжелели... — сказала пациентка. — И покальывает.

— Это в порядке вещей, — успокоил ее Данилов. — Боль уменьшается?

— Да, уже можно дух перевести... А на спину можно лечь?

— Можно, с катетером ничего не случится.

— Нет, — вдруг передумала роженица. — Я лучше посижу.

Она уселась на край кровати, поболтала ногами и удовлетворенно констатировала:

— Ой, хорошо как! Потягивает, но не болит.

— Ноги чувствуете? — спросил Данилов.

— Чувствую. — Пациентка даже смогла улыбнуться. — Только тяжесть небольшая. С ним все в порядке?

Последняя фраза была обращена к Ире, вернувшейся в зал.

— Все с вашим мужем нормально, не беспокойтесь, — махнула рукой Ира. — Я его в коридоре усадила. Отдохнет немного и вернется сюда. А вы, доктор, как — не зашиблись?

— Нет — Данилов сел на стул — наблюдать за пациенткой можно и сидя.

Сидеть было очень приятно, даже голова стала меньше болеть.

«Странное дело, — подумал Данилов, — работаю в стационаре, никаких носилок, никаких пробок, никакой беготни по этажам, а устаю не меньше, чем на «скорой». Возраст, что ли, сказывается?»

— Давайте посмотрим, как там наши дела, — сказала Юртаева, натягивая перчатки.

Роженица покорно улеглась на спину и закинула ноги в чистых носочках на держатели.

Данилов взглянул на часы, висевшие над входом. До конца субботнего дежурства оставалось всего ничего — правда, это не означало, что ровно в восемь часов Данилов встанет и уйдет. Он доведет роды до конца или, если они затянутся уж очень надолго, передаст пациентку доктору Ахметгалиевой и лишь после этого сможет уйти домой.

Данилов представил себе, как Ахметгалиева на его месте «отбрила» бы хамоватого мужа пациентки, и улыбнулся.

Выбрав удобный момент, когда в зале было очень шумно, Ира подошла к Данилову, склонилась к его уху и прошептала:

— Владимир Александрович, а легкий сотряс у мужа можно считать осложнением после эпидуральной анестезии?

— Нельзя, — столь же тихо ответил Данилов. — Зачем портить статистику? Да и мозгов как таковых у него нет. Так... губчатая субстанция.

Завтрак — кусок сыра, кусок ветчины, три крекера и кофе — Данилов съел в ординаторской под телевизор: главный врач роддома выступал на одном из местных телеканалов. Сидя в студии на фоне сменяющихся друг друга фотографий интерьеров роддома, главный врач неторопливо и обстоятельно рассказывала:

— Московский роддом № 9 располагает ста семьюдесятью пятью «взрослыми» койками, из которых сорок две приходится на отделение патологии беременных, сто — так называемых «родовых» и двадцать семь гинекологических и шесть реанимационных. «Детских» коек сто, из них двадцать две койки — в наблюдационном отделении, восемь коек предназначено для недоношенных детей, а еще шесть выделено в отделение реанимации новорожденных...

«Как будто отчитывается в департаменте, — подумал Данилов. — Начальственно-бюрократическую манеру разговора ничем не вытравить».

Молодой ведущий, видимо, тоже захотел оживить беседу; дождавшись намека на паузу в речи главного врача, он спросил:

— Ксения Дмитриевна, наших зрителей, а в первую очередь — зрительниц, готовящихся стать мамами, очень интересуется: какие палаты в вашем роддоме? Есть ли среди них одноместные?

— Палаты в роддоме двух- и трехместные, а в коммерческом послеродовом отделении — одноместные, с отдельным санузлом и душем. В роддоме есть четырнадцать индивидуальных родовых боксов, оборудованных на одну пациентку и ее ребенка.

— А много ли врачей дежурит по ночам и в выходные дни?

В обычной жизни главный врач отрезала бы: «Сколько надо, столько и дежурит!» — но

перед камерами она ответила иначе:

— В роддоме круглосуточно дежурят три акушера-гинеколога, один неонатолог, два анестезиолога и один детский реаниматолог. Врачам помогают опытные акушерки и медицинские сестры. Персонал у нас опытный, квалифицированный...

— Я знаю, что в вашем роддоме осуществляется экстракорпоральное оплодотворение.

— Да, в гинекологическом отделении.

— А какие вообще отделения есть в роддоме? — оживился ведущий. — Вот я, например, и понятия не имею, как у вас все устроено!

«Тебе-то зачем это знать?» — удивился Данилов.

— Ну, во-первых, это приемное отделение, оно расположено на первом этаже роддома. С него все и начинается. На третьем этаже роддома — второе акушерское, или наблюдательное отделение, со своим операционным блоком, родовым залом на три места, двумя родовыми боксами, малой операционной, смотровой и процедурными кабинетами.

— А что находится на втором? — сразу же спросил ведущий.

— На втором этаже роддома находятся администрация, центральное стерилизационное отделение, конференц-зал и дневной стационар. На четвертом этаже находится физиологическое родильное отделение на двадцать коек — два трехместных зала и четырнадцать боксов. Здесь проводят роды, кратковременное наблюдение за родильницами в послеродовом периоде и первичную обработку новорожденных. Также на четвертом этаже расположено анестезиолого-реанимационное отделение, при котором имеется оперблок.

— Оперблок — это место, где проводят операции?

— Нет, это место, где врачи слушают оперы, — сказал телевизору Данилов.

— Именно так, — улыбнулась главный врач, — операции. Пойдемте дальше, то есть выше. На пятом этаже роддома находятся послеродовое отделение и отделение новорожденных. На шестом — гинекологическое и коммерческое отделения...

Данилов смел в ладонь крошки со стола, подошел к окну, открыл его свободной рукой и осторожно высыпал крошки на пластиковый откос.

— На седьмом этаже расположены отделение патологии беременности, отделение пренатальной диагностики и физиотерапевтическое отделение...

Ведущий, должно быть, уже не раз пожалел о своем вопросе.

— А еще у нас есть аптека, лаборатория...

— И пищеблок! — подсказал Данилов, закрывая окно.

...и пищеблок, — послушно повторила главный врач. — Кроме того, наш роддом является клинической базой двух университетских кафедр — кафедры детских болезней и кафедры гинекологии и акушерства...

— Это, без преувеличения, один из самых лучших роддомов Москвы! — бодро подвел итог ведущий. — Напоминаю, что у нас в гостях была...

— Все сотрудники роддома могут по праву гордиться тем, что работают в таком замечательном месте! — сказал Данилов и выключил телевизор.

Глава вторая **ЕСТЕСТВЕННЫЕ РОДЫ**

— Хорошо быть заместителем префекта, — неонатолог Девяткина относилась к числу людей, умеющих находить положительные стороны во всем на свете, — тут люди отстегивают по семьдесят тысяч за роды в индивидуальном зале с отдельным врачом и акушеркой, а по благу можно даром получить то же самое, даже лучше.

«Более высокий уровень» означал дополнительных врачей: с самого начала на родах был персональный анестезиолог с медсестрой-анестезистом и персональный неонатолог, тоже с медсестрой. «Для пушей важности», — как выразилась Девяткина: неонатологу, врачу новорожденных, нечего было делать на родах до появления младенца.

Однако «вельможные» роды должны сопровождаться свитой. Еще до того как

племянница заместителя префекта отправилась в роддом, главный врач Ксения Дмитриевна собрала малый административный совет и отдала распоряжение: выделить для пациентки Крашенинниковой не только отдельного акушера с акушеркой, но и неонатолога и анестезиолога. С медсестрами.

— И как мы это организуем? — задал провокационный вопрос Вознесенский. — Можно подумать, у меня рота анестезиологов.

— Дополнительным дежурством врача, Илья Иосифович, — ответила «хозяйка».

— Так она может и двое суток рожать... — проворчал было Вознесенский, но сник под суровым взглядом Ксении Дмитриевны и более ничего не добавил.

Заведующий гинекологическим отделением Ворхлюк сидел, небрежно развалившись на стуле, и всем своим видом показывал, что обсуждаемые проблемы его не касаются.

— Холить, лелеять, облизывать и надолго не задерживать! — велела главврач.

Внеочередное дежурство — как и многие другие неприятные поручения — досталось новичку, доктору Данилову.

Двадцатисемилетняя впервые беременная Ольга Крашенинникова была убежденной сторонницей естественности всех сторон жизни. От приема и введения любых лекарственных препаратов молодая женщина отказывалась наотрез, так что присутствие анестезиолога на ее родах изначально было номинальным. Данилов был нужен, только если возникнут осложнения — мало ли как могут пройти роды. Ни один опытный акушер не позволит себе сказать, что роды закончились благополучно, пока младенцу не исполнится как минимум шесть часов.

Поначалу Данилов сел возле кровати пациентки, собираясь следить за ее состоянием и попутно рассказывать, для чего нужно то или иное лекарство — вдруг женщина образумится и согласится на обезболивание. Но доктор Юртаева, разгадав его маневр, тихо и веско посоветовала Данилову «уйти на периферию и ждать своего часа». Данилов, и не подумав обидеться, уселся поболтать с неонатологом. Вартик — акушерка, славившаяся в роддоме самой «легкой рукой», — и сама доктор Юртаева занимались роженицей.

— Лучше быть племянницей префекта, — заметил Данилов. — Никаких геморроев по службе, никаких уголовных дел, никаких скоропалительных отставок, а выгод и преимуществ столько же.

— Это так, — вздохнула Девяткина. — Мы тут сейчас сидим, стараемся, а ее дядьку, говорят, скоро снимут. С мэром он отношения испортил...

— А тебе-то чего? — Данилов удивился не столько интересу, сколько осведомленности Девяткиной. — Разве не фиолетово? Одного снимут, другого назначат. Круговорот чиновников в бюрократической природе.

— Так, глядишь, можно было бы к нему за помощью обратиться, — ответила Девяткина. — Есть повод — у меня же квартира служебная, от округа. В любой момент меня оттуда выгнать могут. Хочется ее в собственность перевести, чтобы не остаться на бобах. Слышал, что в Братеево делается?

Слышал, конечно.

Братеевские поликлиники приглашали к себе врачей, обещая обеспечить их жильем — дескать, приезжайте к нам работать, мы вам квартиры предоставим, а через десять лет они станут вашей собственностью. Врачи приехали в далекое от всех благ цивилизации и только что отстроенное Братеево, получили квартиры, устроились на работу в ближайшие поликлиники и стали себе жить-поживать, зная, что через несколько лет станут собственниками жилья. Однако квартиры так и остались служебными. Кто что кому обещал, сейчас уже было не разобраться: то ли обещания давались устно, то ли договоры можно было оспорить, то ли закону было не до врачей с их проблемами. Данилов искренне сочувствовал коллегам, хотя и понимал, что служебную квартиру нельзя воспринимать как потенциально собственную. Не тот у рядовых врачей статус, чтобы получать такие подарки от государства.

— Зря губы раскатала, — добавил он, — толку все равно не будет. Ты для них кто?

Обслуга. Чином повыше официанта, но все равно обслуга. С просьбами тебе обращаться не пристало...

Роженица стонала, вопила, скрежетала зубами, клялась, что больше никогда никому не даст, материлась, размахивала руками и ногами, но всякий раз на участливый вопрос доктора Юртаевой: «Оленька, может, облегчим немного?» — отрицательно трясла головой и вопила: «Нет!»

Субтильная Оленька оказалась личностью невероятно крепкой, почти стоической. Когда ее беременности исполнилось сорок недель, шейка матки без каких-либо схваток раскрылась на три сантиметра да так и замерла. Раскрытие диагностировала доктор, наблюдавшая Оленьку дома; она попыталась немедленно госпитализировать свою подопечную, но та отказалась. Минула сорок первая неделя, затем — сорок вторая, а роды все не начинались. Не хватало какого-то маленького толчка, чтобы пошло само собой. Будущей матери регулярно делали положенные исследования, все было в порядке, в совершеннейшем порядке, оставалось только ждать. Разумеется, ни о какой медикаментозной стимуляции Оленька и слышать не хотела. Кто-то в Интернете посоветовал ей древний, но, как оказалось, весьма действенный способ стимуляции начала родов с помощью свежевыжатого лимонного сока. То ли два лимона «запустили» процесс на сорок третьей неделе, то ли организм решил, что уже пора, в общем, началось. Диагностировав начавшееся раскрытие шейки матки, семейный врач отправила Оленьку в роддом, где ее уже ждала «свита».

При поступлении Оленька попыталась отказаться даже от клизмы, но уж на эту процедуру ее удалось уговорить.

— Мы делаем клизму всем без исключения не из-за садизма и не для плана, а для того чтобы вы рожали в гигиеничных условиях, — сказала заведующая физиологическим отделением, попечению которой главный врач поручила «высокопоставленную» пациентку. — Вам так самой будет комфортнее.

Оленька подумала и согласилась.

Теперь у доктора Юртаевой была следующая, не менее важная и не менее трудная задача — уговорить пациентку на прокол околоплодного пузыря. Эта простая манипуляция обычно ускоряла процесс, но Оленька от прокола отказывалась, твердя: «Пусть все идет так, как положено».

— А я бы сделал прокол, — высказался Данилов, — нельзя же идти на поводу у пациента, когда тот заведомо неправ.

— А как же демократия и права пациента? — поддела его Девяткина.

— А как же долг врача? — Данилов поморщился от особо пронзительного вопля роженицы. — Согласись, что профессионал оценивает показания несколько иначе, чем дилетант. Согласие согласием, но...

Еще один вопль.

— Оленька, может быть мы все же... — начала Юртаева.

— Не-е-ет!

В подтверждение серьезности своих намерений Оленька съездила ногой по уху акушерку Вартик.

— Так мы до следующего утра провозимся, — резюмировала Девяткина. — Первые роды ведь.

Часы над входом показывали четверть первого. Дня, а не ночи. В этом свете пророчество Девяткиной выглядело особенно мрачным.

— Не наша вина, — вздохнул Данилов. — но мучительно. Не люблю сидеть без дела.

Ему было скучно. Он с удовольствием бы занялся чем-нибудь полезным и нужным, но приказ главного врача был однозначным: «Из родзала никуда! Разве что в туалет, и то — пулей!»

— Действительно, Ивановна могла бы во время осмотра, словно невзначай, воды выпустить, — согласилась Девяткина. — Подсказать ей, что ли?

— Захочет — сама сообразит.

Неслышной поступью в зал вошла главный врач. Высокая и плотная, Ксения Дмитриевна двигалась очень легко, и мало кто в роддоме рисковал заниматься чем-либо запретным или отлынивать от работы, сознавая, что «хозяйка» может появиться рядом в любую минуту.

— Ну, как у нас дела? — преувеличенно бодро спросила главврач.

— Еще не родила, — невежливо отозвалась акушерка Вартик, левое ухо которой покраснело и немного припухло.

— Я вижу, — ответила Ксения Дмитриевна, подходя к кровати. — Ну, Оленька, как ваше самочувствие?

— Хреново! — ответила Оленька, которой и впрямь приходилось несладко. — А-а-а!

Юртаева зашептала на ухо главному врачу. Та выслушала, демонстративно подняла глаза к потолку и слегка покачала головой.

— Елена Ивановна настаивает на проколе пузыря, и я с ней полностью согласна, — пропела она медовым голоском. — Ведь это существенно ускорит процесс и облегчит ваши страдания...

— Нет! Никаких посторонних вмешательств! О-о-о-а-а!

— Страдание очищает душу! — шепнула Данилову Девяткина.

— И укорачивает жизнь, — в тон ей отозвался Данилов.

— Ну, подумайте, подумайте, — не стала настаивать «хозяйка». — Елена Ивановна, если понадобится — я у себя.

На выходе она остановилась возле Данилова и Девяткиной.

— Доктора! А где ваши сестры?

— В коридоре разминаются, — ответил Данилов, вставая.

— Что-то я их там не видела! — нахмурилась главный врач. — Курят небось.

Данилов ожидал продолжения, но «хозяйка» махнула рукой, мол, что с вас взять, и вышла столь же неслышно, как и вошла.

Время, казалось, замерло. Крики, стоны, уговоры, причитания — все это слилось в единый фон, плотную пелену, обволакивающую и отупляющую сознание. Данилов снова посочувствовал охранникам — не каким-то конкретным, а вообще всем: ведь это невыносимо трудно — сидеть сложа руки и ждать, ждать, ждать... Прихода начальства, часа «икс», конца смены — ожидание тягостно и мучительно. Кто сказал, что хуже всего ждать и догонять? Гнаться — интересно: азарт, состязание, предчувствие победы, смена декораций. Разве сравнится погоня с ожиданием?

В перерыве между схватками пациентке в очередной раз захотелось прогуляться по родовому залу. Поддерживаемая Юртаевой и Вартик, она спустилась на пол, и, игнорируя просьбы передвигаться осторожно, сделала два довольно смелых шага. На третьем шаге пузырь наконец-то лопнул и околоплодные воды хлынули на пол.

— Ой, что это?! — воскликнула Оленька.

Будущую мать срочно вернули на ложе. Доктор Юртаева при помощи специального ремня присоединила к ее животу датчик монитора сердцебиения плода, подождала, пока санитарка, вызванная из коридора, вытрет пол вокруг кровати, затем натянула перчатки и занялась осмотром.

— Головка установилась! — оповестила она всех присутствовавших.

— Долго еще? — поинтересовалась роженица.

— Не очень, — туманно ответила доктор. — Посмотрим, как дальше пойдет раскрытие...

— Мне главное, чтобы без лекарств! — простионала Оленька. — Чтобы все естественно...

— Вообще-то всем главное — чтобы ребенок здоровый родился, — шепнула Девяткина. — Ксения ушла, пойду-ка я покурю...

— По моей команде мы станем тужиться так, как учили, — запела спую песнь Вартик,

— и не будем халтурить. Будем тужиться как следует! Но — по команде! Скажу «тужься» — надо тужиться, скажу «не тужься» — останавливаемся.

Казалось бы, зачем ей в десятый, если не двадцатый раз, повторять одно и то же? Но женщины, особенно те, кто впервые рождает, часто теряются от боли и невозможности контролировать себя, забывая и то, чему их учили до родов, и то, что им объясняли полчаса назад. К тому же уверенный тон голоса акушерки успокаивает роженицу, придает ей уверенности в благополучном исходе родов. Из молчуньи хорошей акушерки не получится, молчуньям лучше в операционные сестры идти.

Данилов прислонился спиной к стене и прикрыл глаза. Ночью ему не удалось поспать: Никита, в котором вдруг забурлила подростковая самостоятельность, не явился домой к положенным девяти часам, а его телефон был выключен. Пока Лена обзванивала приятелей и одноклассников сына, Данилов, вооружившись мощным фонарем, обошел весь район. Периодически он звонил жене и, узнав, что Никита пока не найден, расширял радиус поисков.

Блудный сын явился домой в половине первого. Объяснил, что ходил с приятелем в кино, а потом еще «немного погулял и незаметно загулялся». Мобильный же он впопыхах забыл зарядить и заметил это только по возвращении домой.

Он не отвечал на вопросы, огрызаясь на упреки. В третьем часу ночи Лена наконец отправила Никиту спать, а потом до утра фантазировала на тему «Где он был, и что там делал, и что с ним вообще происходит». Ей не приходило в голову, что это обычная подростковая безалаберность и вечное желание ребенка доказать всем, что он уже взрослый.

Данилов успокаивал жену, пытаясь погасить бурю эмоций своей рассудительностью.

Елена позволила себя убедить, что с Никитой все нормально, лишь в седьмом часу утра, когда ложиться было уже поздно. В итоге Данилову невыносимо хотелось спать. Он надеялся наверстать свое вечером, начав «давить подушку» чуть ли не семи часов, но, придя на работу, узнал о внеочередном «дежурстве».

«Добрый боженька, Гиппократ, Асклепий и все-все-все, — обратился к высшим силам Данилов. — Сделайте, пожалуйста, так, чтобы она родила поскорее и обошлась бы без моих услуг».

Обращение сработало, правда, Данилов потом долго корил себя за эгоизм. Следовало просить, чтобы роды прошли благополучно, без лишних напрягов не только для анестезиолога-реаниматолога, но и для остальных врачей. Увы, высшие силы любят подшутить над людьми, дословно исполняя их просьбы.

Когда появились первые признаки потуг, врачи оживились. Самой роженице все уже было безразлично — ей казалось, что этот кошмар не кончится никогда.

Данилов вместе с Ирой встали в изголовье кровати: оттуда было удобнее следить за состоянием пациентки, не мешая врачу и акушерке.

— Отдохнули, подышали, так, хорошо... а теперь тужимся, раз-два! Сильнее, давай-давай, не изображай потугу, а тужься... Молодец! Теперь передохни...

— Оленька, я предлагаю сделать небольшой разрез в промежности, — сказала Елена Ивановна в перерыве между потугами. — Лучше, конечно, под местным обезболиванием, но можно и без него. Разрез предотвратит разрывы мягких тканей...

— Эпизиотомия, я знаю, — ответила просвещенная роженица. — Не надо, пусть все идет как идет...

Данилов уважал людей, следующих своим убеждениям. Эпизиотомия — это разрез мягких тканей промежности. Врачи делают ее не потому, что садисты, а только для расширения родовых путей. Правильно сделанный разрез действительно облегчает продвижение головы ребенка и тем самым предотвращает разрывы.

Опытные врачи зачастую делали разрез и без обезболивания. Дело в том, что головка плода на высоте схватки сильно растягивает ткани промежности, и от этого они на некоторое время утрачивают чувствительность.

— Вы уверены? — переспросила Юртаева. — Ведь это просто разрез в два

сантиметра...

— Не надо... не хочу...

— Хозяин — барин, — негромко высказалась в сторону Вартик. — Наше дело — предложить.

— Разрывы будут, — сокрушенно покачала головой Юртаева.

— Это мы еще посмотрим, — ответила акушерка. — Али мы не мастера?

— Мастера, мастера, — поспешила согласиться Юртаева. — Это я так — про себя...

Потерпи, Оленька, мало уже осталось. Совсем чуть — чуть...

Роженица никак не отреагировала на ее слова.

— Теперь не тужься! — громко сказала Вартик, когда головка плода должна была вот-вот выйти наружу.

Акушерский талант в первую очередь заключается в том, чтобы помочь ребенку выйти наружу правильно, не порвав мать и не навредив себе.

Роженица поняла команду слишком буквально — прекратив тужиться вообще. Все замерло.

— А теперь тужимся как следует! — гаркнула Вартик.

Реакции не последовало.

— Давай же! Ну!

— Не могу, — слабо простонала Оленька. — Сил нет...

Юртаева среагировала мгновенно. Встала сбоку от роженицы, перекинула руку через ее живот, ухватилась за противоположный край кровати и, приседа, как следует надавила вниз, крикнув:

— Тужься! Тужься сильнее, чтоб тебя!

— М-м-мы-ы-ы! — послушно напряглась Оленька.

Раз, другой, третий... и вот Вартик, ухватив за головку, потянула новорожденного наружу — очень осторожно, чтобы ненароком не свернуть малютке шею. Движения отработаны многими годами практики, ведь «легкая рука» — это только на десять процентов талант, а остальное — знания и опыт.

Новорожденный был бледно-синим, не шевелился, не кричал, и, как показалось Данилову, не дышал. Девяткина приняла его у акушерки, хлопнула по спине, недовольно покачала головой, и, как только Вартик перевязала и перерезала пуповину, стремглав сорвалась с места, шепотом бросив коллегам:

— Дышит.

За ней выбежала «детская» медсестра.

— Всего один крошечный сантиметровый разрыв, — гордо сказала Вартик. — Для первородящей...

Для первородящей, да еще без эпизиотомии, это и впрямь было замечательно. Могло бы быть гораздо хуже.

Юртаева вытерла рукой пот со лба, поправила очки и нарочито весело сказала:

— Поздравляю, Оленька, вот мы и отражались.

— Все? — не поверила молодая мать, еще три минуты назад бывшая роженицей.

— Все, — подтвердила врач. — Девочка у вас, дочка...

Юртаева сделала короткую паузу, и, словно прикинув в уме, продолжила:

— Три с половиной килограмма.

— А сколько баллов?

— Что? — переспросила врач.

— Сколько баллов по Апгар?

Баллы по шкале Апгар — от нуля до десяти — это первая оценка, которую получает крошечный человечек, едва появившись на свет. Потом в его жизни будет множество оценок, но вряд ли какая-нибудь из них по важности сможет сравниться с самой первой, характеризующей его жизнеспособность. Акушер оценивает ребенка сразу после рождения и через пять минут, характеризуя его крик, дыхание, цвет кожи...

— Девять баллов! — Чтобы не травмировать молодую мать, Елена Ивановна увеличила оценку более чем в три раза.

— А где она? — заволновалась мать. — Почему я ее не слышу?

— Ее сейчас обрабатывают, взвешивают... и вообще неонатологам много чего надо сделать с новорожденным. Тем более что вы сейчас настолько изнурены, что вам ее и в руках не удержать. Так что всему свое время. Не волнуйтесь — с ребенком все нормально.

— А когда ее принесут?

— После того, как вы поспите, — пообещала Юртаева. — Вам надо отоспаться, прийти в себя... Снотворное я вам не предлагаю...

— Не надо.

— ...думаю, что вы и так заснете.

Юртаева помяла опавший живот пациентки, оценивая, на каком уровне находится дно матки, и положила на него пузырь со льдом, обернутый в вафельное полотенце.

— Холодно! — поморщилась Оленька.

— Это необходимо! — категорично отрезала Юртаева.

— Хорошо.

— Вот и славно! Сейчас я наложу вам швы на место разрыва, а затем мы переведем вас в соседнюю палату, вы там полежите несколько часов, а потом уже пойдете «на этаж», — резюмировала Елена Ивановна. — Швы накладывать без обезболивания? Или сейчас, когда все уже позади...

— Без обезболивания. Действительно — все уже позади...

— Будь по-вашему, — согласилась врач.

Юртаева задвинула выдвижной лоток кровати, предназначенный для приема новорожденного, уселась у распахнутых колен Оленьки и начала шить. Вартик ей ассистировала. — подавала салфетки, тампоны и зажатую в зажиме иглу с уже вдетой нитью. Они справились за пару минут.

Данилов тем временем измерил пациентке давление, оценил пульс, выслушал сердечные тоны, осмотрел зрачки и не нашел никаких отклонений.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Превосходно, — попыталась улыбнуться родильница.

— Ничего не беспокоит?

Пациентка закрыла глаза и отрицательно покачала головой.

Наложив два шва, Елена Ивановна обратилась к Данилову с Ирой:

— Спасибо, коллеги, можете отдыхать. Отстояли свое.

«Отстояли, отсидели — какая, к черту, разница», — подумал Данилов, отправляясь в ординаторскую — выпить кофе.

— Как все прошло? — спросил его заведующий отделением анестезиологии.

Общительный и добродушный, Илья Иосифович предпочитал ординаторскую своему крошечному кабинетику.

— Мать нормально, ребенок не очень.

— Совсем плохо?

Данилов пожал плечами. Взяв со своего стола чашку, он дунул в нее, затем бросил внутрь чайный пакетик, налил сверху кипятка и уселся на диван, закинув ногу на ногу.

— Совсем с ума посходили некоторые, — начал Вознесенский.

— Кто именно? — спросил Данилов.

— Как будто не знаешь! — хмыкнул шеф. — Народ продолжает волноваться — кого на «хозяйкино» место посадят. И с каждым днем волна все шире, а дерьмо — все гуще. То Гавреченков сходит с ума, то Гвоздев на что-то надеется. И начмед небось когти точит, даром что в отпуске...

Главному врачу роддома недавно исполнилось шестьдесят три года, и вскоре она должна была уйти со своего поста. Все в больнице гадали: кто займет ее место? Многие сотрудники считали, что «повысят» кого-то из своих, и пытались понять, кого именно.

Вознесенский же придерживался противоположного мнения, ожидая, что новый главный врач будет из «варягов»: кем-то посторонним, пришлым.

— И каждый пытается перетянуть меня ка свою сторону. Всю плешь проели! — Шеф звонко шлепнул свободной левой рукой по своей блестящей лысине. — Да еще с намеками, что если, мол, что не так, то заведующим тебе не быть! Если честно — то в гробу я видел это заведование. Я здесь все потерял — и здоровье, и сон, и шевелюру! Уйду в госпиталь ветеранов, меня туда давно зовут заведовать, непременно уйду!

Если верить Илье Иосифовичу, каждое лечебное учреждение Москвы мечтало заполучить его в заведующие отделением анестезиологии и реанимации. Однако он не торопился уходить, сохраняя верность родильному дому, в котором, по его собственному признанию, потерял все, кроме умения радоваться жизни. На потерявшего здоровье энергичный толстяк Вознесенский похож не был. Шевелюра — другое дело, от нее на голове заведующего отделением остался только неширокий венчик полуседых волос.

— Ладно! — Сделав очередной глоток кофе, Илья Иосифович подобрел. — Поработаю пока. Мне в этом цирке божьем не участвовать — анестезиолога в главврачи роддома все равно не поставят. Понаблюдаю со стороны, а уж потом уйду. Если вынудят.

— Мудрое решение, — вежливо кивнул Данилов, которому давно наскучили однообразные речи заведующего. — Поживем — увидим.

— Слышал я, что вашего Гучкова вроде бы прижали, — продолжил Вознесенский, для которого Данилов был не просто подчиненным, а человеком со «скорой помощи». — Будто бы за закупку лекарств...

— Не знаю, но за это у нас любого попереть можно, — отозвался Данилов. — Не глядя. Как и за закупку всего остального. Закупки — дело скользкое, но прибыльное. Как говорится, «сидя у реки, от жажды не умрешь».

— Это точно, — согласился шеф и вдруг встревожился: — Что-то на тебе лица нет, уж не заболел ли?

— Не выспался. — Углубляться в подробности Данилову не хотелось.

Дверь ординаторской открылась, и в нее просунулась голова в колпаке, надвинутом по самые глаза.

— Илья Иосифович, вас в обсервации ждут!

— Забыл! — спохватился Вознесенский, вылезая из-за стола, протянув Данилову ладонь для рукопожатия, и сказал:

— Раз быстро отстрелялся — иди домой. Сегодняшний день будем считать обычным, а дежурство перенесем на завтра, а то Клюквин у меня отпрашивается.

После его ухода Данилову стало скучно. Он быстро допил чай, снял халат, натянул куртку, поискал в ординаторской свою сумку, завалившуюся глубоко под стол, и поспешил домой.

Всю дорогу он думал о том, правильно ли поступил, уйдя со «скорой» в анестезиологию. У новой работы была масса преимуществ, ко и недостатки тоже были. Да и где их нет — недостатков?

Вариантов у Данилова было не так уж и много: идти в терапевты, участковые или «стационарные» или же вспомнить о своей интернатуре по анестезиологии и тряхнуть стариной. Так Данилов и решил сделать — и реальность тут же ответила ему: с подачи коллеги со «скорой» Данилов «вышел» на главного врача роддома, где нужен был анестезиолог.

— Странно, что вы с подготовкой по анестезиологии-реаниматологии работали не на специализированной, а на обычной бригаде. Почему так получилось? — с ходу спросила его Ксения Дмитриевна.

Этот вопрос означал: «Какие грехи не пустили тебя в бригаду интенсивной терапии? Почему ты работал обычным выездным врачом?»

Грехов не было. Просто когда Данилов устраивался на «скорую» врачом (до того он подрабатывал фельдшером на пятом и шестом курсах), вакантное место в бригаде

интенсивной терапии было лишь на другом конце Москвы — в районе Волоколамского шоссе. Ездить в такую даль Данилову не хотелось, вот он и остался на линейной бригаде, зато ближе к дому. Остался временно, до появления подходящей вакансии где-нибудь рядом, но как известно, нет ничего более постоянного, чем временное. Так и проработал все годы на линии.

Главврача устроило объяснение Данилова (плюс сыграла положительная рекомендация коллеги), и согласилась принять его на работу — и практически сразу же отправить на курсы по анестезиологии, необходимые для получения сертификата.

На новом месте Данилову работалось спокойнее. Есть, конечно, разница между работой «на улице» и в стационаре. В стационаре всегда тепло, светло и сверху не капает. Но Данилов ожидал большего, и в первую очередь — самостоятельности, той самой, к которой привык на «скорой», где сначала принимал решение, затем действовал и лишь в самую последнюю очередь отчитывался перед начальством. Кому-то другому такая свобода не была нужна, но Данилов без нее задыхался. Он верил в себя — в свое мастерство и врачебную интуицию.

Глава третья

КЕСАРЕВО ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Обычные люди, далекие от медицины, считают, что кесарево сечение — простая операция: раз-два, и готово. И врачам-де проще скальпелем махнуть, чем помогать женщине разродиться, да и быстро как!

Действительно, кесарево сечение делается быстро — примерно за полчаса. Это если без осложнений. Но никто из медиков не назовет его простой операцией.

На самом же деле кесарево сечение — операция ответственная и сложная как для хирурга с помощниками, так и для анестезиолога. Ни один орган не кровоточит так яростно, как беременная матка с ее чрезмерно расширенными сосудами. И мало какая операция сулит врачам столько опасных сюрпризов.

Данилов делил все операции не на простые или сложные — ведь только по окончании можно сказать, сложной была операция или простой, — а на приятные и неприятные. Приятность определялась не поведением пациентов или их родственников, а врачом, производящим операцию.

Со стороны кажется, что хирурги и анестезиологи — одно целое, единый оперирующий организм. На самом деле между ними существуют определенные противоречия. Этот антагонизм прекрасно иллюстрирует одна из шуточных заповедей анестезиолога: «Нельзя верить хирургу, что в организме больного не существует других органов, кроме того, который он собрался оперировать».

А еще анестезиологи любят повторять: «Бывают малые миграции, но не бывает малых наркозов». А самые наглые из них рискуют даже утверждать, что хирург может зайти ровно настолько далеко, насколько ему позволит это сделать анестезиолог. И это тоже верно.

По собственной классификации Данилова, обожающего систематизировать все и вся, хирурги бывали толковые и бестолковые. Толковые прекрасно понимали, что анестезиолог — тоже врач, и ответственность за больного он несет не меньшую. Толковые хирурги, в отличие от бестолковых, советовались с анестезиологом, а не ставили его в известность, спрашивали, а не требовали, высказывали пожелания, но не угрожали.

— Я понимаю — хирург работает, делает операцию, — услышал Данилов от одного из больных еще в интернатуре, — а анестезиолог — что делает? Дал наркоз и знай себе — сиди отдыхай.

Человеку, далекому от медицины, простительно заблуждаться, врачу же — нет.

Любой врач знает, что анестезиолог не просто вводит пациента в наркоз, он во время операции постоянно следит за состоянием оперируемого: не падает ли его давление, не замедляется ли биение сердца, да и мало ли что еще может произойти во время операции. А

еще введенного в наркоз надо грамотно разбудить, а после наблюдать не меньше суток. А подготовка к наркозу, а выбор вида обезболивания... И так далее, и так далее.

В общем, работа у анестезиолога важная, сложная и ответственная.

У заведующего отделением патологии беременности Алексея Емельяновича Гавреченкова было за плечами двадцать лет работы, высшая врачебная категория и кандидатская диссертация, что не мешало ему оставаться заносчивым самовлюбленным идиотом. Специалистом Алексей Емельянович был не ахти каким, не хватало ему ни теоретической базы, ни элементарной врачебной вдумчивости, зато он умел общаться с нужными людьми и в нужное время оказывался на нужном месте в нужном качестве. Гавреченкова в роддоме не любили и побаивались: как и многие несостоятельные специалисты, он был исключительно злопамятным и мстительным. Когда-то окружное управление здравоохранения буквально заставило главного врача взять Гавреченкова в заведующие — таким образом начальство округа попросту отделалось от него.

У Данилова с Емелей, как называли Гавреченкова, отношения сразу не сложились. В самом начале своей работы Данилов обратился к Емеле, бывшему ответственному дежурным по роддому, с вопросом, касавшемся перевода женщины из реанимационного отделения в ОПБ, и услышал:

— Сейчас я являюсь ответственным дежурным по роддому и решением подобных вопросов заниматься не должен. Напомните мне после дежурства, когда я буду в качестве заведующего отделением.

— Вы прямо как Господь Бог — едины в трех лицах, — брякнул Данилов. — Впрочем, нет, больше вы смахиваете на двуликого Януса.

— Да что вы себе позволяете! — взвился Емеля.

— Ничего лишнего, — заверил Данилов. — Вполне пристойное сравнение.

Встретив его неприязненный взгляд, Емеля промолчал, но затаил обиду и никогда не упускал возможности во время совместных операций указать Данилову на недочеты в его работе, большей частью мнимые. На операциях Гавреченков постоянно говорил о том, что анестезиологи разучились правильно рассчитывать дозы миорелаксантов (препаратов, расслабляющих мускулатуру), и оттого хирургам то и дело приходится отодвигать в сторону петли кишок, норовящих попасть под скальпель. Каждая совместная операция проходила под глумливые или откровенно хамские выпады вроде:

— Если уровень нашего анестезиолога позволит...

Или:

— Наркоз не увеселительная прогулка, он ума и знаний требует...

— Что к тебе Гавреченков то и дело цепляется? — однажды поинтересовался Вознесенский. — Какую-нибудь пассиву не поделили?

Алексей Емельянович слыл Казановой.

— Мы не сошлись во мнениях по одному богословскому вопросу, — привычно отшутился Данилов своей излюбленной фразой. — Ничего особенного.

— Гляди, — предупредил шеф, — с Емелей лучше не конфликтовать! Он ничего не забывает. Будет гадить при каждом удобном случае.

— Я тоже ничего не забываю, — ответил Данилов. — Хорошая память. Только гадить хожу в туалет.

Вознесенский в ответ только покачал головой, но впредь старался не ставить Данилова на гавреченковские операции. Однако анестезиологов в роддоме мало, вдобавок кто-то постоянно или болеет, или отгуливает длинный «анестезиологический» отпуск, или учится на курсах повышения квалификации — так что иногда Данилов и Емеля встречались у операционного стола. Надо ли говорить, что по даниловской классификации Гавреченков относился к хирургам «неприятным», общение с которыми не доставляло радости?

Данилов принципиально избегал склок и пререканий, поэтому молча терпел выходки Емели, лишь изредка позволяя себе уточнить, что именно не нравится оперирующему врачу. Формальный повод для недовольства находился всегда: Алексей Емельянович относился к

людям, которые, если дать им волю, и в курином яйце найдут клочок шерсти.

Кесарево сечение можно делать как с общим, так и с местным обезболиванием — и у каждого из этих методов есть и преимущества, и недостатки. Вопрос о виде обезболивания в каждом случае решается индивидуально, и последнее слово должно оставаться за анестезиологом. Гавреченков не упускал случая высказать недовольство — то ему не нравилось оперировать под местным обезболиванием, то он был якобы недоволен тем, что общее обезболивание может негативно сказаться на послеоперационном восстановлении пациента. Он сильно напоминал Данилову доктора Бондаря, с которым они препирались во время работы на «скорой помощи», но Гавреченков был его усовершенствованным образцом — еще более неприятным в общении, плюс — обладающим определенной властью, а оттого совершенно невыносимым.

У сегодняшней пациентки было стопроцентное показание к кесареву сечению: предлежание плаценты. Вместо того чтобы, как положено, прикрепиться к задней стенке матки, плацента ее ребенка крепилась спереди, над шейкой матки, перекрывая младенцу выход наружу. При предлежании плаценты операцию проводят на тридцать восьмой неделе беременности, а иногда и раньше.

— Я хочу общий наркоз! — заявила женщина Данилову, едва он успел ей представиться. — Я, конечно, понимаю, что при местном наркозе я смогу сразу же увидеть сына, как только его «родят», но я ужасная трусиха и вряд ли смогу спокойно дождаться этого момента.

— Ваше право, — согласился Данилов, тем более что противопоказаний к общему обезболиванию у пациентки не было.

Желание пациента — это ведь тоже веское показание, или, если, посмотреть с другой стороны, — противопоказание. У волнующегося человека повышается артериальное давление, а это во время операции кесарева сечения может кончиться сильным, неукротимым кровотечением. Считанные минуты — и мать умирает, а ребенок остается сиротой, едва появившись на свет.

Кроме того, беспокойная пациентка очень быстро сможет довести врачей до состояния нервного срыва, они начнут торопиться, будут шить не так тщательно, как могли бы, и могут даже забыть что-нибудь в ране. Не очки и конечно же не ребенка, а вот тампон или какой-нибудь мелкий инструментарий — запросто. Так что местное обезболивание при полостных операциях — выбор сдержанных и крепких духом людей. Остальным лучше на время операции отключаться полностью — так спокойнее и им, и врачам с медсестрами.

— Почему вы всегда идете на поводу у больных? — высказался Гавреченков перед самым началом операции.

Хорошо хоть, у него хватило ума дождаться, пока пациентка погрузится в наркоз и Данилов скажет традиционное: «Можете работать». Пациенты не должны слышать, как ссорятся доктора, этот балаган — только для своих.

— Так вы начинаете? — Данилов давно понял, что в подобных ситуациях лучше всего отвечать вопросом на вопрос.

Гавреченков молча взял поданный операционной сестрой скальпель и одним движением сделал надрез на тугом выпуклом животе пациентки. Ассистент — врач Федоренко — отерла салфеткой заструившуюся кровь. С Федоренко у Гавреченкова, как утверждали местные сплетники, был настоящий служебный роман — длинный, тянувшийся с первых дней прихода Емели в роддом, то угасающий, то разгорающийся снова, и совершенно безопасный для обоих. У Гавреченкова была жена и дети, Федоренко, приехавшая в Москву из Омска, жила одна.

Пока хирурги добирались до ребенка, Данилов с медсестрой-анестезистом делали свое дело: обеспечивали стабильность состояния пациентки, контролировали показатели, которые записывала сестра, и попутно наблюдали за операцией... Все шло как надо: сердце билось ритмично, давление держалось в безопасных пределах, дыхание было ровным и глубоким, кровозамещающий раствор капал из укрепленного на подставке флакона в

катетер. Частота сердечных сокращений отражалась на экране монитора, к которому была подключена пациентка. Артериальное давление измерялось автоматически каждые пять минут и тоже выводилось на монитор.

Во время наркоза медицинская сестра ведет анестезиологическую карту пациента, в которой регулярно фиксирует важные показатели — от частоты пульса до частоты дыхания. В анестезиологической карте отражаются все этапы анестезии и операции, указываются дозы препаратов и делаются записи обо всех осложнениях. Этот подробный отчет после операции клеивается в историю болезни.

— Черт бы тебя побрал! — ни с того ни с сего рявкнул на свою ассистентку Гавреченков. — Дура косорукая!

— Да я ничего... — попыталась оправдаться Федоренко. — Я же...

— Вот именно — что ты! Сто раз говорил — не мешай!

— Что случилось? — не любопытствуя, а по обязанности спросил Данилов: анестезиолог должен быть в курсе происходящего, чтобы своевременно принимать необходимые меры. Угрожающая кровопотеря, удлинение времени операции, да мало ли что...

— Мочевой пузырь повредил... — буркнул Гавреченков. — Слегка... Суются тут под руку.

Иногда при кесаревом сечении это бывает, но в основном — при повторных операциях, когда пузырь оказывается спаянным с маткой. Судя по тому, что эта операция была у пациентки первой, Емеля попросту был небрежен.

На ушивание разреза на стенке мочевого пузыря ушло две минуты. Хорошо, что пузырь был пуст — образующаяся моча сразу же стекала в мочеприемник по катетеру, который медсестра поставила пациентке перед операцией.

Ликвидировав оплошность, Гавреченков заметно повеселел и даже принялся напевать свое любимое:

*Girl, you'll be a woman soon
I love you so much, can't count all the ways
I'd die for you girl, and all they can say is
«He's not your kind.»*

Произношение у Алексея Емельяновича было так себе, но пел он хорошо, с чувством и не фальшивя.

Данилов вообще замечал, что утверждение, ставшее широко известным с подачи писателя Гашека: «Wo man singt, da leg' dich sicher nieder, bese Leute haben keine Lider!» («Где поют — ложись и спи спокойно: кто поет, тот человек достойный»), абсолютно ложно. Ему не раз приходилось встречать совершенно недостойных людей, обладавших недурственными вокальными способностями и любивших петь.

— Сейчас мы достанем нашего младенца, и все! — бодро доложил собравшимся Гавреченков, расширяя пальцами края разреза, в который тут же вылез напряженный плодный пузырь.

Данилов, суеверный, как многие его коллеги, повертел головой в поисках чего-нибудь деревянного, по чему можно было бы постучать, но кругом были только металл и пластик. Он сдержал желание постучать по Емелиной голове, а сплевывать через левое плечо, будучи в стерильной марлевой повязке, было еще неуместней. Так и пришлось обойтись без магического ритуала.

И зря.

— Корова!

Федоренко на секунду замешкалась — и Емеля тут же ее обласкал. На этот раз доктор даже не попыталась оправдаться.

Вскоре новорожденный, больше похожий на комочек мяса, чем на маленького

человека, переключал на стол к неонатологу, где и закричал отчаянно, оповещая мир о своем явлении.

— Можешь не напрягаться — мамка все равно спит, — сказала ему заведующая отделением новорожденных, которой пришлось подменить на операции одну из заболевших подчиненных. — Давай-ка взвесимся...

— Эргометрин мне! Проснитесь — конец уж скоро! — потребовал Гавреченков.

Эргометрин ускоряет сокращение матки, снижая риск кровотечения. Очень важная мера, ведь кровотечение из растянутой и не желающей сокращаться матки очень часто приводит к смерти пациентки. Это не фонтанчик крови из артерии, которую можно быстро пережать или перевязать. Это поток крови, изливающейся из множества сосудов. Операционная рана превращается в кровавое озеро. Спасение одно: экстренное удаление матки. Немедленное. Счет идет на секунды. Гавреченков, потянув за пуповину одной рукой и помогая себе другой, попытался отделить плаценту. Обычно это удавалось легко, но сегодня плацента никак не желала отделяться. Гавреченков вооружился кюреткой и с ее помощью добился своего, но радоваться было рано: освобожденный участок обильно кровоточил.

— Вот сучье вымя! — взревел Гавреченков. — Попали так попали!

По интенсивности кровотечения и студенту пятого курса было бы понятно, что эту рану не ушить, не прижечь лазером, не заткнуть салфеткой. Нужно было удалять матку.

Так случается — планировали сделать одну операцию, а получили две. Ничья вина — слепой случай, пакостное стечение обстоятельств. Данилов порадовался тому, что пациентка спит медикаментозным сном и ничего не знает. Недолгая и корыстная радость сменилась сочувствием к женщине, которая не сможет больше никого родить, а потом стало не до чувств. Усложненная и удлиненная операция легла на анестезиолога не менее тяжким бременем, чем на хирурга.

Вначале у оперируемой, несмотря на предпринятые Даниловым превентивные меры, вдруг резко упало давление.

Затем внезапно стало нерегулярным дыхание.

Под конец операции, когда в подставленный операционной сестрой таз шлепнулась огромная окровавленная матка, на мониторе пошли экстрасистолы (внеочередные по отношению к нормальному ритму сердца сокращения сердечной мышцы). Не слишком частые — от пяти до девяти в минуту, — но тем не менее заставляющие насторожиться. Данилов мысленно проклял все на свете, пытаясь понять причину их появления: его действия не могли привести к этому. Скорее всего, у пациентки были какие-то скрытые проблемы с сердцем. Отметив в уме, что после операции надо не забыть пригласить кардиолога на консультацию, Данилов купировал экстрасистолию. На "скорой" приходилось решать проблемы и посложнее, правда, не в момент операции; одна инъекция — и внеочередные сокращения исчезли.

Налепив клейкую повязку на аккуратно ушитый разрез, Гавреченков отошел от стола и замер, ожидая, пока операционная сестра развяжет завязки его халата.

— Всем спасибо!

Азы вежливости в роддоме соблюдали все, даже записные хамы. Правда, заведующий ОПБ произносил слова благодарности как проклятие.

— Я через полчаса загляну к вам, Владимир Александрович, — сказала Данилову Федоренко.

Прооперированная была то ли ее одноклассницей, то ли соседкой — Данилов в подобные нюансы никогда не вникал, предпочитая не делить пациенток на «чьих-то» и «ничьих».

— Какой смысл? — пожал плечами Данилов, решив, что Федоренко хочет сообщить своей подопечной о произошедшем в ходе операции. — Через полчаса она вряд ли придет в себя настолько, чтобы все осознать. Я приглашу вас, когда будет можно.

— Владимир Александрович, у меня есть разговор *к вам*, — сделав ударение на

последнем слове, сказала Федоренко.

— Ко мне? — Данилов был искренне удивлен. — Какой, Татьяна Викторовна?

— Приватный, — ушла от ответа собеседница. — Так я зайду?

— Через час, — ответил Данилов. — Пока переведем, пока документацию оформлю.

— Хорошо, пусть будет через час. Только вы не уйдете к тому времени?

— Я сегодня дежурю.

— Вот и прекрасно.

Федоренко с полминуты постояла около пациентки, пока еще лежавшей на столе, и вышла из операционной. Даже бесформенная хирургическая пижама не могла скрыть прелести ее фигуры.

Глава четвертая **ВПОЛНЕ ПРИСТОЙНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ**

Федоренко появилась в ординаторской ровно через час — минута в минуту. Данилов отдыхал: играл в го на смартфоне. Голова работала плохо, и проклятый компьютерный интеллект выигрывал, тесня Данилова на всех направлениях.

Как удачно я зашла — вы ничем не заняты, — порадовалась гостья.

Данилов думал по-другому, но ничего не сказал: сам же просил прийти через час.

Федоренко прошлась по ординаторской, разглядывая фотографии, которыми были увешаны стены. Анестезиологи называли эту экспозицию «нашим вернисажем»; тут было все: рабочие будни и домашние праздники, прогулки и пикники, традиционные фотоотчеты из туристических поездок и торжественно-примороженные снимки с различных конференций и семинаров.

— Что-то я вас здесь не вижу, — отметила Федоренко. — Или вы еще не успели вывесить свои фотографии на этой «стене почета»?

— Я не люблю фотографического эксгибиционизма, — сухо ответил Данилов.

Во взгляде его, устремленном на гостью, сквозило неприкрытое желание поскорее закончить разговор.

— Представьте себе — я тоже! — Гостья уселась на диван, выставив напоказ свои длинные ноги, которыми

гордилась так, что хирургическую пижаму надевала только в родовой зал или операционную. Сейчас же на ней был кокетливо укороченный халат ослепительной белизны, не столько прикрывающий ноги, сколько подчеркивающий их длину.

Все остальное у Федоренко тоже было красивым, кроме разве что носа. Ему полагалось быть изящным и точеным, а он получился «утиным» — широким в основании и слегка загнутым кверху, «Хороша Танька, только клювом не вышла», — говорил эстет и похабник Вознесенский, обиженный тем, что Федоренко спала только со своим непосредственным начальником и не обращала внимания на заведующих другими отделениями. Впрочем, и заведующие не то чтобы стремились биться за прекрасную даму. Так, заведующий гинекологическим отделением, хоть и был весьма хорош собой, к коллегам противоположного пола относился сдержанно-равнодушно. Заведующий отделением обсервации был унылым занудой, из тех, в чьем присутствии немедленно скисает молоко. Вознесенский был толст и уже далеко не молод. Довольно перспективным кадром был Виталий Михайлович — доцент кафедры акушерства и гинекологии, — но тот предпочитал заводить романы со студентками. Студентки, по признанию самого Виталия Михайловича, были нетребовательными и «укладистыми», то есть легко укладывались в постель, почти ничего не ожидая взамен. А зачет, поставленный несмотря на прогулы, или завышенная на балл экзаменационная оценка были приятными бонусами.

— Ненавижу эту всеобщую пытку гостей фотографиями из домашней «коллекции», — продолжила она. — Засыпаю от скуки, все так однообразно — «это мы на тяже», «это мы на базаре», «это я выбираю украшения», «это мы в местном ресторане», «это наш номер»...

Тоска! Некоторые даже на встречу в ресторане умудряются приносить чуть ли не по дюжине альбомов.

Данилов вежливо кивнул. «Что ей надо?» — подумал он, но подходящего ответа так и не нашел. Самым вероятным казалось предположение, что Федоренко вдруг захотела его соблазнить, но Данилов подумал, что для обольщения у гостьи слишком деловой тон и спокойный голос. И потом, секс в ординаторской, днем, когда вокруг — уйма народу? Лучше уж дождаться позднего вечера и уединиться в пустой палате...

— Вы уже освоились у нас? — Улыбка гостьи, выставлявшая напоказ зубы ослепительной белизны, напоминала рекламу зубной пасты.

— Да, вполне, — подтвердил Данилов.

— Нравится?

— Нравится.

— Владимир Александрович... — в ординаторскую заглянула старшая сестра отделения анестезиологии и реанимации. — Ладно, я потом...

Дверь закрылась так же резко, как и открылась.

— У нас хорошо, — покачала головой Федоренко. — Непыльно и сытно. Ведь это так важно, чтобы было сытно, особенно в наше непростое время...

Тема предстоящего разговора начала проясняться. Сытная жизнь, или Доходное место.

— Все времена непростые, — улыбнулся Данилов. — Простых не бывает.

— Ой, не скажите, — махнула рукой его собеседница. — Вот моя мама при социализме заведовала отделением в железнодорожной поликлинике. Ее уважали. Были связи, возможности, был почет. А что сейчас? Вечные дразги, жалобы, скандалы и никакого уважения. Выгоды, соответственно, тоже никакой.

— Ваша мама еще работает?

— Нет, она давно на пенсии, но не теряет связи с родной поликлиникой. Как-никак почти всю жизнь на одном месте проработала. Да, а что это мы на «вы»? Как-то не по-свойски. Мы же коллеги и почти ровесники.

Улыбка, сопровождавшая эти слова, намекала на то, что Данилов, конечно, постарше.

— Можно и на «ты», — согласился Данилов. — Так действительно проще. Тогда уж можно и отчество отбросить, хватит и одного имени.

— Разумеется. Скрепим дружбу чашкой кофе? — снова улыбнулась гостья.

— У меня растворимый, — предупредил Данилов, вставая из-за стола.

— Тут у всех растворимый. Хозяйку кондратий хватит, если мы потребуем кофе-машину или поставим плитку с джезвой. Она и курить-то на пожарной лестнице не разрешает...

— Однако все курят. — Данилов глянул на чайник — не долить ли свежей воды? — и решил, что на две чашки точно хватит. — Тебе с сахаром?

— Нет, спасибо. Я не из-за фигуры, просто сахар меняет вкус напитка.

— Я тоже так считаю, — ответил Данилов. — Хотя на работе нередко пью чай и кофе с сахаром. Насыщаю организм глюкозой.

— Я бы тоже чем-нибудь насытилась. — Федоренко погладила себя по плоскому животу. — А то даже позавтракать сегодня не успела.

Пока вода закипала, Данилов выложил на ближний к дивану стол два пакета с печеньем — овсяным и курабье, — плитку шоколада и открытую упаковку пастилы. Размешав в кипятке по три полных, с верхом, ложки кофе, Данилов протянул одну чашку Татьяне, а другую утащил на свой стол.

— Вова, у меня к тебе предложение. — Федоренко шумно, чтобы не обжечься, отхлебнула из чашки и подмигнула Данилову. — Вполне пристойное — давай дружить.

От неожиданности Данилов чуть не поперхнулся. В последний раз он слышал «давай дружить» от женщины, вернее, девочки, то ли во втором, то ли в третьем классе. Впоследствии женщины предлагали ему много чего, но не дружбу.

— Давай, — согласился Данилов, удержав готовый сорваться с языка вопрос: «А что я с этого буду иметь?» Бескорыстную дружбу с Татьяной Федоренко представить было трудно.

— Прекрасно. — Гостя взглянула на настенные часы. — Ты конечно же в курсе, что у нас существует несколько группировок, можно даже сказать — кланов?

— Да я особо в это не вдавался, — честно признался Данилов. — Зачем оно мне?

Собственно говоря, кланов в роддоме было два — «платные» и «бесплатные». К «платным» относились врачи, акушерки и медсестры, участвующие в оказании договорных услуг населению. Их число не ограничивалось одними лишь сотрудниками коммерческого отделения, состоявшего из шести двухпалатных боксов. Определенный процент от полученных сумм шел в карман персоналу. Набегало прилично, поэтому от желающих работать с «контрактницами» (именно так на жаргоне называли платных пациенток) не было отбоя.

Но главный врач не каждого подпускала к «кормушке». Оценивался профессионализм, учитывались регалии (пациентки млели от слов «врач высшей категории»), и, кроме того, принималась во внимание вменяемость сотрудника, то есть его способность находить общий язык с пациентками и их родственниками и спокойно относиться к их выходкам, порой весьма диким.

К «лику избранных» была причислена примерно треть сотрудников. Все остальные отчаянно завидовали счастливицам и всячески стремились присоединиться к ним. Данилов и сам был не прочь подзаработать, но прекрасно понимал, что он тут новичок, несмотря на свой профессионализм и солидный стаж работы на «скорой», а потому ни на что не претендовал. До «контрактниц» его допускали нечасто.

Из-за денег в роддоме порой такое бывало... Так, например, незадолго до появления Данилова одна из акушерок, считавшая себя несправедливо обделенной при дележе «коммерческого пирога», угрожала покончить с собой прямо в кабинете главного врача, если та немедленно не переведет ее в «платные». Ксения Дмитриевна среагировала правильно: вызвала, «скорую помощь» и госпитализировала скандалистку с суицидальными наклонностями в психосоматическое отделение Первой градской больницы. Закончив стационарное лечение, та пришла и написала заявление об увольнении по собственному желанию. Надо отметить, что пребывание в "психосоматике" очень часто способствует просветлению и помогает принимать верные решения.

Как-то раз «клановый антагонизм» вылился в совершенно некрасивую, чреватую крупными и очень неприятными последствиями историю. Внезапная болезнь доктора Юртаевой вынудила главного врача поручить ее «договорную» роженицу другому врачу, из «бесплатных». Бывают такие ситуации — и человека нет, и заменить его некем. «Счастливая избраница» совершенно не обрадовалась поручению, спорить с «хозяйкой» не осмелилась, но на пациентке отыгралась по полной программе. Высказала ей многое, начиная с «я ваших денег не получаю, и не ждите, чтобы я вас облизывала» и заканчивая сакраментальным: «учи своего мужа, а меня и без тебя есть кому учить». Другой бы доктор на ее месте порадовался неожиданно выпавшей возможности доказать свое умение работать с «договорными» пациентками, но недалекая и явно закомплексованная особа выбрала другой путь.

Потом Ксения Дмитриевна призналась, что разъяренный муж пациентки чуть было ее не прибил. Добавило «позитива» и руководство страховой компании, через которую оформлялись коммерческие договора. Главный врач не рассказывала, чего ей стоило замять скандал, но врача, не оправдавшую доверия, немедленно уволила — по собственному желанию, велев не надеяться на рекомендации.

— Не вдавался, но в курсе, так ведь? — уточнила Федоренко.

— Да.

— Так вот, почему бы тебе не начать работать не только на государство, но и на себя?

— Татьяна, говори яснее, — попросил Данилов, которого начала утомлять бестолковая «светская» беседа. — У нас не клуб «Что? Где? Когда?» и не пресс-конференция, давай по

делу.

— Хорошо, я и сама вообще-то собиралась перейти к делу. — Федоренко нисколько не обиделась или просто не показала вида. Отломил уголок от шоколадной плитки, прожевала, запила кофе и выложила карты на стол: — Если ты станешь учитывать мой интерес, то я стану учитывать твой. Если ты будешь обеспечивать меня платежеспособной клиентурой из числа своих знакомых, то я буду приглашать тебя на «благодарные» наркозы.

В этом не было ничего необычного. Многие врачи живут по принципу «ты мне — я тебе». За благодарного пациента принято расплачиваться таким же благодарным пациентом или определенным процентом от благодарности. Жизнь есть жизнь, в одиночку выживать трудно.

— Видишь ли, Таня... — тут Данилов ненадолго замялся, подбирая нужные и веские слова.

Данилов знал, что как специалист доктор Федоренко похожа на своего шефа. Ей не хватало как знаний, так и умения правильно их применять. Кое-кто прямо говорил, будто Татьяна Викторовна держится в отделении патологии беременности лишь благодаря затянувшемуся роману с Гавреченковым — иначе, мол, давно вылетела бы в женскую консультацию при какой-нибудь поликлинике.

На памяти Данилова Федоренко пропустила у одной из своих больных развивающуюся эклампсию (заболевание беременных, при котором артериальное давление достигает такого высокого уровня, что появляется угроза здоровью матери и ребенка), а у другой не диагностировала анемию, хотя анализы крови назначала регулярно. То ли не смотрела на ответы, приходящие из лаборатории, то ли не могла правильно их оценить.

— ...я в свое время несколько раз попадал в весьма неловкое положение, направляя своих знакомых по своим же врачам и уже лет пять как принципиально не играю в эти игры. Извини. Ничего, как говорится, личного. Только принципы, — договорил он и допил кофе, показывая, что деловой разговор можно считать оконченным.

— Твое дело, — после минутной паузы ответила гостья. — Живи как знаешь. Можешь считать, что этого предложения не было.

— Как скажешь, — пожал плечами Данилов.

Федоренко встала, отряхнула с халата несуществующие крошки, затем подошла к раковине, не торопясь вымыла свою чашку, поставила ее на стол Данилова и сказала:

— Спасибо, все было очень вкусно.

— Заходите еще, — в тон ей отозвался Данилов.

— Пойду посмотрю мою подопечную. — Татьяна встала, потянулась и ушла, оставив после себя легкий аромат цветочных духов.

— *Учись жить, Вольдемар, — сказал себе Данилов, оставшись в одиночестве. — Елене нужна шубка, Никите — собственный компьютер, матери неплохо бы купить электронную читалку, а еще кто-то собирался летом отдохнуть на море.*

— Поздно уже учиться, — продолжил он, слушая, как дождевые капли весело стучат по козырьку над окном. — В шубе неудобно управлять машиной, двух компьютеров дома вполне хватит, куда еще третий, читалку матери я и так куплю, а на море акулы людей жрут, вконец распоясались, сволочи...

— Это вы кого костерите, Владимир Александрович? — спросила старшая сестра, заходя в ординаторскую с историей родов в руках.

— Да так, Анна Сергеевна, думаю вслух, — слегка смутился Данилов: решил еще добрая Анна Сергеевна, что доктор слегка рехнулся (как вариант — укололся) и начал обличать потусторонний разум. Анестезиологов многие подозревали в злоупотреблении сильнодействующими препаратами. У них, мол, все всегда под рукой...

— Вы Кривошеиной переводной эпикриз забыли вклеить. — Анна Сергеевна положила перед Даниловым Историю и, слегка понизив, должно быть от смущения, голос, спросила: — Владимир Александрович, вы к непрошеным советам как относитесь?

— Толерантно, — ответил Данилов. — Если они по делу.

— Тогда постарайтесь не иметь общих дел с Татьяной Викторовной. Та еще щучка, прости господи.

— Я учту, — пообещал. Данилов.

К совету старшей сестры стоило прислушаться: Анна Сергеевна, будучи оптимисткой-позитивисткой, обычно говорила о людях только хорошее.

«Что-то не складывается у меня с отделением патологии, — подумал Данилов. — Ни с заведующим, ни с докторами. Хорошо хоть, что ни при каком раскладе мне туда ложиться не придется. Залечили бы насмерть».

— Я уже уйду, Владимир Александрович. Вы, как закончите, историю Маше на пост отдайте.

— Сразу же отдам, — заверил Данилов. — Через три минуты, максимум через пять.

Данилов раскрыл историю родов, вклеил в нее бланк и начал заполнять.

Еще один недостаток работы в стационаре — обилие бумаг. На «скорой» из писанины — карта вызова, внутренние рецепты на списание медикаментов и расходных материалов, да в куче журналов надо расписываться в начале смены и в конце. А тут... Журналов, правда, не в пример меньше, чем на «скорой». И то хлеб.

Глава пятая САМОУБИЙСТВО

Отделение обсервации предназначено для женщин с какими-либо сопутствующими инфекциями или же для пациенток, которые во время беременности не были тщательно обследованы и могут оказаться заразными.

Отделение обсервации отличается от других отделений, оно похоже на уменьшенную копию роддома. Здесь есть своя предродовая палата, свои родовые залы (в том числе и индивидуальные боксы), палаты для родильниц, палаты для новорожденных, палаты для совместного пребывания матери и ребенка. Кроме того, в обсервации есть палата патологии беременности, ведь женщинам с инфекционными заболеваниями нельзя лежать в других отделениях роддома. Что еще есть в отделении? Операционный блок (предоперационная и операционная), манипуляционная, процедурный кабинет и изолятор для полной индивидуальной изоляции пациенток с особо опасными инфекциями. Вход в изолятор отдельный, с лестницы, и не сразу в палату, а в тамбур, и еще один вход, из общего отделения обсервации, тоже с санитарным шлюзом — через него заходят врачи.

Для многих дежурных сотрудников родильного дома изолятор становится настоящим любовным гнездышком. Вспоминая добрым словом профессора Эрнеста Мельцера, придумавшего изоляторы, сотрудники уединяются там со своими возлюбленными и на некоторое время забывают о работе и связанных с ней проблемах. (Особенно ценится отдельный вход: можно встречаться не только с коллегами, но и пригласить на свидание кого-нибудь еще. Тайные гости проходят пост охраны как обычные посетители, поднимаются по лестнице — и вуаля.

Разумеется, все это происходит лишь тогда, когда изолятор пуст — а так бывает чаще всего. Даже в огромной Москве не так много беременных с особо опасными инфекциями.

Ключ от изолятора ценится в роддоме не меньше, чем камергерский ключ при дворе. Ключ можно получить от старшей акушерки обсервационного отделения, от заведующего или от одной из двух постовых акушерок — если, конечно, они благоволят к просителю.

Вообще-то врачи и акушерки не особенно жаждут работать в отделении обсервации. Их можно понять — во-первых, инфекции делают их работу более тяжелой и хлопотной. Больше возни с обследованием и подтверждением диагноза, больше осложнений, больше возможностей получить нагоняй от начальства. Да и контингент не самый приятный — чего только стоят беременные без определенного места жительства, поступающие с улицы... Хорошо, если такие особы, родив, благополучно покидают роддом вместе с чадами. Но бывает и хуже.

Бригада «скорой» привезла в отделение совсем юную роженицу с отошедшими водами. Как часто бывает — без документов, без вещей и без сопровождающих. Женщине в родах ни один роддом не вправе отказать в госпитализации, несмотря на отсутствие паспорта, полиса и тем более сопроводительного листа «скорой помощи» или направления женской консультации.

При поступлении женщина назвалась Галиной Часовенной, девятнадцати лет от роду, гражданкой Украины, постоянно проживающей в городе Мелитополе. В Москву она якобы приехала к тетке, работавшей продавцом на выхинском рынке. Адреса и телефона тетки Галина не помнила. Свой мелитопольский адрес она тоже «забыла». Мобильного телефона у нее не было. О таких вещах, как родовой сертификат или, к примеру, полис обязательного медицинского страхования, Галина и понятия не имела. Так же, как и о обменной карте — главном документе любой беременной.

— Все ясно, — подвел итог ординатор второго года, дежуривший по приемному отделению и с легким упреком сказал врачу «скорой»: — Таких, коллега, обычно принято везти в роддом при сто тридцать шестой больнице.

Сто тридцать шестая городская клиническая больница, расположенная в Измайлове, негласно специализировалась на бомжах и асоциальных элементах. Впрочем, и обычных пациентов там хватало: больница многопрофильная, большая — полторы тысячи коек. Всякий народ лежит и лечится.

— По забитым дорогам с отошедшими водами? — удивился коллега со «скорой помощи». — Чтобы она у меня в машине родила? Отвезите сами, если приспичило. Телефон вызова такси подсказать?

Ординатор понял, что сморозил глупость, и даже покраснел от смущения. Он очень добросовестно и досконально осмотрел поступившую, особенно тщательно поискав вшей и чесотку, не нашел ни того, ни другого, вздохнул, расписался в принятии пациентки и отправил истошно вопящую Галину рожать в «обсервационный» родовой зал.

Она родила на удивление быстро и легко. На свет появилась здоровая, хоть и не очень крупная девочка. По шкале Апгар ребенок получил девять баллов, «пятерку» с минусом в переводе на школьный язык, ведь максимальный балл по этой шкале равен десяти.

— Как девчонку назовем, мамаша? — поинтересовалась акушерка, принимавшая роды.

— Мадленой, — не задумываясь, ответила мать.

— Ишь ты! — удивилась акушерка редкому имени, но больше ничего не сказала.

Галина двое суток лежала в послеродовой палате обсервационного отделения, вела себя тихо, держалась особняком, с соседками по палате не сблизилась, много спала, а в промежутках между сном сосредоточенно разглядывала заоконный пейзаж — газон, ограду и крышу серой «Мазды» доцента Виталия Михайловича Сапожкова. Во время врачебного обхода жаловалась только на небольшую слабость. Ничего особенного — никто из женщин не бегаёт бодрячком сразу же после родов.

— Юрий Павлович, что будем делать с Часовенной? — спросила доктор Рубанова у заведующего отделением обсервации.

Вопрос был резонным — на улицу, «в никуда», да еще слякотной осенью, молодую мать с ребенком на руках выписывать не принято, а куда еще ее определить?

— Не парься, Марина, — ответил заведующий Гвоздев, высоким ростом и худобой очень гармонизировавший со своей фамилией. — Скоро сама уйдет.

И ведь как в воду глядел! Одного только не угадал он — того, каким именно образом Галина Часовенная покинет отделение. Если бы он мог предположить, если бы сумел догадаться, то запер бы Часовенную на семь замков и приставил бы к ней персональный круглосуточный индивидуальный пост.

Эх, все мы крепки задним умом, да какой в том прок...

На третий день пребывания в отделении Часовенная позавтракала, затем вернулась в палату, где с полчаса полежала на кровати. Соседки по палате не заметили в ней ничего особенного: как вчера и позавчера, Галина лежала, молчала, смотрела в окно. Соседки, у

которых нашлось много общих тем, оживленно беседовали и внимания на Часовенную не обращали.

Когда Галина встала и вышла из палаты, соседки решили, что она пошла в туалет. Куда еще можно пойти между завтраком и обедом? Никаких процедур и обследований у Часовенной в этот день не было, а на прогулки женщин, лежавших в отделении обсервации, не выпускали.

Трудно сказать, почему никто из персонала не заметил, как Галина вышла из отделения. Скорее всего, просто не обратили внимания в утренней суете.

Галина открыла дверь, ведущую на лестничную площадку «черного хода», и прошла на дополнительную, «эвакуационную» лестницу, часто называемую «пожаркой». Дверь эта раньше была постоянно заперта на ключ, который хранился на посту, но во время последнего визита пожарной инспекции главный врач была строго-настрого предупреждена о недопустимости подобных нарушений.

— Случись что, Ксения Дмитриевна, и условным сроком вы не отделаетесь, — предупредил хозяйку молодой подполковник, которому очень шла его новая форма.

Сразу же после его ухода все эвакуационные двери были отперты и больше никогда не запирались. Ксения Дмитриевна хотела спокойно доработать отведенный ей срок и уйти на пенсию.

Галина поднялась на площадку между четвертым и пятым этажами, взобралась на батарею отопления, открыла окно, уцепилась за подоконник (во всяком случае, именно так реконструировали впоследствии ее действия), подтянулась на руках — хватило же сил! — и вывалилась в открытый проем.

Она упала на расчищенный от снега асфальт (за состоянием прилегающей территории Ксения Дмитриевна следила не менее строго, чем за порядком в роддоме) в метре от счастливого отца, мирно курящего в ожидании того заветного часа, когда открывается окошко приема передач. Увидев, как рядом с ним шмякнулось на асфальт тело несчастной Галины, молодой мужчина выронил сигарету и тяжелый пакет с передачей и упал, где стоял. Обморок, бывает.

Мужчину привели в чувство прямо на улице — нашатырный спирт взбодрит любого живого.

— Повезло тебе, мужик, — сказал охранник, помогавший нетвердо стоявшему на ногах мужчине донести передачу до заветного окошка. — Стоял бы на метр левее — был бы трупом. Она тебя в лепешку бы сплющила. Масса, высота, гравитация — сам понимаешь. — Охранник считал себя образованным человеком — на разгадывание кроссворда любой сложности он тратил не более получаса.

— Я больше не буду курить, — дрожащим голосом пообещал счастливец, перед глазами которого стояла ужасная картина: неестественно изломанное женское тело со столь же неестественно повернутой головой, возле которой лежал маленький окровавленный шарик.

Передачу приняли без очереди — вошли в положение. Уже отойдя от окошка, мужчина сообразил, что окровавленный шарик был глазом самоубийцы, и снова потерял сознание.

Два обморока за четверть часа — дело серьезное. Врач, дежурившая по приемному отделению, осмотрела впечатлительного посетителя и на всякий случай вызвала к нему «скорую помощь».

— Да со мной все нормально! — хорохорился мужчина, сидя на кушетке. — Я домой пойду! Где расписаться, что я от госпитализации отказываюсь?

— «Скорая» приедет — ей и распишитесь, — мудро отвечала врач, не желавшая нести ответственность за возможные последствия.

А к трупу приехала милиция. Осмотр, опросы, протокол... Когда все формальности были окончены и мертвую Часовенную наконец увезли в судебно-медицинский морг, Ксения Дмитриевна, от пережитого утратившая всю свою энергичность, немедленно созвала малый административный совет.

— Что будем делать, коллеги? — спросила она собравшихся заведующих отделениями, обводя их своим «фирменным» тяжелым взглядом исподлобья.

Слово «коллеги» сейчас прозвучало как «калеки».

Калеки переглядывались друг с другом и благоразумно помалкивали. Каждый в глубине души радовался, что это не его проблема, а заведующий отделением обсервации Гвоздев сидел с видом приговоренного к смертной казни.

— Что скажешь, Юрий Палыч? — обратилась к нему хозяйка. — Или думаешь, куда работать пойти? Не думай — у меня подруга в Лыткарино заведует женской консультацией. Попрошу, чтобы тебя к себе взяла, если тебя не посадят. Только окна своего кабинета держи закрытыми на всякий случай, ладно? А то у тебя и там девки начнут в окно сигать...

Из заведующих отделением одного из лучших столичных родильных домов уйти рядовым врачом в подмосковную женскую консультацию — это унижительное понижение. Однако реальная участь Гвоздева могла оказаться еще более печальной. Согласно второму пункту статьи 293 Уголовного кодекса халатность должностного лица, повлекшая по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

— На первый раз не посадят — условно дадут, — глумливо хмыкнул Гавреченков, у которого с Гвоздевым была взаимная и глубокая личная неприязнь.

Юртаева укоризненно посмотрела на него: неподходящее, мол, время для шуток выбираете, коллега.

— Спасибо, утешил, — поблагодарила Ксения Дмитриевна. — Подумай еще, может, и что умное скажешь?

Умное никому в голову не приходило. Да и что тут говорить? По-любому, как ни поворачивай, оказываются виноваты заведующий отделением и лечащий врач: не сумели своевременно оценить психическое состояние пациентки и не приняли необходимых мер для предотвращения суицида. Допустили халатность? Готовьтесь теперь к возмездию вместе с главным врачом, которая отвечает за все, что происходит в роддоме.

Если бы Часовенная выбросилась из окна своей палаты, то можно было сослаться на отсутствие соответствующего анамнеза вместе с отсутствием симптомов психического заболевания и списать все на острое, внезапно возникшее помрачение сознания... Мол, приняли бы меры, да как тут успеть — пациентка сразу же в окно сиганула.

Однако все портил факт ее побега, да еще из обсервации, где за пациентками положено приглядывать вдвое строже, чтобы они не разносили инфекцию по всему роддому. Халатность персонала налицо: пациентка спокойно ушла из отделения и столь же спокойно выбросилась в окно полутора этажами выше. И пусть у погибшей нет родственников, но зато есть милицкий протокол и есть постановление о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству. Еще придется доказывать, что Часовенная покончила с собой сама, без помощи персонала.

— В принципе возможно и такое... — несмело начал Гвоздев, от волнения в определенной мере утративший способность мыслить логично, — К примеру, ей было назначено УЗИ... На сегодня. И вот по дороге она оттолкнула сопровождающую... нет — соскочила с кресла, на котором ее везли на исследование, и побежала на «пожарную» лестницу...

— Потерпевший сам поскользнулся и упал на мой нож. И так семнадцать раз, — вспомнил старый анекдот Гавреченков.

— Вот именно, — поддержала «хозяйка». — Нескладно все это. И скажи пожалуйста, где ты найдешь дуру, которая согласится выступить в роли сопровождающей?

Гвоздев молча пожал плечами.

— Вот и я о том же. Кто еще желает высказаться?

Желающих не нашлось.

— Рубанова хотела задним числом консультацию психиатра назначить... — снова подал голос заведующий отделением обсервации.

— А ты что? — вскинулась главный врач.

— Я запретил, только хуже ведь наделаем. Тогда сразу же вопрос встанет — почему не обеспечили постоянный надзор?

— Верно, Юрий Павлович. Хоть столько соображаешь. Это радует.

Ксения Дмитриевна встала со своего огромного кресла и, опершись руками на стол, нависла над собравшимися.

— Заведующие! Смотрите за порядком! — призвала она. — Постоянно! Неуклонно! Неустанно! Кроме вас, этого делать некому!

Заведующие молча кивали головами. Порядок — это святое.

— Мне уже полшага до пенсии, — продолжила главный врач, снова усевшись в кресло. — А вам всем — работать и работать. Неужели лагерный медпункт для вас предпочтительнее вашей должности?

Услышав это, многие вздрогнули.

— Ладно. Пойдем проторенным путем. Ты, Юрий Павлович, прямо сейчас катись-ка в поликлинику и возьми больничный с сегодняшнего дня, подчеркиваю — с сегодняшнего! Гипертонический криз тебе и симулировать не придется — он на твоей красной физиономии написан. Понял? Иди! Лечащему врачу не забудь передать от моего имени, что она дура!

Гвоздев встал и, не прощаясь ни с главным врачом, ни с коллегами, вышел быстрым шагом.

Совет главного врача был хорош. Гипертонический криз, во время которого человек далеко не всегда способен правильно оценивать окружающую обстановку, может послужить если не полным, то хотя бы частичным оправданием халатности. Хоть что-то. На безрыбье, как говорится, и русалка — женщина. Лечащий врач виновата лишь в том, что своевременно не распознала у пациентки склонность к суициду (а как ее распознать?). В том, что пациентка беспрепятственно покинула отделение, прямая вина заведующего. На него всех собак и повесят. Но это если история станет известна — а ведь может и не стать.

После ухода Гвоздева Ксения Дмитриевна около десяти минут «прорабатывала» заведующих, припоминая каждому давние и недавние провинности. Выговорившись, она почувствовала себя гораздо лучше.

— Идите работать! И вот еще — очень прошу не начинать дергать психиатров на консультации ко всем без разбору. Подстраховываться тоже надо с умом.

— Хорошо, — нестройным хором ответили заведующие и поспешили уйти.

«Скорей бы Нижегородова из отпуска вышла», — подумала Ксения Дмитриевна, оставшись в одиночестве. Главный врач недолюбливала свою не в меру ретивую заместительницу по лечебной работе, но ценила ее за деловитость и исполнительность.

Ксения Дмитриевна помассировала виски, пытаясь унять головную боль, но это не помогло; пришлось принять капотен. Давление измерять не стала — и так было ясно, что повышенное: затылок ломило, в ушах стучали звонкие молоточки и было трудно дышать.

Пока таблетка рассасывалась под языком, Ксения Дмитриевна перелистывала пухлую потрепанную записную книжку, прикидывая, к кому из знакомых в окружном УВД уместнее будет обратиться. Определившись, она набрала номер:

— Сергей Владимирович, здравствуйте... Как ваши дела?... Как дочка? Восьмой месяц уже?... Господи, как же летит время!.. Помню наш уговор, только к нам, куда же еще!.. Сама пригляжу как за родной, если, конечно, доработаю до этого светлого дня... Да вы уже, наверное, в курсе... Н, да... Кто бы знал. Ох, от вас ухитряются сбежать, от нас, что ли, не убегут... Отвечать это мы всегда, мы для этого и назначены, чтобы отвечать... А по УЗИ кто — внук или внучка?... Ой, как здорово!.. Елена Андреевна небось ждет не дождется...

«Если досижу до лета — уйду сама!» — пообещала себе Ксения Дмитриевна, закончив разговор. Собеседник успокоил ее, сказав, что никто не собирается осложнять жизнь врачам. Подтвердят факт самоубийства и закроют дело.

«К черту всю эту канитель! — думала Ксения Дмитриевна. — Пора и на покой, который мне всю жизнь только снится». Она уже не первый год обещала себе уйти на

пенсию, только срок всякий раз отодвигала. Но теперь, кажется, действительно придется уйти — хорошие знакомые из департамента здравоохранения намекнули, что пора.

При всех своих недостатках, хлопотах и тяготах должность главного врача родильного дома — место неплохое, и всегда хватает желающих занять его.

Ксения Дмитриевна была отлично информирована, и она точно знала, что на ее место метит не только Нижегородова, но и все заведующие «профильными» отделениями, кроме разве что Юртаевой, не стремящейся «двигать» карьеру. Ксения Дмитриевна прекрасно понимала происходящее и ни на кого не держала зла — она помнила, как сама когда-то с таким же нетерпением ждала, чтобы ее предшественница ушла на повышение. Чтобы стать главным врачом, ей пришлось «нейтрализовать» двух потенциальных конкурентов. В одном случае помогла жалоба от пациентки, с которой Ксения Дмитриевна тайно провела разъяснительную работу, а в другом — сигнал о кое-каких погрешностях в учете и списании сильнодействующих и наркотических препаратов. Впрочем, об этих поступках главврач не любила вспоминать, зная, что поступила недостойно.

«Хорошо бы до лета доработать». Ксения Дмитриевна не смогла бы объяснить — почему именно до лета, а не до марта или апреля.

Глава шестая

ТАК СЛОЖИЛИСЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

— Что-то ты мрачноват в последнее время, — сказала Елена, натирая сыр в тарелку с макаронами.

Данилов от макарон отказался — не хотелось есть. Он достал из холодильника две бутылки с пивом, вопросительно взглянул на Елену и убрал одну из бутылок обратно, сел за стол, свинтил крышечку, поднес горлышко ко рту и сделал большой глоток.

Неприятности?..

Елена обильно полила блюдо кетчупом и позвала:

— Никита! Иди есть.

— А можно, я к себе заберу? — спросил сын, явившись на зов. — А то фильм только...

— Бери, чего уж там, — разрешила Елена и, чтобы не очень баловать чадо, строго предупредила: — Только не перемажь все кетчупом и не забудь тарелку под диваном!

— Никогда и ни за что! — бодро пообещал Никита, хватая вилку.

Салфеткой, которую мать положила рядом с тарелкой, он привычно пренебрег.

Выполнив материнский долг, Елена занялась своим собственным ужином — помыла грейпфрут, очистила его и разделила на дольки. Очередная диета состояла в основном из цитрусовых.

Данилов молча пил пиво. Ему хотелось сменить тему разговора, но он все никак не мог найти подходящей и предпочел наблюдать за Еленой, не говоря ни слова.

Слышал я, что у Гучкова все в порядке — он продолжает руководить? — наконец спросил Данилов, рассчитывая, что Елена начнет активно делиться скорпомощными новостями и прекратит расспросы.

— Данилов, не морочь мне голову, — поморщилась Гиена. — Что произошло? Какое тебе дело до Гучкова и до его порядка? Когда тебя интересовали такие вопросы?

— Так, интересно. — Данилов сделал очередной глоток. — А то все судачат, я а не в теме. Слушай, давно хотел спросить — а вот этот чайничек, в котором ты никогда не завариваешь чай, — это настоящая гжель? Не подделка?

— Настоящая, — подтвердила Елена, отправляя в рот первую дольку грейпфрута. — Подделок не держу. Так что у нас там с настроением?

— У тебя красивые губы. — Данилов пустил в ход самое действенное оружие. Сейчас он был готов даже к тому, чтобы внимательно выслушать лекцию о сравнительных достоинствах различных губных помад, лишь бы Елена не задавала вопросов.

— А почему только губы?! А классический нос, а огромные зеленые глаза, которые

Маша Сойкина со зла назвала болотными? И зубы у меня такие, что не стыдно улыбнуться во весь рот! Дальше развивать тему, или ты все-таки расскажешь, что тебя тяготит?

— Да ничего не тяготит, — поморщился Данилов. — Просто ко всему привыкать надо, а у меня период адаптации затянулся. Хотя обстоятельства обнадеживают — место нормальное, работа нормальная, начальство вменяемое, и мудаков не больше, чем на той же «скорой». Все хорошо, и будет еще лучше. Чему ты улыбаешься?

— Да так, ничему. — Улыбка сразу же исчезла. — Чем больше я тебя узнаю, тем меньше я тебя знаю.

— Это закономерно, — успокоил Данилов. — Сей процесс называется звучным словом «агностицизм». Человек непознаваем, потому что он являет собой модель Вселенной в миниатюре или еще что-то в этом роде. В философии я не силен... Но понимать меня ты, надеюсь, не разучилась?

— Вроде нет.

— Сейчас проверим. Сможешь угадать, чего я сейчас хочу? — прищурился Данилов.

Не говоря ни слова, Елена встала, подошла к холодильнику, достала из него бутылку пива и поставила ее перед Даниловым.

— Угадала?

— Не совсем, — улыбнулся Данилов. — Я хочу феерических любовных безумств, хочу упоительной страсти и бурной взаимности. Я хочу праздника любви в водовороте серых будней.

— Твой пыл меня пугает! — Елена демонстративно отступила на два шага — больше не позволяли размеры кухни. — Экого ты в роддоме нахватался! Даже лексикон расширил — выучил слова «феерический», «упоительный» и «водоворот» и научился красиво их связывать. Скоро небось сонеты на дежурстве начнешь писать?

— Сонеты... — вздохнул Данилов, открывая вторую бутылку. — Сонетами там и не пахнет. Скорее — трагедиями. Сегодня, например, девчонка из окна выбросилась.

— Да ну? — всплеснула руками Елена. — Психоз? Насмерть?

— Непонятно, что с ней было, но насмерть. Ушла из отделения и на запасной лестнице выбросилась в окно. Не спонтанно, а обдуманно и намеренно — на батарею влезла, закрытое окно открыла и вылезла...

— Надо же... — Елена присела на край стола рядом с Даниловым и скрестила руки на груди. — А конфликтов в роддоме у нее не было?

— Нет. Поступила с улицы, молодая, более-менее ухоженная, но по сути — бомжиха. Ни дома, ни документов, ни родственников-приятелей. Родила, немного оклемалась после родов, и вот...

Чтобы немного успокоиться, Данилов сделал несколько мелких глотков из бутылки, а затем продолжил:

— Что показательно — вот выбросилась из окна молодая женщина, ребенок сиротой остался... Я к этому ни с какой стороны не причастен, но грустно мне от подобных новостей становится, даже не грустно, а мрачно. Сразу мысли в голову начинают лезть — почему она так поступила? Что ее заставило? Неужели все было так плохо? Ну, ты понимаешь...

Елена молча кивнула.

— А все остальные... Как будто цветочный горшок из окна выпал. Непричастные радуются, что они тут ни при чем, а причастные думают, как бы им избежать последствий. И всем по большому счету на эту несчастную дуру наплевать. Вот это меня поражает. Хоть бы кто-то один сказал, жаль, мол, девку... или ребенку ее посочувствовал бы... Никто! Невольно начинаю подозревать, что я — сентиментальный идиот.

— Ты добрый, — улыбнулась Елена. — И совсем не идиот.

— Идиоты нередко бывают добрыми, — возразил Данилов. — Об этом еще Достоевский писал. Федор Михайлович. Только меня нельзя назвать добрым... Просто я умею отличать хорошее от плохого. Ты, конечно, можешь посмеяться над моими словами, но на «скорой» все было как-то иначе. Когда я в общаге по балде получил, так меня навещали,

мне сочувствовали, кое-кто даже деньгами пытался помочь... Я чувствовал, что вокруг меня — люди! Конечно, люди бывают разными, взять того же Бондаря — ему все трин-трава...

— Ой, я же не рассказала тебе про Бондаря! — вспомнила Елена. — Он подал заявление по собственному. Уходит в мануальные терапевты. Сказал, что устал сутками мотаться на машине по всяким ханыгам, и вообще, пора ему зарабатывать деньги.

— А он разве мануальщик? — удивился Данилов. — Никогда не слышал. А уж Витя не из тех, кто замалчивает свои таланты.

— Да он сам небось себе корочки напечатал на цветном принтере. Чего еще можно ожидать от Бондаря? — пренебрежительно махнула рукой Елена. — Ну и черт с ним. Лично я очень довольна, что он уходит. Воздух на подстанции чище станет и проблем меньше.

Теперь уже Елене захотелось увести разговор в сторону.

— Сейчас расскажу тебе еще одну новость, про Саркисяна, вот только чаю заварю...

Пока Елена колдовала над заварочным чайником, смешивая три или четыре сорта чая в особых, одной ей известных пропорциях, Данилов допил пиво и успел пожалеть о том, что начал морализировать. «Тоже мне, тема для разговора за столом!» Пообещав себе больше никогда так не поступать, Данилов приготовился слушать историю Елены.

Усевшись за стол с чашкой в руках, Елена начала:

— Одиннадцатой бригаде дали вызов — женщина, семьдесят два года, констатация смерти. В пятом часу утра. Игорек, конечно, удивился — можно было и до поликлиники подождать, но разные же бывают обстоятельства. Короче — прибыли на вызов. Язова он оставил в машине, а сам налегке потопал на третий этаж. Пришел, вымыл руки — ты же знаешь, какой он педант, — и пошел констатировать. «Где бабуля?» — «Вот, доктор, бабуля». Бабуля неподвижно лежит на спине, ровненько так, без складочек, укрытая одеяльцем, ручки вдоль тела, глаза закрыты. Божий одуванчик, по-другому и не скажешь... Саркисян ее за руку взял, тонус мышц проверить, но этот момент одуванчик открывает глаза и таким неожиданно низким голосом, чуть ли не басом, говорит: «Вас, иродов, пока дожدهшься — подохнешь!» Представляешь? Игорек чуть в обморок не упал!

— Конец суток плюс фактор внезапности — можно и в обморок, — улыбнулся Данилов. — А что на самом депо было? Бабушкины родственники поторопились выдать желаемое за действительное или на Центре поводы перепутали?

— Диспетчер на приеме вызовов ошиблась. Перемкнуло в мозгах. На самом деле они на «плохо с сердцем» вызывали. Пришлось Саркисяну извиняться и идти за кардиографом и фельдшером.

— У Федулаева, когда он в поликлинике работал, был случай похлеще, — кивнул Данилов. — Однажды пришла к нему девчонка из заводского общежития с жалобами на боль в спине. Радикулит она симулировала весьма неумело и в пять минут была разоблачена и отпущена восвояси. С соответствующей записью в амбулаторной карте: диагноз — «Практически здорова». Через неделю Юрку на день сняли с приема и отправили на прививки. Назавтра он узнал, что вчера, когда его не было на приеме, в женскую консультацию при поликлинике обращалась та самая девица. В терминальном, можно сказать, состоянии — отеки, бледность, слабость и боли в спине. Заведующая женской консультацией заподозрила опухоль правой почки и по «скорой» пациентку госпитализировала. Затем пошла с картой к заведующей терапевтическим отделением, в котором трудился Федулаев, и подняла шум — терминальная больная была неделю назад у врача, а тот написал — «практически здорова». То ли вообще не осматривал, то ли непроходимо туп.

— На Федулаева это не похоже, — заметила Елена. — Он не дурак, да и не пофигист.

— Слушай дальше. Спустя два-три дня его заведующая позвонила в сто семидесятую больницу, куда госпитализировали эту девицу, и узнала, что она умерла. Онкология подтвердилась на вскрытии. Бедный Федулаев получил строгий выговор и все никак не мог понять — в чем его вина. Девчонку он осматривал, и та была в порядке. В полном порядке.

Данилов сделал паузу.

— Это все? — удивилась Елена.

— Нет! — Данилов вытаращил глаза и заговорил громким шепотом: — Спустя две недели, во время приема, дверь кабинета открылась, и оттуда дохнуло замогильным холодом... в проеме стояла она — та самая девица, умершая в сто семидесятой больнице... Медленно приблизившись к Федулаеву, она посмотрела на него своими ведьминскими очами и сказала: «У меня температура, доктор!»

— Девушка прислала в поликлинику вместо себя по своему полису какую-нибудь родственницу из ближнего зарубежья, — сказала Елена. — Я угадала?

— Да ну тебя! — возмутился Данилов. — Тебе рассказывать неинтересно! Обломала мне всю кульминацию! Я только приготовился рассказать, как затрепетало Юркино сердце, как на него повеяло могильным холодом, как он увидел зеленоватое свечение над головой своей гостью... а ты все испортила!

— Она такая! — подтвердил Никита, принесший пустую тарелку. — Начнешь что-нибудь плести — сразу на чистую воду выведет!

— Плетут лапти! — отрезала Елена. — Но насчет чистой воды ты прав.

— А ты не хочешь вернуться на «скорую»? — спросила она мужа, когда после ужина они вместе смотрели мрачноватый английский фильм про странный экзамен без единого вопроса. — Если не хочешь работать на одной подстанции со мной, то это еще не значит, что нет других подстанций...

— Дело не в этом, вернее — не совсем в этом, — отметил Данилов, не отрывая взгляда от экрана. — Ситуационные обстоятельства не позволяют мне вернуться назад. В одну и ту же воду нельзя войти дважды. Давай не будем об этом.

— Может, ты и прав, — после недолгого раздумья согласилась Елена. — В старшие врачи, тем паче — в заведующие, тебя и калачом не заманишь, а работать на линии до пенсии слишком тяжело. Стационар в этом смысле предпочтительнее.

— Ты совсем как моя мама! — рассмеялся Данилов, говоривший совсем о других обстоятельствах — в частности, о том, что в жизни никогда нельзя двигаться назад, только вперед. — Она то и дело заводит песню о том, что мне наконец пора образумиться и заняться настоящим делом.

— Каким?

— Перспективной научной работой. Так и тянет набить морду Полянскому...

— Гошке?! — поразилась Елена. — С какой стати?

— Плохим мальчикам свойственно бить хороших мальчиков, которых родители ставят им в пример, — серьезно объяснил Данилов. — Синдром отрицания. Вот, например, если тебе не понравится какая-нибудь из Никитиных пассий, то что ты предпримешь?

— Я не собираюсь вмешиваться в личную жизнь моего сына! — заявила Елена, явно гордясь собой. — И не собираюсь советовать ему, с кем он должен строить отношения, а с кем — нет!

— Посмотрю, что ты скажешь через пять лет. — Данилову горячность Елены показалась немного неестественной. — В любом случае имей в виду, что мальчикам свойственно ненавидеть тех девочек, которые нравятся их мамам, и наоборот. Запомни хорошенько — тебе пригодится.

— Значит, ты меня любишь потому, что твоя мама меня терпеть не может! — Елена легонько толкнула Данилова в бок локтем. — А я-то думала...

— Моя мать — исключение из правил! — с пафосом воскликнул Данилов, отводя взгляд от экрана. — Она никогда не вмешивается в мою личную жизнь! Как ты в Никитину!

— Ври больше! Перемотай назад, а то я отвлеклась...

— Зачем? — скривился Данилов, которому фильм уже наскучил. — Все равно вот эта арийская девушка окажется победительницей. Да вдобавок спасет все человечество от страшной угрозы. Давай лучше что-нибудь легкое посмотрим...

— Неужели мы такие старые, чтобы ночами смотреть телевизор? — поддела его Елена. — Или?..

— Ну что ты! — оскорбился Данилов. — Я просто пытался организовать культурную программу, чтобы ты не думала, что меня интересует только секс...

Под утро Данилову приснился Полянский. Важный, даже надменный, облаченный в черную бархатную мантию и академическую шапочку с кисточкой, закадычный друг сидел на высоком стуле, размерами больше напоминающем трон, хмурил брови и настороженно озирался по сторонам.

— Ты чего, Игорь? — спросил у него Данилов, совершенно не удивляясь необычному наряду Полянского.

— Ищу смысл жизни, — ответил тот. — Ты его случайно не видел?

— В моей жизни никогда не было смысла, — признался Данилов. — Я его и не искал никогда.

Полянский оглушительно расхохотался. Черты его лица начали расплываться.

— Что с тобой? — воскликнул Данилов.

В этом своем сне он был не таким как в жизни — впечатлительным, каким-то взволнованным и очень непонятливым.

— Я не Игорь! — Полянский превратился в Татьяну Федоренко. — Меня зовут Таня, и я хочу с тобой дружить.

— Таня? — переспросил Данилов. — А где Игорь?

Федоренко неожиданно взмыла в воздух и попыталась спикировать на Данилова. Он еле увернулся...

— Вовка! — тормошила его Елена. — Тебе что, кошмар приснился? Или наоборот — эротический сон? Лягаешься, пихаешься и зовешь какую-то Таню. Я уже ревновать начала — со мной ты никогда не был таким горячим...

— Ты бы тогда не выжила, — ответил Данилов, переворачиваясь на другой бок: надо было выспаться перед суточным дежурством, которое началось небольшим скандалом. Родственники одной из пациенток, лежащей в реанимации после экстренного кесарева сечения, возжелали ее посетить всем скопом. И не просто повидать, но и накормить вкусной домашней снедью.

— Я ей пирожков напекла, диетических, с капустой! — вопила мать пациентки, потрясая перед даниловским носом объемистым пластиковым пакетом. — Вкусных, домашних!

Пирожки пахли так, что хотелось проглотить их вместе с пакетом.

— Доктор, ну войдите же в наше положение. — Муж пациентки все пытался сунуть в нагрудный карман даниловского халата мятую сторублевку.

Две толстухи неопределенного возраста стояли чуть поодаль и сверлили Данилова недружелюбными взглядами.

Он честно попытался объяснить настырным родственникам нюансы послеоперационного питания. Собеседники искренне недоумевали: о какой диете говорит доктор, оперировали ведь матку, а не желудок; и их возражения в каком-то смысле были даже логичными.

— Да вы сами попробуйте, что это за пирожки! — не сдавалась мать. — Я же их не просто так принесла, а с куриным бульончиком. Бульончиком так вкусно пирожки запивать. И для желудка полезно!

Поняв, что людей не убедить и от них никак не избавиться, Данилов позвал на помощь медсестру-анестезиста Веру Козоровицкую — женщину необъятных габаритов, отчаянную матершинницу. С ее помощью доктор быстро отеснил ярящихся гостей к лифту.

— Я на вас жалобу напишу! — пообещал муж пациентки. — Вы еще посмотрите...

— Видали мы таких! — парировала Вера и выдала столь уничижительную характеристику потенциального жалобщика, что тот стушевался и, ничего не ответив, позволил своим спутницам увести себя.

Спасибо, Вера, — поблагодарил Данилов. — Они меня почти победили.

— Не за что, Владимир Александрович, — отмахнулась Вера. — Общее ведь дело

делаем. Я сейчас на пост охраны позвоню и вставлю им, чтобы не пускали посторонних. У нас реанимация, а не проходной двор.

— Только звони не с поста, а из ординаторской, ладно? — попросил Данилов, хорошо представляя себе, в каких выражениях Вера будет отчитывать корыстолюбивых охранников. Женщинам, лежавшим в реанимации, слушать это было совсем не обязательно.

— Как скажете. — Шаркая по полу шлепанцами сорок четвертого размера, Вера отправилась в ординаторскую.

Около полудня по роддому разнеслась весть о том, что завтра должна прибыть «совместная» комиссия из сотрудников Потребнадзора и Департамента здравоохранения. Очередной знакомый из Департамента предупредил Ксению Дмитриевну, и она немедленно начала действовать. Информатор говорил, что идет проверка санитарно-эпидемиологического режима, а это дело никогда не обходилось без нарушений. Не одно находили, так другое...

Главная акушерка Юлия Васильевна «накрутила хвоста» старшим акушеркам и старшим сестрам, призывая их немедленно устранить все имеющиеся недостатки и упущения, а, спустя полтора часа отправилась на обход роддома. Отделением анестезиологии и реанимации она осталась довольна, найдя всего лишь одно нарушение, да и то пустячное: стерлась надпись «для грязного белья» на одном из баков. Анна Сергеевна в присутствии начальства вооружилась несмываемым маркером и восстановила надпись.

— Ань, утром сама еще раз все проверь, — попросила главная акушерка. — К вам они непременно сунутся.

— Почему к нам? — спросил у Анны Сергеевны Данилов, когда главная акушерка ушла.

— А куда же им соваться? — хмыкнула та. — По всем родовым залам пройдут, в изолятор заглянут, на кухню да в обе реанимации, детскую и взрослую. Не в рентгенкабинете же им нарушения искать.

— Вот в коммерческом отделении хорошо, — продолжила Анна Сергеевна. — Там по боксам проверяющие никогда не шастают, так, для порядка пробегутся по коридору, и то не всегда... Договорные дамы не любят лишнего беспокойства.

— Так это скорее развлечение, чем беспокойство.

— Ладно, переживем, мы привычные. — Старшая сестра никак не отреагировала на шутку — Хотя, надо сказать, к нам не так часто и ходят. Вот в двадцать девятом роддоме у меня подруга работает, так у них чуть ли не каждую неделю комиссии. Не умеет, значит, их главный врач со своим начальством общий язык находить. А вы, Владимир Александрович, нормы стерилизации и обработки инструментов знаете?

— Ну, так... в общих чертах, — удивился Данилов: нормы стерилизации ему были ни к чему.

— Пойдемте ко мне, я вам дам почитать. Наизусть заучивать не надо, но вдумчиво прочесть не помешает. Некоторые из проверяющих просто обожают устраивать экзамены на ходу...

После обеда, когда выдалась свободная минута, Данилов развязал тесемки на зеленой, в тон стенам, картонной папке, выданной ему старшей сестрой, взял самую верхнюю стопку листов, скрепленных обычной канцелярской скрепкой, и добросовестно прочел первые два абзаца:

«Предстерилизационная подготовка заключается в механической очистке инструментов. Рекомендуется вначале мыть весь хирургический инструмент в отдельной раковине со щетками и растворами 5 грамм стирального порошка, 20 грамм пергидроля в 1 литре воды или 200 мл 2,5 %-ной перекиси водорода, 5 грамм стирального порошка и 800 мл воды. Затем инструмент замачивают в таких же растворах, подогретых до 50 С, на 15–20 минут и снова моют при помощи щетки.

Рекомендуется дополнительно применять ультразвуковую обработку инструментов. С целью предварительной очистки можно использовать...»

Дочитав до этого места, Данилов выматерился про себя, вернул листы на место, аккуратно завязал тесемки и отнес папку старшей сестре.

— Так быстро? — удивилась та.

— Я могу вдумчиво прочесть это только по приговору трибунала, — серьезно ответил Данилов. — И все равно ничего не запомню.

— Все с вами ясно, — вздохнула старшая сестра. — Опять Илье Иосифовичу за всех отвечать придется.

— Такая уж у него работа, — ответил Данилов и ушел.

За время его отсутствия на двери ординаторской появился листок:

«Правила врачебного этикета:

Врач-джентльмен всегда держит скальпель в правой руке, а стакан — в левой.

Врач-джентльмен не оперирует рыбу ампутированным ножом.

Врач-джентльмен всегда уступит даме гинекологическое кресло. Даже если они не знакомы.

Врач-джентльмен никогда не уйдет от операционного стола, не простившись с больным.

Врач-джентльмен, уходя домой, всегда выключает не только телевизор и свет, но и все аппараты искусственной вентиляции легких».

Подобные самодельные плакатики стараниями ординаторов время от времени обнаруживались в самых неожиданных местах. Данилов не стал срывать листок — пусть повисит. Коллегам тоже не мешает повеселиться.

В ординаторской пил кофе заведующий.

— Привет! А я тебя поджидаю, — сообщил он Данилову, приветствуя его, словно они не виделись сегодня уже раз семь-восемь. — Скоро из оперблока переведут Лукашину, тридцати двух лет, консервативная миомэктомия во время кесарева сечения. Присмотри за ней получше. Она клиентка Гавреченкова, но это не столь важно. Важно то, что ее родной брат работает в Британском медицинском центре заместителем главного врача по поликлинической работе. Улавливаешь?

Данилов кивнул. Главный врач Британского медицинского центра был сыном Цельшевского, «главного врача Москвы», руководившего Департаментом здравоохранения.

— Странно, что при таком брате она лежит у нас, а не в Британском центре, — сказал Данилов, сядя на диван. — Там же есть понтовое родильное отделение.

— Есть, и нехилое. — подтвердил Вознесенский. — На сорок или на пятьдесят коек. Очень понтовое. Только вот не уверен, что родственников сотрудников, даже из числа администрации, туда кладут бесплатно. В такой ситуации оперироваться у Гавреченкова куда дешевле. Тем более что Емеля и даром постарается, чтобы занять персональный выход на Цельшевского через подчиненного его сына. Короче говоря — присмотри за ней, чтобы все было путем. Если нагрянет родня, кого-то одного в халате проведи к койке, пусть убедятся, что все хорошо. Только ничего с них не вздумай брать, даже если станут настаивать. Чувствую я, что это будет неправильно и чревато.

— Я мзду не беру. Мне за державу обидно! — ответил Данилов цитатой из любимого «Белого солнца пустыни».

— Ну-ну, — скептически процедил Вознесенский. — Кстати, не хочешь ли ты заняться научной работой? На кафедре есть подходящая тема — влияние обезболивания на лактацию. Весьма перспективная тема. Я серьезно говорю, чему ты улыбаешься?

— Да так... Совпадение. Только вчера о научной работе думал. Спасибо, я буду иметь в виду.

— Надумаешь — обратись к Сапожкову, он все темы ведет. Неплохой мужик. С ним надо есть, литр съешь, но душам поговорить — и будете друзья навек. При всех своих недостатках Виталик — человек нормальный, с понятием, всегда выручит, если надо. Может обход задним числом в историю родов вписать, может советом помочь. Ты дружи с ним, всегда пригодится.

— Учту, — кивнул Данилов; с доцентом Сапожковым он здоровался при встрече, на чем, собственно, их знакомство и заканчивалось.

— Про чепэ у конкурентов слышал? — сменил тему шеф.

«Конкурентами» в роддоме в шутку называли частную гинекологическую клинику «Панацея селебрейт», расположенную практически напротив — на другой стороне бульвара.

— Владельца осудили и одного из врачей. — Вознесенский поцокал языком не то сочувственно, не то неодобрительно. — Врача — за смерть клиентки по неосторожности, а владельца — за то, что он разрешил заняться частной практикой лицу, не имеющему лицензии на этот вид деятельности. Подробности интересны?

— А как же.

Данилов решил тоже выпить кофе, заварил оставшимся в чайнике кипятком три ложки на кружку — свою обычную порцию, — и вернулся на диван.

— Дело в общем-то простое. Некая женщина, мать двоих детей, обратилась к ним для того, чтобы сделать аборт. Для сведения — у «Панацеи» в целом и у врача, который делал аборт, не имелось лицензии на производство оперативных вмешательств. Только на консервативные виды лечения...

Обычное дело: лицензию на производство оперативных вмешательств получить гораздо труднее, чем на консервативные виды лечения. Выполнение многочисленных дополнительных требований влечет за собой лишние расходы и усложняет работу. Поэтому иногда проще и дешевле бывает ограничиться одной лишь «консервативной» лицензией. Клиенты в нюансы не вникают — есть лицензия, значит, все нормально, а с проверяющими всегда можно договориться.

— ...Но об этом сотрудники, понятное дело, не сказали. Короче говоря — абортмакер обезболит клиентку лидокаином, не выяснив заранее, переносит она этот препарат или нет. И что же? Не успел еще врач приступить к чистке, как у пациентки развился анафилактический шок. Капитальный такой шок, классический, как по учебнику! Ну этот деятель конечно же попытался справиться самостоятельно, хотя по уму ему надо было «скорую» вызывать, и потерпел неудачу. «Скорой помощи», когда она приехала по его вызову, пришлось просто констатировать смерть. Прикинь — в этой клинике не было нормального реанимационного набора!

— Да ну?! — не поверил Данилов. — Разве так бывает?

— Чистая правда. В общем, врачу дали три года условно, а владельцу — два. Тоже условно. И еще клиника должна выплатить мужу умершей приличную сумму, конкретной цифры я не знаю, в качестве компенсации, моральной и вообще. Так что скоро в этом помещении или чебуречная будет, или парикмахерская. «Панацея» уже не оправится, можно сказать, что она накрылась медным тазом. И поделом, ты как считаешь?

— Поделом, — согласился Данилов. — Двух мнений тут быть не может.

— Угробили ведь женщину ни за хрен собачий! — Следующий хлопнул по столу короткопалой ладонью. — Нам в институте один из профессоров говорил, что большинство гинекологов садится в тюрьму не за свои действия, а за неуклюжие попытки ликвидировать их последствия. И ведь верно. Вызови этот врач «скорую»...

— История не знает сослагательного наклонения, — вздохнул Данилов. — А вот я в новостях недавно другую историю слышал. В городе с чудным названием Камень-на-Оби врачу «скорой» дали два года. И не условно, а «безусловно», с отсидкой.

— Не слышал такого. Ну-ка, расскажи! — заинтересовался Вознесенский.

— Дважды за смену доктор приезжал по вызову к женщине с сильной аллергической реакцией, предлагал ей госпитализацию, но та оба раза отказывалась. Доктор не то по запарке, не то еще почему забыл получить с нее отказ в письменной форме. Когда женщина умерла, завели уголовное дело. В общем, закончилось все судом. Причем на суде муж умершей высказывался в защиту доктора, в частности подтвердил, что да, доктор предлагал его жене госпитализацию, но та отказалась. И терапию он ей оба раза проводил в полном объеме согласно диагнозу и состоянию...

— Пстой! — перебил Вознесенский. — Что-то я не понял. Если муж умершей защищал доктора, то с чьей подачи дело завели?

— Администрация местной больницы обратилась в прокуратуру. Женщина не дома умерла, а в приемном покое. Дело в том, что когда ей стало совсем плохо, она «скорую» вызывать не стала, а в сопровождении мужа доехала до больницы на такси. Муж на суде говорил, что покойница просто постеснялась вызывать «скорую» в третий раз и решила госпитализироваться самотеком.

— Получается, что мужик сел на два года только за то, что не получил письменный отказ, хотя в общем-то все сделал правильно. — Вознесенский встал и, подойдя к раковине, начал мыть свою чашку.

— Так сложились обстоятельства... — вздохнул Данилов.

Глава седьмая КОМИССИЯ

В подключичную вену ставят катетер, чтобы можно было ввести пациенту нужное лекарство в любой момент, не тратя времени на поиски места для укола. Во многих реанимационных отделениях подключичные катетеры ставят всем пациентам без исключения — мало ли что может случиться.

Женщине, лежавшей в отделении патологии беременности с диагнозом угрозы преждевременных родов, не повезло. Впервые попробовала заморский фрукт с ведьминским названием помело, которым ее угостила соседка по палате — и такая аллергия! До отека гортани, слава богу, дело не дошло, но лицо пациентки сильно отекло, и вдобавок она с ног до головы покрылась сыпью, которая нестерпимо зудела. Гавреченков легко убедил главного врача в том, что такую тяжелую пациентку следует перевести в реанимацию хотя бы на сутки, а то и до тех пор, пока не станет ясно, что ее состояние стабилизировалось.

Любой заведующий отделением должен уметь подстраховываться — в том числе и сплавля «острых» пациентов в реанимацию. Иначе долго в руководящем кресле не усидишь.

Вознесенский, приглашенный в отделение патологии, осмотрел «аллергичку» в палате, а затем, уже более подробно, — у себя в блоке реанимации.

— Поставим подключичку, — распорядился он по окончании осмотра. — Так спокойнее.

Данилов, принимавший «перевод», согласно кивнул. Нередко аллергия появляется как первое звено в цепи аналогичных реакций. Врачу спокойнее, если есть гарантированный доступ в вену. Да и пациентке удобнее, когда капельницы входят в подключичный катетер — рука не немеет.

Данилов вымыл руки, надел перчатки, попросил пациентку повернуть голову влево и не шевелиться и начал ставить катетер.

Сначала он взял шприц с тонкой иглой и обезболит место пункции лидокаином. Выждал пять минут — не выдаст ли пациентка очередную аллергическую реакцию, — после чего взял поданный постовой медсестрой пустой десяти миллилитровый шприц со специальной «пункционной» иглой.

Игла не успела еще проткнуть кожу, как пациентка попыталась взглянуть на Данилова.

— Не шевелитесь! — всполошилась медсестра, стоявшая по другую сторону кровати.

— Люба, придержи ее! — скомандовал Данилов, отдергивая руку со шприцем.

— Извините, доктор, — вздохнула женщина, расслабляясь.

— Будете пунктировать с моей стороны? — спросила медсестра.

— Почему? — Данилов подумал, что ослышался.

— Илья Иосифович всегда так поступает. Раз что-то помешало — лучше переделать на другом месте...

Чужие суеверия иногда раздражали Данилова. Своих собственных он немного

стеснялся, но избавляться от них не спешил.

— А если пациент дернется в процессе интубирования, Илья Иосифович переставляет трубку в прямую кишку? — спросил Данилов таким тоном, что медсестра не засмеялась, но и не возразила. — Продолжим! Будете лежать смиренно?

— Да, да! — заверила пациентка.

Доктор отклонил шприц с иглой так, чтобы игла входила в тело не перпендикулярно, а под углом, и направил ее под ключицей к груди. Где-то здесь должна была проходить нужная ему вена. Данилов мог бы выполнить эту манипуляцию с закрытыми глазами — настолько хорошо он ее знал.

Доктор медленно продвигал шприц, слегка потягивая его за поршень, чтобы поддерживать разрежение. Именно разрежение помогает обнаружить вену: сигналом прохождения стенки сосуда служит поступление в шприц венозной крови. Обычно вена лежит неглубоко под кожей — сантиметр, два, три. Через иглу в вену вводится проводник, похожий на толстую леску, затем иглу извлекают и надевают на проводник катетер. Катетер продвигают вперед, слегка покручивая, затем удаляют проводник, а сам катетер затыкают пробкой и фиксируют на коже лейкопластырем. «Магистраль» готова, можно пользоваться.

Данилов еще не довел иглу до вены, когда пациентка вдруг вздрогнула и рывком села в постели. Сделала она это с такой силой и такой скоростью, что ни Данилов, ни медсестра не успели ничего предпринять. Шприц остался в руке у Данилова, а игла — в теле непослушной пациентки.

Игла вместо вены попала в артерию и сейчас, словно пульверизатор, брызгала ярко-алой артериальной кровью. Женщина поворачивалась, орошая кровью стены, Данилова и Любу, кровать, пол... Алое было везде.

В первую секунду Данилов опешил, но очень быстро пришел в себя. Он резко выдернул иглу и попытался силой уложить пациентку на кровать — ранение артерии требовало срочных мер. Пациентка обеими руками оттолкнула его, соскочила с кровати, поскользнулась на собственной крови и навзничь растянулась на полу, замерев на несколько секунд — Данилов и Люба успели схватить ее под руки. Прибежавшая на шум старшая сестра взяла пациентку за ноги и помогла вернуть ее на кровать.

В этот момент дверь реанимационного блока открылась, впуская главную акушерку в сопровождении трех незнакомых Данилову женщин. Было нетрудно догадаться, что это и есть обещанная комиссия.

— Что тут происходит? — удивилась главная акушерка.

Даже в родильном доме, где, казалось бы, ко всему привыкаешь, такое можно увидеть нечасто: трое сотрудников, в разной степени перепачканные кровью, удерживают на кровати брыкающуюся женщину, тоже всю в крови. И все декорации забрызганы алым. Через иглу вытекло не так уж и много, но «эффект поражения» был впечатляющий.

— Работаем, Юлия Константиновна, — недружелюбно ответил Данилов. — Чем бы другим занимались — такого переполоха бы не устроили. Люба, фиксируй ее поскорее!

Он навалился на пытающуюся освободиться женщину с таким расчетом, чтобы не надавить ей на довольно большой уже, семимесячный, живот.

Люба сноровисто привязала руки пациентки к бортам кровати широким бинтом.

— Давайте не будем мешать, — сказала одна из незнакомых Данилову женщин, и гости ушли, неслышно закрыв за собой дверь.

Старшая сестра, убедившись, что пациентка успокоилась, заспешила к выходу.

— Халат смените, Анна Сергеевна! — крикнул ей Данилов: старшая медсестра испачкалась меньше остальных, но с полдюжины пятен на ней было.

— Потом, потом! — отмахнулась Анна Сергеевна, явно торопясь догнать ушедших.

Данилов скептически посмотрел на лежащую на кровати пациентку. Та, судя по ее взгляду, находилась в полном сознании.

— Вы помните, как вас зовут и где вы находитесь?

— Оксаной меня зовут, — вздохнула та. — А нахожусь я в роддоме. У меня под утро

аллергия случилась, потому меня сюда и перевели...

— Прекрасно, память в порядке! — одобрил Данилов. — А чего ради, Оксана, вы такой переполох устроили?

— Испугалась чего-то сдуру, честно скажу — сама не знаю, что на меня нашло. Все такое чужое вокруг, вдруг страшно мне стало...

— Беременная, а ведете себя как каскадер, — упрекнула Люба. — Если мы вас развяжем — не будете больше хулиганить?

— Не буду, — пообещала Оксана.

— Ну смотрите, верю в последний раз.

Люба достала из кармана халата ножницы и освободила пациентку от пут, а Данилов внимательно осмотрел рану.

Из пункционного прокола на коже сочилась кровь, припухлости в месте пункции не было. Боли не было — пациентка никак не реагировала, когда доктор прощупал кожу возле раны. Впрочем, возможно, это действовал лидокаин.

— Люба, тампоны и перекись, пожалуйста!

Очистив кожу от потеков крови, Данилов взял один сухой стерильный тампон, крепко прижал его пальцами к месту пункции и попросил Любу:

— Срочно четыре кубика этамзилата в вену.

Этамзилат — надежное кровоостанавливающее средство, которое при внутривенном введении начинает действовать уже через пять минут — то что надо.

Ранение подключичной артерии при пункции считается тяжелым осложнением, но далеко не в каждом случае нужно вмешиваться сосудистым хирургам. Как правило, чтобы остановить кровотечение из поврежденной стенки артерии, достаточно консервативных мер.

Пока Люба набирала в шприц физиологический раствор и этамзилат, Данилов огляделся по сторонам — ему стало интересно, чем заняты остальные пациентки реанимации. Все было нормально — одна спала, а другая с любопытством наблюдала за происходящим. Встретив вопросительный взгляд доктора, она смутилась и отвернулась к стене.

— Владимир Александрович, вы что — так и будете стоять и держать артерию? Давайте давящую повязку наложим, — предложила Люба, протирая место укола тампоном, смоченным спиртом.

— Не надо, — отказался Данилов. — С повязкой дольше провозимся, да и держать-то всего пять минут.

— Ну, как знаете.

Люба медленно-медленно ввела раствор в вену, затем согнула руку пациентки, оставив в месте сгиба тампон и строго сказала:

— Десять минут руку не разгибать. И не забывайте, что вы обещали хорошо себя вести. А то доктор вам усыпляющий укол назначит...

— Люба!!!

— Да шучу я, Владимир Александрович! Уж и пошутить нельзя!

Когда Данилов перестал прижимать артерию, Люба наложила на место пункции сложенный в несколько слоев бинт и зафиксировала его лейкопластырем.

Через четверть часа Данилов окончательно удостоверился в том, что кровотечение прекратилось.

— Ну что, Оксана, будем ставить катетер с другой стороны? — спросил он у женщины.

— Если нужно...

— Фокусов больше не будет? Или связать вас для надежности?

Насчет «связать» Данилов конечно же пошутил, но пациентка приняла его слова за чистую монету.

— Нет, доктор, я не шелохнусь! — пообещала она и в этот раз сдержала обещание.

Как только катетер был благополучно установлен, Оксана повертела головой и радостно сообщила:

— Не болит и не колется!

— Так вы боялись, что будет болеть и колотья? — спросил Данилов.

— Конечно, — подтвердила Оксана. — Я же видела, какая огромная была иголка.

«Под наркозом «подключичку» ставить, конечно, глупо, — подумал Данилов. — Но вот глаза завязывать не мешает». -

В блоке реанимации появился заведующий.

— Что тут у вас стряслось? — негромко поинтересовался он, подойдя к Данилову. — Кровищи-то...

— Необъяснимые страхи при постановке катетера, — ответил Данилов. — А это сейчас ликвидируем. Я просто не хотел наводить порядок до того, как поставлю катетер с другой стороны. Вдруг еще напачкали бы.

— Назначь ей часов через пять никотиновую кислоту для активации фибринолиза и гепарин по пятьдесят единиц на килограмм в сутки, для профилактики тромбоза, — велел заведующий.

— Непременно, — пообещал Данилов. — Я и сам собирался.

Если сразу же после перфорации артерии следует вводить препараты, увеличивающие свертываемость крови для остановки кровотечения, то немного позже настает черед лекарств, снижающих эту самую свертываемость — чтобы в месте повреждения не образовался тромб.

— Как давление? — спросил Вознесенский.

— Сто тридцать на восемьдесят, — доложил Данилов.

Он обернулся к Любе, сидевшей на посту и сказал:

— Можете наводить порядок. Я буду в ординаторской.

— Да, — кивнул Илья Иосифович, — пора бы и кофея выпить.

— Не кофея, а кофию, — в шутку поправил его Данилов.

— Ну да, — не стал спорить шеф. — Именно — кофию. Заодно расскажу о комиссии.

— Замучили?

— Меня — нет, — улыбнулся заведующий. — Поняли, что с тобой, кровавым маньяком, убийцей и насильником, шутки плохи, и умотали прямиком в обсервацию, где выложились по полной программе. Сейчас выдвываются в гинекологию. Пытают Борю, выясняя, когда он в последний раз заходил в свой процедурный кабинет...

— И сильно зверствуют? — Данилов открыл дверь ординаторской.

— Не зверствуют, но все подмечают. Широко сеть раскинули. Помяни мое слово — это последний сигнал для хозяйки. Со дня на день ее уйдут. А комиссия — это так, вроде погрозить пальцем. Возраст у Ксении пенсионный, снять ее можно без проблем, но там, — заведующий указал глазами на потолок, — привыкли перестраховываться.

В ординаторской скучал доктор Клюквин, самый пожилой анестезиолог роддома. В сентябре ему стукнуло шестьдесят лет. Бурная жизнь, полная радостей и разочарований, превратила Клюквина в молчаливого, довольно невозмутимого и весьма въедливого субъекта. Коллеги любили Клюквина — он никогда не отказывался поменяться дежурствами, мог «прикрыть» чье-то отсутствие на рабочем месте, с готовностью давал правильные советы, причем только тогда, когда его об этом просили. Правда, ладили с Клюквиным только те, кто не вступал с ним в политические споры. Клюквин был убежденным коммунистом, причем самого радикального толка.

— Будете с нами кофе, Анатолий Николаевич? — предложил Вознесенский, проходя к чайнику. — Давайте вашу чашку...

Клюквин был единственным из анестезиологов, с которым Вознесенский всегда был на «вы». Ко всем остальным заведующий обращался то так, то эдак, по настроению.

— Спасибо, не хочется. — Клюквин покачал седой головой и тут же поправил съехавшие к кончику носа очки — большие, старые, с широкой роговой оправой, чиненые-перечиненые.

— Надумаете — присоединяйтесь.

Данилов, чтобы не терять времени, пил кофе и заполнял истории родов.

— Ты мне объяснительную по этому случаю написать не забудь, — предупредил Вознесенский.

— Зачем? — удивился Данилов. — Какой повод?

На случай, если твоя красавица или ее родственники напишут жалобу, — объяснил Вознесенский. — Обстоятельно опиши, что она была полностью адекватна, что обезболивание ты провел, как в законе учили, и что никак не мог предугадать подобную реакцию. А я напишу докладную хозяйке...

— И будут наши задницы надежно защищены, — пробурчал Клюквин, беря в руки сложенную вчетверо газету, лежавшую рядом с ним на подоконнике, и сотрясая ею. — Вот, прочтите, что пишут. В одной из пензенских больниц родственники больного с только что удаленными двумя третями желудка пришли к нему в отделение, чтобы отпраздновать перевод из реанимации. Накормили бедолагу пельменями, налили водочки, а теперь подали в суд на врачей, которые не предупредили их о том, что от такого застолья на третий день после операции можно отдать концы. Ого?

— Бред! — не поверил Вознесенский. — Это же повсюду на входе висит — что можно послеоперационным больным, а что нет. Да и врачи еще до операции предупреждают.

— Кого до операции предупреждали, тот благополучно помер, — саркастически скривился Клюквин. — А родственники утверждают, что они ничего не знали... Может, они и читать не умеют, ведь демократия и всеобщая грамотность несовместимы.

— Работаешь — как по минному полю ходишь! — Вознесенский обернулся к Данилову: — Ты напиши и в истории и в объяснительной, что предупреждал эту дуру о том, чтобы лежала неподвижно.

— Конечно, напишу, — улыбнулся Данилов, только сейчас заметив, что так и забыл переодеться. Кровь на халате успела высохнуть и стать бурой.

— Владимир Александрович, сам того не желая, спас нас от комиссии, — сообщил Клюквину заведующий. — Они как его во всей красе увидели, так замандражировали и ушли восвояси.

— Они же не под нас копать пришли, — пожал плечами Клюквин, — а под роддом в целом. Так какая им разница, где именно оценивать свежесть раствора хлорки для мытья сортиров? Никакой!

Комиссия интересовалась буквально всем, что только можно было истолковать как нарушение. Различные мелочи, собранные вместе, выглядели весьма внушительно, позволяя сделать далеко идущие выводы.

Проверяющие не пренебрегали ничем.

В корзине с чистыми бахилами, предназначенными для посетителей, оказалась пара грязных. Какой-то идиот на выходе перепутал корзины...

Охранник был уличен в выходе на перекур без смены обуви...

У одной из акушерок в отделении обсервации из-под колпака выбилась прядь волос...

В журнале контроля концентраций рабочих растворов дезинфицирующих и стерилизующих средств того же отделения обнаружили подчищенную запись. Администрация неоднократно объясняла, что в случае ошибки при записи следует перечеркнуть неправильно написанное и поставить рядом подпись, а не подчищать и не замазывать...

В отделении патологии беременных не смогли найти журнал учета проведения генеральных уборок...

В детском отделении неправильно велась книга учета получения и расходования дезинфицирующих средств...

В коммерческом отделении (комиссия, вопреки традициям и ожиданиям, сунулась и туда) чуть ли не в каждой палате вопреки строжайшим запретам хранили еду, в том числе и скоропортящиеся продукты. Родильницы ленились доходить до холодильников, стоящих возле поста...

Медсестра из ЦСО (централизованного стерилизационного отделения) запуталась в методике определения скрытой крови в инструментах...

Врач ультразвуковой диагностики растерялась и не смогла назвать средство, которым обрабатывалась кушетка для пациентов...

Комиссия прицепилась даже к покрасневшим рукам доктора Юртаевой, заподозрив наличие неведомой кожной инфекции. Юртаева, будучи женщиной весьма сдержанной, объяснила, что вчера (да и сегодня) ей слишком часто приходилось производить предоперационную обработку рук, вот кожа и отреагировала...

Акт, по объему лишь слегка уступавший «Войне и миру», писался около полутора часов. От предложенного обеда комиссия наотрез отказалась, что было очень плохим знаком для главного врача. Впрочем, после ухода проверяющих Ксения Дмитриевна не выглядела раздраженной или подавленной.

— Глядишь на вас, Ксения Дмитриевна, и душа радуется, — подольстилась к ней главная акушерка.

— А что бы и не радоваться, Юлечка? — ответила главный врач. — Ну пришли три дуры, ну нарыли кучу нарушений, да все это такие мелочи... Только зря воздух сотрясали да время тратили.

— А мне поначалу показалось, что вы все очень близко к сердцу принимаете...

— Господи! Ты как будто вчера родилась! — удивилась главный врач. — Надо же изобразить подавленность и огорчение... Проверяющие должны чувствовать, что им удалось взять тебя за жабры, тогда они быстро отвалят.

Ты вон акт перечитай да подумай, что из него можно выжать. Разве что выговор, да и то под вопросом. Другое дело, если бы я метила на какое-нибудь повышение — тогда бы меня это расстроило. А так... Пошли лучше ко мне, перекусим тем, что я для комиссии припасла.

В кабинете Ксения Дмитриевна кивнула на почетную грамоту «За заслуги перед городским сообществом и в связи с 20-летием со дня открытия», висевшую на стене, и призналась:

— Когда-то я гордилась наградами и переживала по поводу каждого выговора. А теперь мне все как-то пополам. Старею, наверное.

Она почти не кривила душой.

Не успела Ксения Дмитриевна выставить на стол часть припасенных деликатесов, как в дверь постучали.

— Кто там такой вежливый? — громко поинтересовалась главный врач.

В кабинет заглянул Гавреченков.

— Ксения Дмитриевна, я к вам по поводу жалобы...

— Ты жалуешься или жалуются на тебя? — перебила Ксения Дмитриевна.

— Жалуются мне, — скромно потупил глаза Гавреченков.

— На кого?

— На приемное, Ксения Дмитриевна! Женщина поступает к нам по направлению женской консультации, госпитализация плановая, заранее согласованная со мной, а из приемного ее направляют в обсервацию...

— Значит — были на то причины, Алексей Емельянович! Просто так у нас в обсервацию не направляют.

— Какие причины, Ксения Дмитриевна? Я вас умоляю — все притянуто за уши! Гиперемия слизистых ротоглотки? Да если так взять...

Алексей Емельянович! — снова перебила главный врач, переходя на «вы». — Если у вас есть претензии, то потрудитесь высказать их на утренней конференции. По таким поводам бегать к главному врачу незачем! У вас все?

— Нет, не все. Ведь существовала договоренность...

— А что вы так волнуетесь? — Ксения Дмитриевна подошла чуть ли не вплотную к Гавреченкову и внимательно посмотрела на него. — Уж не ваша ли любимая поговорка:

«Баба с возу — кобыле легче»? Так и радуйтесь, что нам с ней не возиться. Или я ошибаюсь? Может, у вас там меркантильный интерес имеется?

— Да что вы, Ксения Дмитриевна! — затряс головой Гавреченков. — Никакого меркантильного интереса. Просто ведь...

— Тогда иди работать, — махнула рукой Ксения Дмитриевна. — Без повода ее Гвоздев держать не станет. Получишь послезавтра свою клиентку в лучшем виде. А теперь иди с богом, дай мне пообедать спокойно.

Глава восьмая ПОЧТИ ФАТАЛЬНАЯ АСПИРАЦИЯ

Перед операциями, проходящими под наркозом, пациентам запрещается есть. Очень часто им промывают желудок, чтобы тот гарантированно был пуст. Делается это не для того, чтобы желудок, случайно пронзенный скальпелем небрежного хирурга, не запачкал рану — доктора вообще не имеют привычки размахивать скальпелем, невзначай задевая все органы подряд. Например, во время операции на коленном суставе хирург вообще не приближается к брюшной полости, и тем не менее анестезиологи строго следят за тем, чтобы пациенты перед этим ничего не ели.

Делается это для того, чтобы предотвратить аспирацию желудочного содержимого: чтобы полупереваренная пища пополам с желудочным соком не попала в легкие. На фоне общего «расслабления» во время наркоза содержимое желудка может попасть в рот, и уже оттуда, при вдохе — в трахею, бронхи и так далее. Хватит совсем маленькой дозы кислого желудочного сока (чуть ли не двух столовых ложек), чтобы у пациента развилась так называемая аспирационная пневмония — серьезное осложнение, часто заканчивающееся весьма плачевно. Кислота могла вызвать ожоги слизистых оболочек; от этого повышалась температура, учащалось сердцебиение, нарастала одышка и в конце концов развивался отек легких, который далеко не всегда удавалось купировать.

Светлана добросовестно не ужинала и не завтракала перед операцией, мужественно перенесла промывание желудка, но после, когда постовая акушерка дала ей несколько минут для того, чтобы сходить в туалет, достала из своей тумбочки шоколадный батончик и съела его так быстро, будто участвовала в соревнованиях. Сладкое всегда успокаивало Светлану, а сейчас нервы ее были на пределе, ведь кесарево сечение с удалением миомы — дело весьма серьезное. К тому же Светлана подозревала, что миома злокачественная.

Покончив с батончиком, Светлана предусмотрительно почистила зубы, после чего прочитала про себя «Отче наш» и легла на кровать. Несколькими секундами позже в палату въехала каталка, которую вели постовая акушерка и медсестра-анестезист.

— Лежите пока, — осадила анестезист Светлану. — Надо давление измерить.

Шоколадный батончик сработал; несмотря на волнение, давление оказалось в норме: сто тридцать пять на восемьдесят.

— Прекрасно, — похвалила анестезист. — Можно ехать...

Операция прошла на удивление гладко. Никаких неожиданностей, никаких осложнений. Новорожденный мальчик (рост — пятьдесят три сантиметра, вес — три килограмма восемьсот грамм) сразу же завопил, показывая свою любовь к жизни.

— Ну прям военный! — восхитилась операционная сестра.

— Почему? — удивился Гавреченков, заканчивая осматривать матку.

— Красивый, здоровенный!

— Логично, — одобрил Гавреченков.

Сегодня Он вел себя на редкость добродушно и не злобиво, и операция проходила быстро и без осложнений. Миома, а точнее, миоматозный узел, крепился к стенке матки тонкой ножкой. Чтобы снизить риск кровотечений, Гавреченков вколол в основание узла питрессин — препарат, сужающий кровеносные сосуды.

Захватив ножку узла зажимом-коагулятором, Емеля выждал пару минут, чтобы

коагуляция прошла как следует, после чего левой рукой покрутил узел, одновременно надсекая ножку узла ножницами, которые держал в правой руке. Не прошло и двадцати секунд, как красный блестящий миомадозный узел шлепнулся в отдельный лоток. После операции его ткани отправят на гистологическое исследование, чтобы узнать, есть ли злокачественные изменения.

— Ну как там дела, Фаина Равильевна? — спросил Гавреченков у анестезиолога Ахметгалиевой, которой во время операции не сделал ни одного замечания.

Язык доктора Ахметгалиевой был острее бритвы. На необоснованное замечание она могла спокойно ответить нечто вроде: «Если вы такой умный, чего ж в анестезиологи не пошли?» Однажды Гавреченков в раздражении назвал ее дурой. Ахметгалиева громко, чтобы все расслышали, ответила, что Алексей Емельянович — самовлюбленный мудака, и посоветовала ему впредь срывать раздражение на жене, а не на коллегах. С тех пор Гавреченков был с ней неизменно корректен.

В реанимации Светлане досталась кровать, ближняя к сестринскому посту. Данилов с Ахметгалиевой совместно осмотрели пациентку; к концу осмотра она открыла глаза, обвела врачей мутным взглядом и попыталась сесть.

— Лежите, лежите, Светлана Александровна, — забеспокоилась Ахметгалиева, пытаясь удержать пациентку за плечи.

Та подчинилась и захотела что-то сказать, но вместо этого всхлипнула, а потом извергла изо рта темно-коричневую массу.

— Желудочное! — всполошилась Ахметгалиева, решив, что у пациентки кровотечение. — Отсос, быстро!

Вместе с Даниловым они повернули Светлану на левый бок. Ахметгалиева придерживала ее, а Данилов, обернув указательный палец вафельным полотенцем, висевшим на спинке кровати, быстро очистил рот пациентки от рвоты, а затем очистил ее рот электрическим отсосом.

— Вера, давай сотку аминокaproновой кислоты и десятку глюконата кальция в вену! — крикнула Ахметгалиева. — Алла! Два кубика викасола и пузырь со льдом!

Желудочное кровотечение — дело серьезное. Нужно как можно скорее принять меры и, если потребуется, срочно перевести больную из роддома в хирургическое отделение.

— Подожди-ка, Фаина! — Данилов внимательно изучил испачканное полотенце, поднес его к носу, поморщился и заключил: — Это полупереваренный шоколад, а не кровь!

— Светлана Александровна, вы ели перед операцией?! — ужаснулась Ахметгалиева.

— Ела, — простонала пациентка и зашлась в приступе кашля.

— Вот ведь! — Ахметгалиева запнулась в поисках подходящего слова, но, не найдя его, просто махнула рукой. — Предупреждай не предупреждай...

Данилов приподнял изголовье кровати, дождался, пока Светлана откашляется, а медсестры оботрут влажными салфетками ее лицо и поменяют испачканную наволочку, и распорядился:

— Лежите на боку, самостоятельно вставать не пытайтесь. Если что-то надо — говорите сестрам. Вы меня поняли?

— Поняла. — Лукашина откашлялась, проснулась окончательно и выглядела неплохо для человека, только что перенесшего полостную операцию.

«Может, пронесет, — подумал Данилов. — Дай-то бог».

— Скоро у вас начнет болеть живот, — предупредил Данилов. — Это нормально. При кашле боль может усиливаться. Если боль будет сильной — скажите, я назначу обезболивающий укол. Но злоупотреблять этим не стоит.

— А когда мне принесут ребенка?

— Только после перевода в отделение, — сказала Ахметгалиева. — Но вы не волнуйтесь — с ним все нормально. Прекрасный здоровый мальчик.

— Спасибо, — вздохнула молодая мать и спросила встревоженно: — А от кашля швы не разойдутся? Я слышала...

— Не разойдутся, — заверил Данилов, — к тому же много кашлять я вам не дам. А теперь — отдыхайте.

В ординаторской они обсудили назначения, полностью сойдясь во мнении на том, что терапию аспирационной пневмонии следует начать прямо сейчас, не дожидаясь развития осложнений.

— Лучше перестраховаться, чем потом ходить на вскрытие, — подытожила Ахметгалиева.

Закончив с писаниной, она еще раз осмотрела Светлану, обращая особое внимание на дыхание пациентки, и, вернувшись в ординаторскую, предложила Данилову:

— Может, я останусь? Пригляжу за ней.

— Иди домой, — ответил Данилов. — Я справлюсь. К тому же я здесь не один, сегодня шеф дежурит.

Анестезиологи дежурили по двое, чтобы, пока один дает наркоз на срочной операции (плановых операций в вечернее и ночное время не проводят), другой бы мог обезболить роды, наблюдать за больными, лежащими в реанимации и при необходимости реанимировать их. Нередко приходилось вызывать подкрепление — обычно на зов являлся сам заведующий отделением, благо он жил неподалеку. Илья Иосифович приезжал сразу, а если был немного навеселе, то благоразумно вызывал такси, а сам, пока ждал машины, принимал народное отрезвляющее средство: несколько капель нашатырного спирта в стакане воды и холодный душ. В роддоме он появлялся бодрым и свежим, как человек, спокойно проспавший целую ночь.

— Я вечером позвоню, — пообещала Ахметгалиева. — Не расслабляйся тут.

— И вам не болеть, — ответил Данилов. — Не психуй, все будет хорошо. К Вознесенскому не ходи, я сам ему все сообщу. Дежурство ведь уже началось.

Он прекрасно понимал состояние Фаины. Аспирационная пневмония, если она возникнет, вместе со всеми своими неблагоприятными последствиями автоматически становилась виной анестезиолога, готовившего пациентку к операции. Последствием халатности. Анестезиолог обязан правильно подготовить пациента к наркозу, правильно дать наркоз и правильно вывести из наркоза. И тот факт, что неразумная, но казавшаяся такой адекватной пациентка перед самой операцией тайно слопала шоколадку, будучи предупрежденной о недопустимости подобного поведения, ничего не менял. Или обеспечить чистоту желудка, или промывать его перед самой укладкой на операционный стол. С другой стороны, от малоприятной процедуры у пациентов может подняться артериальное давление, и потребуется некоторое время, чтобы его снизить... Нет однозначных решений.

Узнав от Данилова о произошедшем, заведующий отделением схватился за голову и длинно выматерился — благо дело было в ординаторской.

— Вот свезло так свезло, — договорил он, слегка успокоившись. — Эта дама — очередная клиентка Гавреченкова. Теперь он с нас живых не слезет...

— Да весь роддом заполнен клиентками Гавреченкова! — пошутил Данилов.

— Наш пострел везде поспел, — махнул рукой Вознесенский. — Вот так всегда...

Заведующий умолк, не развивая тему дальше.

— Как — всегда? — поинтересовался Данилов.

— Стоит мне отказаться от какого-нибудь стоящего предложения, и сразу же случается какая-нибудь фигня. Да еще и с гавреченковской клиенткой! Он же, паскуда, всех нас заложит с потрохами, чтобы себя обелить! Сподобились! Ладно, пошли смотреть вашу тетку.

Осмотр показал неприятное. Число дыхательных движений в покое равнялось двадцати пяти, сердцебиение участилось до ста ударов в минуту, «носогубный треугольник» отливал синевой.

— Что-то мне дышится тяжело... — пожаловалась Светлана.

— Синдром Мендельсона, — заключил Илья Иосифович, выслушав влажные хрипы в легких. — Все признаки налицо.

— При чем тут Мендельсон? — озадачилась пациентка, явно полагая, что речь идет о

композиторе.

— Ни при чем, совсем ни при чем, — вздохнул Илья Иосифович. — Эх, дорогая моя, наделала же дел ваша шоколадка! Будем теперь вас от пневмонии лечить! Аллочка! Поставь-ка Светлане Александровне градусник!

Схему лечения заведующий менять не стал.

— Всего достаточно, — сказал он, ознакомившись с назначениями. — Пока достаточно. Три с половиной часа, говоришь, прошло?

— Уже почти четыре.

— Ну-ну!

Несмотря на то что практически весь вечер Данилов занимался только Светланой, отека легких избежать не удалось.

Он развился в считанные минуты — вскоре после очередного осмотра любительница сладкого, полусидевшая в кровати, вдруг посинела, захрипела, забулькала и стала судорожно заглатывать воздух перекошенным и посиневшим ртом. Монитор, к которому она была подключена, отреагировал на резкое повышение числа дыхательных движений и сердечных сокращений и тревожно запищал.

Данилов, записывавший свой обход в историю родов, пулей выскочил из ординаторской. Диагноз он поставил на расстоянии.

Отек легких — это скопление жидкости в легочной ткани. Кислота желудочного сока растворяет стенки капилляров легких, из них выпотевают вода, которая мешает пациенту дышать. (Впрочем, у отека легких может быть множество других причин.) Жидкость из легких следует убрать как можно скорее, чтобы восстановилось нормальное дыхание. Кто не успел это сделать — загубил пациента.

Данилов быстро интубировал пациентку, вставив трубку ей в трахею при помощи ларингоскопа — направляющего инструмента с лампочкой на конце. («Не уверен — не засовывай, не спустил — не вынимай!» — гласит старое правило, предостерегающее как от ошибочной установки трубки в пищевод вместо трахеи, так и от поспешного извлечения ее без спуска воздуха в фиксирующей манжете.) По трубке в легкие пошел кислород, смешанный с парами спирта (спирт нужен был, чтобы погасить пену, образующуюся при отеке легких). Данилов надул шприцем манжету, слегка потянул за трубку, убеждаясь, что она надежно зафиксирована, и попросил:

— Алла, возьми, пожалуйста, у меня в левом кармане ключи и принеси ампулу морфия.

Наркотические и сильнодействующие препараты, передаваемые по дежурству, хранятся в сейфе, ключ от которого дежурный врач должен иметь при себе. По инструкции, открывать сейф, доставать медикаменты и убирать на место использованные ампулы дежурный врач должен только лично — но как ему было отойти от пациентки, например, в такой ситуации?

Не прошло и минуты, как Алла сделала инъекцию в подключичный катетер. Светлана задышала ровнее, перестала жадно заглатывать воздух ртом и стала тише хрипеть.

Наркотические анальгетики, такие как морфий, при отеке легких не только купируют возбуждение, но и расширяют вены, снижая нагрузку на легкие, а еще немного расслабляют дыхательную мускулатуру, что тоже помогает нормализовать дыхание.

Нитроглицерин в капельнице, чтобы как следует расширить периферические сосуды и оттянуть жидкость от легких... Мочегонные, чтобы вывести часть жидкости наружу... Продолжать подачу кислорода...

Спустя полчаса хрипы в легких заметно уменьшились, пациентка задышала спокойно, хоть и немного чаще, чем хотелось бы; сердце стало биться медленнее и ровнее.

— Пока трубку не сниму, рано, — сказал Данилов, правильно истолковав умоляющий взгляд женщины. — Полежите так. Я сейчас вернусь.

Он поспешил в ординаторскую, чтобы убрать в сейф пустую ампулу морфия, после чего вернулся на пост, поближе к Светлане, и прямо здесь стал заполнять историю.

Назначая наркотики, нельзя откладывать на потом их документальное обоснование.

Проверка из Госнаркоконтроля может нагрянуть в любое время, хоть днем, хоть ночью. И если каких-то препаратов недостает, а записи об их назначении отсутствуют, то врач, допустивший подобное, может запросто сесть в тюрьму. Так же точно опасна и пустая ампула, найденная не в сейфе, где ей положено быть, а в кармане у врача.

— Алла, отнесите, пожалуйста, историю Илье Иосифовичу на подпись. Он должен быть у себя, — попросил Данилов сестру и начал внимательно прослушивать невезучую любительницу сладкого.

Аускультативная («слуховая») картина в легких была обнадеживающей — умеренное количество хрипов в нижних отделах с обеих сторон. Дело явно шло на поправку, но торжествовать было рано. Нарушенная проницаемость порой восстанавливается очень плохо, и отек возвращается, стоит только снизить интенсивность терапии.

Данилов успокоился лишь в шестом часу утра, когда смог с полной уверенностью сказать самому себе, что угроза миновала. Помимо возни с отеком он несколько раз ходил на консультацию в отделения, наблюдал остальных пациенток реанимации, спускался по просьбе заведующего в наблюдательный родовой зал и в приемный покой, где только что доставленная по «скорой» роженица внезапно потеряла сознание.

«С одной стороны, хорошо — под крышей, не на улице. Светло, тепло и сухо, — подумал Данилов, усаживаясь на диван в ординаторской с чашкой горячего кофе. — С другой, на «скорой» работаешь с одним пациентом, не разбрасываясь».

Исключения конечно же бывали — на тех же автомобильных авариях приходилось оказывать помощь сразу нескольким пострадавшим, — но подобные случаи были редки.

С докладом на утреннюю конференцию положено идти старшему из дежурных анестезиологов. Другой остается в отделении — передавать дежурство следующей смене.

Илья Иосифович вернулся с конференции злой, как стая голодных собак.

— Сиди и молчи, если дело тебя не касается! Зачем подливать масла в огонь? Радуйся, что не твой косяк разбирают, и не занимайся провокациями. Не при Сталине живем, слава богу!

— Подробности будут? — спросила Ахметгалиева.

— Будут! Это должен знать каждый. Короче говоря — оказывается, Фаина, ты взяла на операцию обожравшуюся шоколада тетку, чтобы испортить впечатление от работы золотых рук нашего роддома — господина Гавреченкова! Так сказал Емельяныч. И сразу же добавил, что не исключает и моего участия в этой попытке его дискредитировать. Хорошо, что хозяйка сразу же поставила его на место. Представляете, что будет с нашим роддомом, если этого дятла назначат главным врачом?

— У него есть к тому все задатки, — сказал Данилов. — Но это просто страшно представить. Лучше думать о чем-нибудь приятном.

— Родственники нашей сладкоежки так и не звонили? — поинтересовался Вознесенский.

— Нет, — ответил Данилов.

— Странно, — удивилась Ахметгалиева.

— Фаина, ты как вчера родилась, — развел руками Вознесенский. — Элементарных вещей не сечешь. Они звонят Гавреченкову и от него получают информацию. Можете представить, насколько она искажена. Ладно, пойдемте на обход и разбежимся по делам.

Перед тем как отойти от кровати Светланы, заведующий отделением попросил:

— Вы уж, Светлана Александровна, расскажите родственникам все, как было на самом деле. Что Фаина Равильевна предупреждала вас насчет приема пищи перед операцией, что желудок вам промыли, чтобы там совсем ничего не осталось, а вы потом взяли и тайно нарушили. А то ведь к нам вопросы будут, а мы же не виноваты.

— Скажу, скажу... — часто закивала Светлана. — Скажу, что я, дура, во всем виновата. Вы уж простите меня пожалуйста, — столько хлопот вам доставила. Думала — шоколадка маленькая, не повредит. — Виноватая улыбка, печаль во взоре. — А вопрос можно?

— Давайте, — разрешил Вознесенский.

— Скажите, а почему вы вчера после осмотра Мендельсона вспоминали?
— Синдромом Мендельсона называют ваше осложнение — аспирационную пневмонию. А что это вас так заинтересовало?
— Я думала, это вы намекаете... — после недолгого колебания призналась пациентка.
— Ну, в отношении похоронного марша Мендельсона...
— Во-первых, марш Мендельсона — это свадебный, похоронный написал Шопен, — вздохнул заведующий. — А вам сильно повезло: в легкие попали буквально считанные капли рвотных масс. Если бы больше, то еще неизвестно, какой бы был исход.

Глава девятая КИТАЙСКИЙ ЭФФЕКТ

— Эта история, описанная в международном журнале акушерства и гинекологии, произошла в двухтысячном году в Мексике. Некая дама, находящаяся на последнем месяце беременности и проживающая в глухом захолустье, где не было ни врачей, ни акушеров, в одиночестве промучившись от схваток более двенадцати часов, решила сделать самой себе кесарево сечение. Это были далеко не первые роды, но предыдущие закончились смертью ребенка, и ей очень хотелось родить здоровое дитя, пусть и ценой собственной жизни. Дама выпила спиртовой настойки, взяла кухонный нож и справа от пупка с трех попыток сделала разрез от нижнего края грудной клетки до лобковой кости...

Данилов замолчал, подцепил палочками кусок свинины, макнул его в соус и отправил в рот. Доктора за едой часто говорили об операциях, об осложнениях и прочих неаппетитных вещах — ничто не отвращало их от пищи. Особенно когда вокруг было так красиво — резные перегородки между столами, китайские пейзажи и циновки с драконами на стенах, красные бумажные фонари, — а еда выглядела очень, очень вкусно.

— Ловко ты управляешься палочками! — позавидовал Полянский, пятью минутами раньше попросивший у официанта вилку.

Ножи в китайском ресторане были не в чести — все блюда подавались уже нарезанными на кусочки. К китайцам Данилова затащил Полянский, уже полгода пылавший страстью к азиатской кухне.

— Я практик, — ответил Данилов. — Привык работать руками. А ты теоретик. Потом — так гармоничнее. Кстати, давно хотел спросить: а почему ты, сотрудник Института питания, предпочитаешь вредную китайскую кухню, где до почти все жарится в растительном масле, полезной японской?

— Да потому, что китайская вкуснее, — не раздумывая, ответил Полянский. — А что вредно и что полезно, это еще бабушка надвое сказала. Ты давай досказывай спую байку, описанную в иностранном журнале. Разрезала она себе живот, и что дальше?

— Затем она, не торопясь, вскрыла матку, случайно перфорировав при этом кишечник, — Данилов понизил голос, чтобы специфическая врачебная застольная беседа не портила аппетит другим посетителям, — извлекла живого мальчика, перерезала ножницами пуповину и...ненадолго потеряла сознание. Когда пришла в себя, то крепко перевязала живот какими-то тряпками и стала звать на помощь. Кто-то наконец ее услышал, что ли, — в общем, через несколько часов приехал то ли врач, то ли местный коновал, то ли парамедик, который на дому зашил рану поверху и госпитализировал эту партизанку. В стационаре ее зашили уже не сикось-накось, а нормально, полечили от перитонита и... выписали домой в удовлетворительном состоянии. Вот как бывает! Это единственный подобный случай, аналогов нет.

— Да уж! — восхитился Полянский. — Гвозди бы делать из этих людей...

— Стало бы в мире нехило гвоздей! — докончил Данилов, заедая свинину маринованным имбирем.

Некоторое время ели молча, потом Полянский спросил:

— Ты в курсе последнего приказа?

— Какого? — Данилов поднял руку, привлекая внимание официанта, и, когда тот подошел к их столику, указал глазами на опустевший графинчик.

Официант взял графинчик, поставил его на поднос, ушел, немедленно вернулся с полным таким же, разлил в стопки, стоявшие перед врачами, душистое вино нежно-желтого цвета и поинтересовался:

— Что-то еще?

— Пока нет, — ответил Данилов, окидывая взглядом стол, уставленный плошками разных размеров.

— Потом закажем фондю по-китайски, — объявил Полянский.

— Это как? — Данилов считал фондю не то швейцарским, не то французским, но в любом случае исконно европейским блюдом.

— Увидишь, если съешь все, что уже принесли, — обнадежил Полянский. — Я говорю про приказ об утверждении квалификационных требований.

— Так он еще летом вышел, разве нет?

— Да, но его мало кто читал... Вот ты читал?

— Нет, — мотнул головой Данилов. — Но в целом представление имею. Если раньше из одной специальности в другую можно было переквалифицироваться за три с половиной месяца, то сейчас придется проходить ординатуру. Не знаю, насколько это обоснованно...

— Но абсурдно — наверняка! Я был в Питере на конференции, так там главному онкологу и главному ревматологу для получения сертификата пришлось срочно идти на переквалификацию. Люди, которые, собственно, и организовывали эти службы, сами были без корочек. Прикинь, получается, что на курсах они читали лекции сами и себе, потому что далеко не первый год уже занимались переподготовкой по своим специальностям! Абсурд?

— Абсурд, — подтвердил Данилов.

— Теперь быстро переквалифицироваться на диетолога могут лишь врачи общей практики, педиатры, терапевты и гастроэнтерологи. Всем остальным — хрен! Извольте в ординатуру! Нет, я не говорю о рентгенологах и акушерах. Но почему нельзя из гериатрии или восстановительной медицины? Вот скажи — ты как врач «скорой помощи» с анестезиологическим уклоном в кардиологии разбираешься?

— Что за вопрос? — Данилов даже немного оскорбился. — Конечно, разбираюсь. И неплохо.

— Так вот — тебе в кардиологи можно попасть только через ординатуру. А врачам общей практики и терапевтам — можно через курсы. Где логика?

— Давай выпьем за то, чтобы нам никогда больше не пришлось переквалифицироваться, — предложил Данилов, поднимая стопку. — Жить надо основательно, без суеты.

— Давай, — согласился Полянский.

Они медленно опустошили стопки.

— Хорошо! — констатировал Полянский.

— Великолепно, — поправил его Данилов.

— Вовка, а когда ты меня на свадьбу позовешь? — хитро прищурился Полянский. — Хочется, знаешь ли, большого, шумного праздника.

— Белое платье невесты, малиновый пиджак жениха, каравай, швыряние букета, оглашение списка подарков... — задумчиво протянул Данилов. — Боюсь, что не смогу предложить тебе такого удовольствия. Максимум — торжественный ужин в узком кругу.

— А чем торжественный отличается от неторжественного? — любопытствовал Полянский.

— Игорь, я тебя не узнаю! — Данилов, словно заправский китаец, пощелкал палочками. — На торжественном ужине я буду в костюме и при галстуке.

— Я думал увидеть тебя в этом прикиде только в гробу!

— Ты ошибался. Это случится раньше.

— Так когда же? Я насчет торжественного ужина.

— Наверное, уже в будущем году. Вот подкоплю денег, справлю костюм и женюсь.

— Вова! Откуда в тебе это посконно-сермяжное «справлю»? Ты прямо как дореволюционный мастеровой!

— Ну не всем же князьями быть, — усмехнулся Данилов. — Это ты у нас Игорь, князь Полянский, — поддел он лысого круглолицего невысокого Полянского.

— А тебя в институте, если кто забыл, звали Крокодилем Геней... — напомнил Полянский.

— Никогда меня не звали крокодилем, не ври. — Данилов расправился со свиной и перешел к курице, приготовленной так, что она больше походила на телятину. — Но насчет свадьбы не сомневайся — без тебя не обойдется. Надеюсь на ответную любезность.

— Ну уж нет. — Полянский потешно затряс головой. — Я уже переступил ту грань, за которой не хочется ломать налаженный быт. В холостяцкой жизни есть много преимуществ, друг Горацио, которые и не снились женатым мудрецам. Хотя тебе я искренне завидую. Белой завистью. И очень рад, что у вас с Еленой все хорошо.

— У нас все естественно, — поправил Данилов, суеверно постучав по деревянной столешнице. — Не надо притворяться, не надо врать, не надо строить предположений и увязать в подозрениях. Обычная скучная обывательская жизнь, которая мне неожиданно стала нравиться.

Анекдот хочешь?

— Хочу.

— Патологоанатом и реаниматолог захотели отпраздновать День медика. Взяли водку и закуску и стали думать, где устроить застолье. Реаниматолог предложил: "Пошли ко мне?" Патологоанатом ответил: «Давай лучше ко мне. Боюсь я твоих, ведь они иногда шевелятся», — заржал на весь зал Полянский.

Впрочем, на него никто не обратил внимания.

— Этот анекдот мне рассказал Сережка Беляев на втором курсе, — сообщил Данилов. — Есть ли что посвежее в твоих запасниках?

— Найдём! — пообещал Полянский и взмахом руки подозвал официанта: — Принесите нам, пожалуйста... — и закончил заказ длинным китайским словом.

— Ты обещал фондю, — напомнил Данилов.

— Оно и есть.

Неведомое блюдо оказалось тончайшими ломтиками свинины, почти прозрачными на свет, которые полагалось на пару секунд опускать в котел с кипящим бульоном, затем обмакивать в несколько соусов и тут же съедать. Переносная жаровня с котлом, стоящая посередине стола, делала застолье уютным, почти домашним, а ритуал приготовления еды был интересным сам по себе.

— Классная штука! — похвалил Данилов. — И процесс, и само блюдо выше всяких похвал!

— Рад, что понравилось, — не переставая жевать, ответил Полянский.

Некоторое время они ели молча.

— Освоился уже на новом месте? — спросил Полянский. — Или нет? Я смотрю — про «скорую» ты рассказывал много, про роддом молчишь. Или с вас там подписку о неразглашении берут?

— Да нет, просто нечего рассказывать.

— Так уж и нечего? — не поверил Полянский.

— Ну да. Обычная врачебная работа. Хотя... — Данилов помолчал с минуту и продолжил: — Ты прав. На «скорой» была моя жизнь, а в роддоме — только работа.

— Это закономерно, тогда ты был холост, а теперь у тебя есть семья...

— Нет, дело совсем не в этом. Дело в отношении, в чувстве, с которым я шел на работу. На «скорую» я шел как домой, а сюда — чисто на работу... Как бы это объяснить...

— Да я понимаю, — погрустнел Полянский. — С подобным чувством — на работу — я хожу в свой институт. А пару-тройку раз в год езжу в шестьдесят пятую больницу, где

когда-то совмещал лаборантом. Езжу как к себе домой, несмотря на то, что прошло столько лет... Хотя люди везде одинаковые.

— Да не в людях дело, а в том, как они относятся друг к другу! — Внезапный приступ головной боли сделал Данилова раздражительным. — На «скорой» вокруг меня были товарищи по работе, а здесь — сослуживцы.

— Помню твоих товарищей, — сыронизировал Полянский. — Одного ты кипятком ошпарил, другому чуть челюсть не своротил... Как же.

— Дурак ты, Гоша, и лечиться тебе уже поздно, — ответил Данилов.

Он вытащил из кармана блистер пенталгина, выдавил на ладонь две таблетки, закинул их в рот и запил водкой.

— Силен мужик! — покачал головой Полянский. — И не развезет?

— Нет. Только голова перестанет болеть. Можешь не волноваться — тебе не придется доставлять меня домой. К тому же ты не знаешь, где я теперь живу.

— Это не мое упущение, а твоя недоработка.

Согласен. На Новый год приглашаю тебя в гости. Можешь взять с собой подружку, только выбирай поумнее...

— Я лучше один приду. Так надежнее.

— Договорились. Познакомлю тебя с Никитой...

— Слушай, можно нескромный вопрос?

— Подожди, пока официант уберет жаровню, — и задавай, — серьезно сказал Данилов.

По знаку Полянского жаровня была убрана и ее место занял медный чайничек, стилизованный под старину и оттого выглядевший малость обшарпанным. Полянский опасливо покосился на чайничек и продолжил:

— Скажи-ка, каково это вдруг взять и оказаться папашей великовозрастного мальчика? Любопытно мне.

— Игорь! — Данилов погрозил другу пальцем. — Признайся — ты собираешься жениться и у нее есть ребенок! Я угадал?

— Нет, — твердо ответил Полянский. — Спрашиваю из чистого любопытства.

— Тогда из чистой откровенности отвечаю — а хрен его знает. Я пока так и не понял.

— Ну а какие отношения сложились?

— Мирные. Я его не учу жизни, а он не вспоминает о том, как хорошо было без меня. Так и живем. По выходным иногда ходим в кино или в боулинг. Задушевных тайн друг другу пока не поверяем, да и вряд ли соберемся это делать.

— А он не является для тебя... Ну, глядя на него, ты не ревнуешь Елену к ее бывшему мужу?

— Ты явно пересмотрел отечественных сериалов, — поставил диагноз Данилов. — И явно подумываешь о женитьбе, что бы ты об этом ни говорил. Каким образом я должен ревновать Елену к ее бывшему мужу, если сейчас она живет со мной, а с ним не видится и не слышится?

— Ладно, замнем. Голова прошла? — Полянский разлил остаток водки по стопкам.

— Почти.

— Тогда давай выпьем за то, чтобы все наши желания исполнялись...

— ...правильным образом! — закончил за него Данилов, поднимая свою стопку.

— Совсем забыл! Угадай, кого я позавчера видел по телевизору?

— Президента, — не думая ответил Данилов.

— Мишку Замятина! И знаешь кто он теперь? Угадай!

— Хватит загадок! Хочешь рассказать — говори так.

— Заместитель начальника окружного управления здравоохранения!

— Замятин?! — изумился Данилов.

Мишка, с которым они вместе учились и вместе же начинали работать на «скорой», был человеком в своем роде уникальным — невероятно охочим до побочных заработков и столь же невероятно ленивым. Учился он на тройки, утверждая, что лучше закончить

институт с красным лицом и синим дипломом, чем наоборот.

На «скорой» доктор Замятин проработал всего полгода.

Обычно для того чтобы получить от пациента «личную денежную субсидию», врачу или фельдшеру, а то и обоим вместе, надо постараться. Укол сделать, капельницу поставить, кардиограмму снять, в «хорошую» больницу отвезти. Короче говоря — каким-то образом угодить.

Доктор Замятин не любил себя утруждать. И фельдшеров, с которыми вместе работал, тоже ничем не утруждал, за что те его очень любили. Они даже писали за него карты вызова, потому что Замятин и это ленился делить.

Деньги с больных он вымогал своим, особым образом. Выбирал жертву подоверчивее и помнителнее (интуиция у него была потрясающая), разумеется — с повышенной температурой, бегло ее осматривал и заявлял:

— Похоже, что у вас лихорадка Папатачи! Крайне заразная болезнь!

Или — цуцугамуши. А то и вообще — пятнистая лихорадка Скалистых гор. Главное, чтобы название было неведомым, потому что неизвестное пугает сильнее.

«Заразные больные» и их родственники цепенели от ужаса.

— Я должен вас немедленно госпитализировать в инфекционный стационар! — продолжал Замятин. — Собирайтесь, да поскорее, а я пока запишу всех контактных...

— А в больницу надолго? — этот вопрос обычно задается сразу.

— Карантин — сорок дней! — привычно хмурился Замятин.

Сорок дней — цифра пугающая, вызывающая в памяти всякие мрачные ассоциации.

— А может, не надо? — робко интересовались жертвы. — Может, я дома полечусь? А то ведь...

Их можно было понять — кому охота на сорок дней в инфекционную больницу!

Далее следовала короткая, но энергичная речь доктора Замятина, посвященная врачебному долгу, который надлежит исполнять, несмотря ни на что. Даже — несмотря на мизерную зарплату. Догадливые пациенты или их не менее догадливые родственники лезли в кошельки и откупались от сорокадневного карантина посильной суммой. Меньше суммы, эквивалентной сотне долларов, обычно не давали. Нередко давали и больше, причем никогда не жаловались. Когда выздоравливали, должно быть, радовались втихую, про себя, что строгий доктор ошибся и не пришлось им зря отбывать сорокадневный карантин.

Фельдшерам, разумеется, тоже перепадало от Замятина — за создание нужного фона на вызове и молчание. Фельдшеры радовались, но язык за зубами не держали, позволяя себе в курилке восхищаться необычайными замятинскими талантами. А все, о чем треплются в курилке, быстро доходит до начальственных ушей. Поначалу заведующий подстанцией отнесся к информации с недоверием, приняв ее за байку, но звонок на один из вызовов расставил все по своим местам. Заведующий вызвал доктора Замятина к себе. Мишка вел себя нагло, вину отрицал полностью и даже нахамил начальству. На следующее дежурство он уже не вышел.

— Представь себе — Замятин! Собственной персоной вещал по кабельному о борьбе с очередями в поликлиниках, выписке льготных рецептов и всяком таком. А потом еще показали, как он вместе с Метлицкой, начальником управления, инспектировал только что открывшуюся поликлинику.

— Талантливый проходимец, — покачал головой Данилов. — Расскажу ребятам при встрече — обхохочутся.

— Он еще директором департамента станет, помани мое слово, — предсказал Полянский.

В его голосе сквозила горечь. Данилов знал причину: Игорю второй год не утверждали тему докторской диссертации. Заведующий кафедрой, академик Федосеев, недавно отметивший семидесятипятилетний юбилей, опасался конкуренции со стороны молодых и прытких.

— Интересное дело, — сказал Данилов, когда официант принес счет, — никогда бы не

подумал, что мы с тобой способны съесть такую прорву еды.

— Китайский эффект. Всего понемножку, и без картошки, — улыбнулся Полянский, мягко, но решительно отводя в сторону руку Данилова с зажатыми в ней деньгами. — Сегодня моя очередь.

Улица встретила их неприветливо: холодный и противный дождик пытался превратиться в снег.

— Какая мерзость! — высказался Полянский на выходе из ресторана. — Хочу туда, где тепло.

— У экваториальной Африки есть свои недостатки, — возразил Данилов, накидывая на голову капюшон. — Эпидемии, низкий уровень жизни, высочайшая смертность... Подумаешь, проблема — дождь со снегом.

Они быстрым шагом, чуть ли не бегом, ринулись к входу в метро, до которого было не более ста метров. Прощаясь с Даниловым в вестибюле, Полянский, которому было удобнее ехать по кольцевой, достал из кармана дубленки сложенный вчетверо лист бумаги.

— Держи, поржешь в дороге.

— Что такое? — спросил Данилов, беря лист.

— В Сети нашел. Тебе будет интересно.

Усевшись в вагоне, Данилов развернул бумагу. Заголовок звучал интригующе: «Десять самых странных поводов для вызова «скорой помощи» из моей практики».

К поводам давался краткий комментарий:

«1. Доктор, подтвердите, пожалуйста, что я беременна, а то муж не верит.

Время вызова — около 2-х часов ночи. Супружеская пара явно после хорошего семейного скандала.

2. Доктор, мне нужно срочно санаторно-курортную карту заполнить — на работе «горящую» путевку в санаторий дали. Что значит — у вас нет бланков и вы этим не должны заниматься? Разве вы не врач?

Время вызова — около 20–00. Трезвый, интеллигентного вида мужчина лет 45.

3. Доктор, вы не могли бы помассировать мне шею? А то прихватило, а мне сейчас за руль садиться.

Время вызова — 7-00 утра. Интеллигентная женщина лет 40–45.

4. Доктор, а вы моей маме клизму не поставите? А то она меня к себе не подпускает.

Время вызова — 22–00 — 22–30. Матери лет 60, дочери — 30–35. Клизма нужна омолаживающая с настоем череды или еще какой-то травы.

5. Доктор, а вы можете меня в аэропорт отвезти? А то у меня вещей много, в обычное такси не помещусь. Я заплачу.

Время вызова — около полуночи. Мужчина лет 50, гражданин одной из среднеазиатских республик.

6. Доктор, мой сын сутки не может покакать.

Время вызова — около 15–00. Матери лет 70, пьяному сынуле — около 40.

7. Доктор, вы не можете сделать мне усыпляющий укол? Так, чтобы навсегда.

Время вызова — полночь. Семейная пара — разъяренная жена и муж виноватого вида. Обоим около 50. Укол захотела жена.

8. Доктор, а вы мою кошечку не стерилизуете на дому? Я заплачу.

Время — около 10–00. Пожилая, вполне адекватная дама.

9. Доктор, я вызвала вас, чтобы вы рассказали вот этому молодому человеку о вреде наркотиков! Время вызова — час ночи. Маме — где-то 40, сынуле — лет 14.

10. Доктор, а вы со мной не выпьете? У меня сегодня день рождения.

Время вызова — под утро. Судя по виду, мужчина неопределенного возраста праздновал свой день рождения уже вторую неделю. Разумеется, все гости давно разбежались».

Девять поводов из десяти попадались Данилову во время работы на «скорой». Вот только кошку стерилизовать никто не предлагал. Зато три раза на вызове с поводом «плохо с

сердцем» или «болит живот» его уговаривали сделать укол собаке. Доберману, йорку, а в прошлом году, кажется, ризеншнауцера.

Глава десятая ПОКЛЕП

— Доктора! — Главный врач постучала ладонь по столу, напоминая, что встреча еще не окончена. — Вчера я была на совещании в департаменте по подведению предварительных итогов нашей работы (имелись в виду московские роддома). Там обсуждали чепэ, недавно произошедшее в седьмом роддоме.

Зал тут же загудел. Слухом земля полнится — многие сотрудники уже знали о том, что случилось у «соседей».

— Кто в курсе — послушайте еще раз. — Ксения Дмитриевна постучала ладонью по полированной поверхности стола, стоявшего на подиуме. — Не повредит. Повторение, как известно, мать учения. Это действительно очень показательный случай, требующий особого внимания! Пример чудовищного нарушения врачебного долга, вопиющего безразличия и бездушия! Ну-ка, прекратили разговоры!

Выждав, пока все умолкнут, главный врач перешла к сути:

— В седьмом роддоме погибли роженица и ее ребенок. Погибли на глазах у заведующих отделениями, дежурных врачей и ряда других сотрудников! Произошедшее совершенно не вяжется ни со статусом столичного медицинского учреждения, ни с... Короче говоря — непонятно, как такое могло произойти.

— Да, поистине чудовищное происшествие! — картинно вздохнула заместитель главного врача Нижегородова, сидевшая по левую руку от Ксении Дмитриевны.

— Женская консультация направила первородящую в седьмой родильный дом. Через свою подругу женщина договорилась с одной из врачей роддома, что та будет вести ее роды и вообще присматривать за ней. Никто, конечно, и не предполагал, что в итоге все закончится гибелью двух человек!

Ксения Дмитриевна отпила воды из стоявшего перед ней стакана. Главный врач всегда выступала сидя и не требовала, чтобы вставали те, к кому она обращалась. «У нас не школа, а родильный дом», — любила повторять она.

— Итак, роженица, у которой немного скакало давление, была госпитализирована в отделение патологии беременности. Ей было проведено полное обследование и из-за узкого таза было рекомендовано оперативное родовспоможение. В субботу, когда у женщины появились боли в низу живота, один из дежурных врачей посмотрел ее и решил, что она сможет родить сама. «Личная» врач в это время отдыхала дома. Кто-то из акушерок по просьбе роженицы позвонил ей, но та приехать отказалась, и попросила ответственного дежурного врача приглядеть за своей подопечной...

Главный врач говорила долго, разбирая подробности и обстоятельно комментируя все действия персонала. Суть истории была в том, что дежурившие в субботу и воскресенье врачи несколько раз меняли свое мнение по поводу способа разрешения родов и, непонятно почему, в итоге пошли на естественные роды, хотя в истории родов было рекомендовано (и детально обосновано) оперативное родовспоможение. По недомыслию родовую деятельность еще и простимулировали окситоцином, чего явно не стоило делать. В итоге все закончилось разрывом матки и гибелью как матери, так и ребенка.

«У семи нянек дите без глазу», — говорят в народе.

— В «семерке» испокон веку черт-те что творится, — шепнул Данилову Вознесенский, сидевший на соседнем кресле. — Главврачи меняются как перчатки, персонал — и того чаще, все обшарпанно, запущенно, грязно...

— Почему так? — столь же тихо спросил Данилов.

— Место проклятое, — совершенно серьезно сказал Илья Иосифович. — Там когда-то первый главный врач в кабинете повесился. С тех пор все наперекосяк и пошло...

— Мистика какая-то, — не поверил Данилов, совершенно чуждый мистике.

— Жизнь, а не мистика. В жизни всякое бывает.

— В заключение хочу еще раз призвать вас, во-первых, думать головой, а не другими местами, и не считать себя самыми умными. Особенно на дежурствах в выходные и праздничные дни. Если у вас нет уверенности, то у вас есть я, есть Валентина Владимировна, — главврач кивнула влево, — есть заведующие, есть, в конце концов, истории родов, где все написано. Поменьше самодеятельности и самодурства! Побольше ответственности! Я намерена очень скоро уйти на пенсию. Я хочу уйти с почетом, а не получить пинка под зад по вашей вине. Так что учтите: кто попробует уничтожить мою чистую мечту — тому спуску не будет!

Ксения Дмитриевна обвела взглядом зал и добавила:

— Все свободны.

Проходя мимо главного врача к выходу, Данилов услышал:

— Владимир Александрович! Прямо сейчас загляните ко мне на пару минут!

— Хорошо, — откликнулся Данилов и неторопливо направился в приемную главного врача, уверенный, что Ксения Дмитриевна задержится в конференц-зале надолго: то один заведующий подойдет с вопросом, то другой, то сама хозяйка попросит кого-то задержаться.

Просьба заглянуть в кабинет означала, что разговор будет приватным, а значит, неприятным. Не те отношения были у Данилова с главным врачом, чтобы вести приятные беседы наедине.

Данилова догнал Вознесенский.

— Догадываешься, где прокололся?

— Нет, — равнодушно ответил Данилов. — Скоро узнаю.

— Нордический характер! — восхитился Вознесенский и убежал вперед.

В приемной главного врача скучала кадровик Ольга Евгеньевна, по совместительству выполнявшая обязанности секретаря.

— Здравствуйте, доктор, — приветствовала она Данилова. — А Ксения Дмитриевна еще не вернулась с конференции...

— Здравствуйте, я подожду, — сказал Данилов и уселся на один из шести стульев, стоящих в ряд вдоль стены.

— Хотите чаю? У меня есть горячий...

— Спасибо, Ольга Евгеньевна, не надо, — улыбнулся Данилов. — Боюсь, что без причитающейся мне порции горячего я отсюда и так не уйду.

— Вроде бы не было никаких предпосылок... — удивилась Ольга Евгеньевна.

Дверь распахнулась, и в приемную вошла Ксения Дмитриевна.

— Заходите, — пригласила она Данилова, проходя в свой кабинет. — Оля, если позвонит Бабаян из Потребнадзора, то сразу переключай его на Валентину. Она в курсе.

В кабинете главный врач молча указала Данилову на один из стульев, стоявших вдоль длинного стола для совещаний, а сама уселась на свое место.

— Владимир Александрович, — проговорила главврач суховатым и немного недружелюбным тоном, — мне поступила информация о том, что вы довольно часто конфликтуете с другими врачами роддома и, кроме того, позволяете себе вымогать деньги у больных. Это правда?

— Нет, — честно ответил Данилов. — Ссориться я вообще не люблю, разве что иногда хамов осаждать приходится, но я бы не назвал это частыми конфликтами с другими врачами. Собственно говоря, кроме Александра Емельяновича у меня со всеми сложились достаточно ровные, можно даже сказать — дружелюбные отношения.

— А почему Алексей Емельянович стал исключением из этого правила? Что в нем такого?

— Да ничего, просто характер дерьмовый, — откровенно сказал Данилов. — Причем далеко не я один так думаю.

— Вы без году неделя работает в роддоме и уже позволяете себе давать оценки старым

сотрудникам, да еще и заведующим? — нахмурилась «хозяйка». — Не слишком ли вы опрометчивы в своих суждениях?

— Ксения Дмитриевна, вы спросили — я ответил. — Почувствовав, что разговор сейчас уйдет в дебри морализаторства, Данилов пошел ва-банк. — Можно подумать, что вы не знаете, кто такой Алексей Емельянович. Хам, истерик и подлец, вот и вся его характеристика! Он нажаловался вам на меня, так давайте я расскажу вам, как он ведет себя во время операций...

— Владимир Александрович! — перебила главный врач. — Лучше не будем перекладывать с больной головы на здоровую. Я пригласила вас для того, чтобы поговорить о вашем поведении. Когда мне будет надо обсудить Гавреченкова, я приглашу его и выскажу ему свои претензии. К тому же вы совершенно напрасно думаете, что Алексей Емельянович мне на вас жаловался. Сведения поступили из других источников...

«Выгораживает, — подумал Данилов. — Кому же еще, кроме Емели...»

— Вы — человек новый, и для того, чтобы влиться в коллектив, вам надо уметь идти на компромиссы, уметь ладить с людьми. Пожалуйста, учтите это, иначе вам будет очень тяжело работать у нас...

«Не возникай или уматывай на все четыре стороны», — перевел Данилов.

— Вы произвели на меня хорошее впечатление, и мне хотелось бы, чтобы вы у нас прижились. Я прекрасно понимаю, что специфика скоропомощной работы накладывает свой отпечаток на взаимоотношения с людьми, но согласитесь, Владимир Александрович, что в чужой монастырь со своим уставом не лезут. Вы хотите возразить?

— Нет, Ксения Дмитриевна, не хочу. — Данилову очень хотелось возразить, но он прекрасно понимал, что возражения только спровоцируют новый виток нравоучений. — Вы абсолютно правы.

Он уже понял, что главный врач распределила симпатии и антипатии еще до начала разговора и сейчас попросту озвучивала свое мнение. «Монолог дуэтом», — называла подобные беседы острая на язык Елена.

— Тогда на этом мы и закончим разговор о взаимоотношениях с коллегами. — Главный врач слегка оттаяла. — Теперь о взаимоотношениях с пациентками...

— Ксения Дмитриевна, — Данилов позволил себе перебить начальство, — если в общении с коллегами я могу быть немного резок, то денег и подарков я ни с кого никогда не вымогаю. И когда сами предлагают, не беру. Мне это противно. Поэтому кто бы вам чего ни сказал, по этому вопросу мы станем разговаривать так: или давайте факты, или воздержитесь от нотации. Третьего не дано.

— Ну, раз так, — поджала губы Ксения Дмитриевна, — то наш разговор окончен. Надеюсь, что вы примете к сведению мои слова.

— Уже принял.

Данилов встал и пошел к двери. Открыв ее, он замер на несколько секунд, затем обернулся к главному врачу и сказал:

— Пока люди не начинают создавать мне проблем, у них не бывает проблем со мной.

— Это угроза?! — Ксения Дмитриевна даже привстала от изумления. — Вы угрожаете мне?

— Нет, Ксения Дмитриевна, не вам, — покачал головой Данилов. — И это не угроза. Это предупреждение тем, кто поставляет вам подобную информацию. Всего хорошего!

— До свидания, — машинально ответила главный врач.

По дороге в отделение Данилов освежил в памяти всю свою недолгую трудовую деятельность в родильном доме и окончательно утвердился во мнении, что кроме Емели никому не успел досадить.

У входа в отделение Данилов столкнулся с Вознесенским.

— Ну что там? — не преминул спросить заведующий.

— Поговорили о взаимоотношениях с коллегами и пациентами. — Вдаваться в подробности Данилову не хотелось..

- В мирном ключе?
- В рабочем.
- Ясно, — протянул Илья Иосифович. — А кто накапал?
- Не знаю, но догадываюсь.

Данилов попытался обойти заведующего, но тот придержал его рукой и распорядился:

— Возьми кого-нибудь из девочек и иди в «обсервационный» родзал на эпидуральную анестезию.

— Вы в курсе подробностей? — уточнил Данилов. — Или сначала мне одному сходить для оценки показаний и противопоказаний?

— Я сам ее смотрел, — ответил заведующий. — Нормальная женщина без каких-либо сопутствующих диагнозов.

— Тогда почему в обсервации?

— Встала на учет в консультации и сразу же укатила на дачу, поближе к чистой экологии. Вернулась перед самыми родами. Больничный не нужен, оттого и к врачу не ходила, и анализов не сдавала.

— Ясно.

«Кем-нибудь из девочек» оказалась Ира, любимая медсестра доктора Данилова — организованная, сноровистая и молчаливая. Данилов, будучи человеком малоразговорчивым, не выносил болтливых напарников. Парочке словоохотливых фельдшеров на «скорой» он попросту советовал заткнуться всякий раз, когда их заносило, чем только упрочил свою репутацию грубияна.

— Ира, а вы давно работаете в роддоме? — спросил по дороге Данилов.

— Восемь лет, — ответила Ира. — Можно сказать — всю свою трудовую жизнь.

— И как вам тут?

— Безальтернативно, — улыбнулась Ира. — Я живу «двух шагах отсюда, и все недостатки роддома искупаются его близостью к моему дому.

— Да, по московским меркам работать рядом с домом — великое счастье, — согласился Данилов.

— И не говорите, некоторые из Бронниц к нам ездят, а кто-то — с «Планерной». Уж не знаю, кому хуже. А так вообще роддом у нас неплохой, хотя меня больше всего интересует, насколько вменяема старшая сестра в том отделении, где я работаю.

— Это верно.

Отношения с непосредственным начальством были самым важным фактором. Данилов вспомнил, как однажды на их подстанции появился врач, приходившийся родственником кому-то из заместителей главного врача «скорой помощи». Юноша был дерзким и самонадеянным. Уповав на покровительство высокопоставленного родича, он позволил себе демонстративно игнорировать заведующего подстанцией. Результат не заставил себя ждать: за каких-то десять дней наглец умудрился заработать два строгих выговора с занесением в личное дело, после чего, не дожидаясь третьего и последнего, сбежал на другую подстанцию. Там он, по слухам, вел себя скромно и к заведующему относился с подобающим уважением. Понял, что с непосредственным начальством надо жить в мире и согласии.

«А что, если доктор Федоренко постаралась?» — мелькнула вдруг мысль. Данилов прикинул и так и эдак и счел, что вряд ли это Татьяна. Ну поговорили, ну не договорились, но разошлись мирно, и как говорится без последствий, Ни к чему воевать. Нет, все же сколько ни думай, кроме Гавреченкова совершенно некому было настраивать главного врача против Данилова.

Откровенный выпад противника вроде бы требовал принятия ответных мер, но, немного подумав, Данилов решил ничего не предпринимать. Он только пообещал себе впредь быть еще более сдержанным с Алексеем Емельяновичем. Как говорится — его не трогай, оно и не завоняет. Ну а если Гавреченков будет клеветать на него и дальше, то пусть пеняет на себя. Владимир Данилов терпелив, но не беспредельно.

В родовом зале Данилова и Иру встретила доктор Рубанова.

— К кому? — спросил Данилов.

Две кровати были заняты стонущими роженицами.

— Вот сюда. — Рубанова подошла к той, что лежала у стены. — Это наша Эсмеральда.

Данилова слегка покорило. Он не любил, когда врачи придумывали прозвища для пациентов, и уж тем более — когда обращались к ним не по имени. Было в этом что-то детсадовское.

— Можно историю родов, Марина Николаевна?

Рубанова принесла историю.

На титульном листе Данилов в первую очередь нашел имя роженицы, чтобы обращаться к ней правильно — и едва удержался от смеха: ее действительно звали Эсмеральдой, а в сочетании с отчеством «Остаповна» это было еще комичней. Покатав на языке словосочетание «Эсмеральда Остаповна», Данилов решил, что можно обойтись и местоимением. Получив нужные сведения из истории, он задал роженице несколько уточняющих вопросов, после чего приступил к осмотру.

— Доктор, а вы много спинномозговых пункций сделали? — неожиданно поинтересовалась Эсмеральда.

— Много, — ответил Данилов. — Пару сотен точно.

— Это хорошо... — Роженица прервалась на стон, а затем продолжила: — А многих после пункции парализовало?

— Парализовало? Вы случайно не путаете обезболивание с параличом?

— Нет, доктор, не путаю. Говорят же ведь, что если иглу двинуть чуть больше вперед, чем надо, то протыкается спинной мозг и... М-м-ы-и-и-и...

— Простите, а вы кто по профессии? — спросил Данилов.

— Юрист, но я не работаю...

— Понятно. Значит так, Эсмеральда Остаповна! — Для того чтобы подчеркнуть серьезность своих слов, Данилов обратился к пациентке по имени-отчеству. — Во-первых, вы вправе отказаться от эпидуральной анестезии. Есть и другие методы обезболивания, не связанные со спинномозговой пункцией.

— Я зна-а-а-ю-у-у... — Роженица села в кровати и уставилась на Данилова глазами, полными тоски.

— Во-вторых, если вам внушает сомнение мой профессионализм или не нравится моя физиономия...

— Вы красивый, — перебила роженица. — Похожи на артиста Тихонова в молодости...

— Спасибо за то, что под маской разглядели мою красоту, — серьезно поблагодарил Данилов. — Но потребовать другого врача — ваше право. А в-третьих, пункция проводится ниже того уровня, на котором заканчивается спинной мозг. Поэтому вероятность его повреждения сведена к нулю. Вы меня хорошо поняли?

Роженица молча кивнула.

— Так что же мы будем делать?

— То, что собирались. Простите, доктор, это у меня от излишней образованности.

«От недостаточной», — подумал Данилов, но спорить не стал.

Он подробно объяснил пациентке все, что следовало, особо упирая на то, как ей следует себя вести во время пункции, а затем подошел к раковине и начал мыть руки. Ира подала Эсмеральде бланк информированного согласия на пункцию, которого в истории родов не было, и попросила подписать.

— Я слышала, что после тридцати пяти лет эпидуральную анестезию лучше не делать, — сказала Рубанова. — Апочему?

— Не в курсе, — ответил Данилов. — Считается, что: тот вид анестезии хорош в любом возрасте...

— А-а-а! — Другая роженица истошно завопила, схватилась руками за борта кровати, поднапряглась и обдала водами не успеваю увернуться акушерку.

— Чтоб тебя! — в сердцах выругалась акушерка, глядя, как воды стекают с нее на пол. — Теперь опять идти переодеваться! Ведь шла и думала — надо тут пузырь проколоть...

— Шла, да не дошла! — поддела ее другая акушерка. — Теперь поздно пить боржоми...

— Эх, что теперь говорить! Маши, подстрахуй, я мигом.

Акушерка ушла, оставляя за собой широкий влажный след.

«Хорошо, что воды не попали на наш столик», — подумал Данилов.

— Чем закончилась ваша история? — спросил он у Рубановой, имея в виду недавнее самоубийство родильницы из ее палаты.

— Не напоминайте, — поскуцнела Рубанова. — Написала дикое количество объяснительных, два раза беседовала со следователем, выговор непременно получу...

— Никто из родственников не объявлялся?

— Да кому она нужна, эта шалава! — фыркнула Рубанова. — Сволочь! Нет, я все понимаю — приперло тебя самоубиться, так выпнишься сначала из роддома и кидайся себе откуда захочется. Хочешь — с моста, хочешь — с любой высотки, да хоть с памятника Петру Первому! Так нет же — непременно надо у нас! Где рождаем, там и из окон прыгаем!

— Начнем! — скомандовал Данилов, закончив мыть руки. — Марина Николаевна, усадите, пожалуйста, нашу пациентку.

— Эсмеральдочка, садимся, свеживаем ноги с кровати... — скомандовала Рубанова. — Сейчас я помогу вам снять рубашку. Так, теперь надо согнуть спину. Или вы, Владимир Александрович, предпочитаете, чтобы женщина лежала на левом боку?

— Лучшие сидя.

Данилов, меняя спиртовые и йодные тампоны, обработал кожу вокруг намеченного места пункции, затем взял шприц и быстро сделал местное обезболивание.

— Сейчас может возникнуть жжение или ощущение давления или распирания.

— Все нормально, доктор, — чуть помедлив, ответила Эсмеральда. — Никакого жжения. А что, разве уже все?

— Я еще и не начинал. Это только местная анестезия. Согнитесь посильнее, пожалуйста, и не шевелитесь.

— Маши! Помоги подержать! — Рубанова кликнула на помощь акушерку.

Та подошла и встала с другого бока, положив одну руку на плечо роженицы.

— Еще немного согнемся, доктору удобнее будет, а чем удобнее, тем быстрее...

— Руку ниже не опускайте, — предупредил Данилов, опасаясь, что акушерка невзначай нарушит стерильность места пункции.

— Конечно, конечно, — заверила та. — Я понимаю.

— Начинаю! — оповестил Данилов.

Когда мягкий катетер был введен больше чем наполовину, роженица ойкнула.

— В левую ногу прострелило! — сообщила она.

— Не волнуйтесь, ничего страшного, — поспешил успокоить Данилов. — Конец катетера случайно задел корешок нерва, это не опасно.

Данилов быстро закончил устанавливать катетер, ввел шприцем первую дозу анестетика и поинтересовался:

— Что вы сейчас чувствуете?

— Слева низ живота онемел, а справа — все как и было... — сообщила роженица, укладываясь на спину.

Для наглядности она очертила рукой онемевшую область.

Данилов не смутился — такое редко, но случалось при эпидуральной анестезии. Причиной «одностороннего» действия обезболивания были перегородки из соединительной ткани в эпидуральном пространстве, которые могли помешать равномерному распространению препарата.

Данилов ввел в катетер все содержимое шприца и сказал:

— Пять минут вам надо полежать на правом боку.

Под влиянием силы земного притяжения препарат мог просто стечь в ту сторону, куда он вначале не попал. Если увеличение дозы вкупе с гравитацией не помогут — придется делать новую пункцию, уже в другом промежутке.

Спустя несколько минут онемела и правая половина живота. Немного подумав, Данилов решил пока не подключать Эсмеральду к автоматическому шприцу, а вводить ей анестетик вручную. Из-за «одностороннего» обезболивания он увеличил дозу и никак не мог окончательно определиться с последующей дозировкой и скоростью введения.

— Маша, а куда делся вакуум-экстрактор? — вдруг спросила Рубанова, оглядывая зал.

Вакуум-экстрактор — это насос со шлангом, заканчивающимся резиновым колпачком. Колпачок накладывается на головку плода и удерживается на ней за счет создаваемого насосом разрежения. Потянули за шланг — помогли ребенку родиться, примерно так.

— Наверное, ординаторы утащили, — предположила Маша. — Ознакомятся и вернут.

— Найди его поскорее, — распорядилась Рубанова. — А ординаторам я вставлю, чтобы не растаскивали оборудование. Надо изучать — изучай там, где стоит.

— Да он или в предродовой, или в коридоре у стола, — успокоила ее Маша. — Сейчас принесу, доктор. Вы думаете — понадобится?

— Я не думаю, — отчеканила Рубанова, — я знаю, что всегда бывает нужно то, чего нет под рукой. Поэтому давай его сюда, так спокойнее.

— Уже иду...

Маша удалилась, оставив вместо себя напарницу, успевающую переодеться в чистую форму.

— Как ваше самочувствие? — спросил Данилов у роженицы.

— Благодарь, — полуприкрыв глаза, ответила та. — Боль ушла.

— А тянет?

— Потягивает. Так и будет до конца?

— Не совсем так, но болей не будет.

— Спасибо.

— Ногами подвигайте.

Роженица подвигала ногами. Данилов вставил в уши наконечники фонендоскопа, выслушал сердечные тоны пациентки, прощупал пульс и стал укреплять на ее плече манжетку тонометра.

— Марина Николаевна, как сквозь землю провалился тот проклятый вакуум! — сообщила вернувшаяся Маша. — Все отделение обегала. Не в палату же они его утащили!

— Действительно... — призадумалась Рубанова. — Позвони старшей, пусть подойдет.

— Да я так позову...

Маша вышла в коридор и громко крикнула:

— Татьяна Константиновна!

— Идет, — доложила она, возвращаясь в родовой зал. — На посту была...

В течение часа перед глазами Данилова разворачивались следственные мероприятия с участием старшей акушерки и заведующего отделением. Вакуум-экстрактор так и не нашелся.

— Пойду хозяйке сообщу, — обреченно объявил Гвоздев, в тридцатый, должно быть, раз появляясь в родовом зале в компании старшей акушерки. — Готовься, Татьяна. Этот «пылесос» три тысячи евро стоит.

— Мало нам кризиса и самоубийцы в отделении, так еще и вакуум-экстрактор сперли! — всплеснула руками та. — Кому он мог понадобиться, Юрий Павлович?

— Ума не приложу, — ответил заведующий. — Опять с милицией встречаться придется. Ох, грехи мои тяжкие.

— А зачем милицию?

— Татьяна! Ты что — не слышала, сколько этот «пылесос» стоит?

Данилов попытался вообразить, кому и зачем может понадобиться устройство для вакуумной экстракции плода, но так и не пришел ни к какому выводу. Его невозможно было использовать иначе чем по прямому назначению. Также невозможно было допустить, что кто-то из акушеров решил поразвлечься с прибором во время приема родов на дому. Во-первых, врачи родильных домов не берут подработку на дом, а во-вторых, у любого сведущего человека хватит ума на то, чтобы не производить вакуумную экстракцию плода вне стационара: всякое могло случиться.

Вечером, перед тем как ложиться спать, Данилов рассказал Елене о разговоре с главным врачом и спросил:

— Что ты об этом скажешь как администратор?

— Мое административное мнение полностью совпадает с личным, — сделав акцент на слове «административное», ответила Елена. — Ваша бабуля вызвала тебя, потому что ей кто-то чего-то такого наговорил. Но в целом, конечно, она относится к тебе неплохо, потому что не стала раскручивать эту историю, а просто предупредила тебя в несколько завуалированной форме, чтобы ты был поосторожнее.

— Ну, никакая она не бабуля, — поправил Данилов, представив, что могло бы случиться, назови так Елена шестидесятитрехлетнюю женщину в присутствии его матери. — Выходит, зря я ей нахамил.

— Зря! Хотя в этом есть и доля ее вины — можно было поговорить с тобой более корректно.

— Ты говоришь как моя жена, а не как администратор...

— В первую очередь — как администратор. Впрочем, ты сам виноват. Променил меня, чуткую и добрую начальницу, на какую-то старую гримзу — так тебе и надо!

— Лен, не передергивай, а? — попросил Данилов. — Ты же прекрасно знаешь, что я променял не тебя, а весьма двусмысленную ситуацию, в которой мы оба оказались. И вот еще — никак не могу понять, почему вы, женщины, бываете так безжалостны, когда дело касается чужого возраста. Что ты заладила — старая да старая?

Да это я так, со зла, — ответила Елена, втирая в кожу лица ночной крем. — Может, мне обидно. Ты у меня, конечно, тот еще хам, но ты хам справедливый, зря в бутылку не лезешь. Ну а уж во взяточники тебя записать — это уж надо постараться.

— Вот кто-то и постарался.

— Тебе обидно?

— Мне противно, — признался Данилов. — Только не надо меня успокаивать. Я с трехлетнего возраста уяснил, что люди далеки от идеала.

— А от нас Федулаев уходит, — вспомнила Елена. — В центр медицины катастроф сманили его от меня коварные люди. Я ему говорю: «Юрий Романович, там ведь жизнь еще беспокойнее, чем на «скорой», а он в ответ: «Вот и хорошо».

Доктор Федулаев был старшим врачом подстанции. Образно говоря — правой рукой Елены.

— И кого же ты выберешь в старшие врачи? — оживился Данилов.

— Его уже выбрали за меня наверху, — горько улыбнулась Елена: какому руководителю понравится «спущенный сверху» заместитель?

Старшего врача приятно выбирать самой, чтобы можно было положиться на него в любой ситуации. А незнакомый человек, навязанный высшим руководством, всегда настораживает. Сразу и не понять — каков он. Будет ли он работать добросовестно, подменяя своего начальника в критических ситуациях, или попытается строить интриги и манипулировать людьми, пытаясь освободить для себя кресло заведующего подстанцией. Троянский конь, едрить его налево...

— Кто такой? Я его знаю?

— Наверяд ли... Он двенадцать лет проработал в Зеленограде, а недавно переехал в Кузьминки. Развелся с женой и разменял квартиру. Говорят, что он просто хотел перевестись в БИТы (бригада интенсивной терапии), но его взяли и выдвинули в старшие

врачи. Повезло человеку.

— Разведенный молодой старший врач! — Данилов притворно посуровел. — Он же будет пытаться тебя соблазнить!

— Пытаться не запрещено, — подмигнула Елена. — Вопрос в том, чем закончатся эти попытки...

— Да уж! — Брови Данилова соединились на переносице. — Смотри у меня, коварная!

— Это ты смотри, как бы меня не увели!

Елена показала Данилову язык. Владимир решил сменить тему:

— Надо как-нибудь утром в выходной заехать на подстанцию...

— Только без спиртного, хорошо? — обеспокоилась Елена. — Не хватало еще, чтобы ты там пьянку устроил!

— Хорошо. Я вообще-то и собирался только к чаю чего-нибудь взять.

— Знаю я это ваше «к чаю», — рассмеялась Елена. — А так — правильная идея. Загляни, потешь душеньку, пока все знакомые не разбежались. Народ тебе обрадуется. Только если встретишь нового старшего врача — не поливай его кипятком и не бей в челюсть. А то знаю я твои штучки...

Глава одиннадцатая ЭМБРИОТОМИЯ

— Заставь дурака богу молиться... — сердилась доктор Юртаева. — Ну как так можно, объясните мне, Владимир Александрович?

Случай и впрямь был редким, что ни в коей мере не умаляло его трагизма.

Нет ничего противоестественного в том, что беременные женщины стараются проводить как можно больше времени за городом, на свежем воздухе и при натуральных продуктах, а врачи это целиком и полностью одобряют. Природа — это тишина, покой, чистый воздух. Благодать, одним словом.

Никто не запрещает людям, в том числе и беременным женщинам, жить на даче. Живите на здоровье. Надо только адекватно оценивать ситуацию и своевременно показываться врачам. В конце концов, систематическое регулярное наблюдение беременных придумано не для того, чтобы врачам было чем заняться. Не только для этого.

Первой ошибкой женщины, самотеком поступившей в приемный покой родильного дома, было то, что она просидела на даче до самых родов. В буквальном смысле.

Так можно делать только в большом городе, да и то лишь тогда, когда вы уверены, что быстро доберетесь до роддома. Если женщина, живущая в Медведково, прикреплена или прикипела всей душой к роддому на Юго-Западе, то ей лучше госпитализироваться заранее, чтобы не разродиться в дороге.

Дача — двухэтажный кирпичный дом со всеми удобствами городского жилья, от ватерклозета до отопления, — находилась в живописной подмосковной глуши, удаленной от столицы почти на сотню километров. Будущая мать жила там вместе со свекровью-пенсионеркой. Мужа, весьма загруженного работой менеджера среднего звена, держала в Москве работа. Жену и мать он навещал только по выходным. Стандартная в общем-то ситуация.

Супруги уже обговорили, как будут действовать, если роды начнутся в будни: в начале схваток вызовут на дачу местную, подмосковную «скорую помощь» и заплатят бригаде за госпитализацию в девятый московский роддом, заранее выбранный за хорошую репутацию и близость к московской квартире. Супруги искренне верили в волшебную силу денег и считали, что легко договорятся с местной скоропомощной бригадой о транспортировке в Москву. Будучи людьми, очень далекими от медицины, они не представляли себе, во что может вылиться поездка женщины, уже начавшей рожать, на такое огромное расстояние, да еще по городским пробкам. И «скорую помощь» они воспринимали как что-то вроде совершенно бесконтрольного «медицинского такси», которое вправе возить пациентов куда

удовно и госпитализировать их в любое медицинское учреждение. Супругам даже не пришла в голову мысль о том, что не стоит досиживать на даче до самых родов, а лучше вернуться в Москву заранее. Напротив, они считали, что так будет лучше для всех — и для будущей мамы, и для малыша.

Заботливый муж регулярно доставлял жену в женскую консультацию и в тот же день возвращал на дачу, для чего ему приходилось отпрашиваться с работы на весь день.

Беременность протекала благополучно, и вообще все было хорошо. Так, что лучше и не бывает.

Опасайтесь состояния, когда все хорошо настолько, что лучше и быть не может! После него обычно наступает черная полоса шириной во всю оставшуюся жизнь. Этот мир завязан на балансе черного и белого, плохого и хорошего... Пусть все будет хорошо, но еще лучше, когда для полного блаженства не хватает какой-то малости. Так надежней.

Счастье было полным до тех пор, пока не начались схватки. Ну, начались и начались — их давно уже ждали. Осознав, что пришло время рожать, женщина вызвала «скорую» и заранее собрала вещи. Она была уверена на все сто процентов, что «скорая» сразу же и беспрекословно отвезет ее в Москву. Иначе, по ее мнению, и быть не могло — ведь у нее была московская прописка и московский же полис медицинского страхования. Все путем.

Увы, с госпитализацией в столицу сразу же вышел облом. Врач, приехавшая по вызову, осмотрела пациентку и объявила, что госпитализирует ее в местный роддом. Только туда, и никуда больше, потому что, во-первых, состояние женщины не располагает к дальним поездкам, а во-вторых, «скорая помощь» не вправе выезжать за пределы своего района.

Территориальный принцип — суровая сила.

Пациентка предложила оплатить услуги. Врач отказалась. Пациентка увеличила сумму. Врач снова предложила госпитализацию в местный роддом. Пациентка отказалась, дав расписку в том, что о последствиях предупреждена, но тем не менее...

Выждав с четверть часа после отбытия первой бригады, женщина сделала повторный вызов, надеясь, что другая бригада окажется поговорчивей.

Надежды не оправдались. Приехал старший врач смены, который категорически отказался от денег, и снова предложил госпитализацию в местный роддом.

— Поймите меня правильно, — убеждал он, — мы в Москву не возим. Не имеем права, да и возможности нет. Да-да, даже если и захотим, то не сможем. Раз уж вы оказались здесь, у нас, то вам одна дорога — в наш родильный дом.

— Неужели все так сложно? — суетилась свекровь, поминутно всплескивая руками. — Вы же врач, отвезите ее, куда она хочет! У нее же обменная карта из московского роддома!

— Да хоть из челябинского, какая разница! За сто километров вас никто возить не возьмется, — в который уже раз повторил врач. — Поехали с нами, соглашайтесь.

Какое там согласиться! Женщина снова под расписку отказалась от госпитализации.

Потерпев неудачу с обычной «скорой помощью», она попыталась вызвать коммерческую, из Москвы, но так и не добилась своего. Уточнив обстоятельства — место нахождения, повод к вызову и конечный пункт транспортировки, — диспетчеры отказывались брать вызов и в один голос советовали не мешкая госпитализироваться по месту пребывания.

Советы были проигнорированы. В Москву и только в Москву!

Со «скорой» не вышло. Оставалось надеяться на собственные силы. Женщина позвонила мужу и сообщила, что с госпитализацией произошел облом и что она уже, кажется, вот-вот родит. Сразу же после разговора у нее отошли воды. Чтобы ненароком не разродиться раньше времени, женщина по совету опытной свекрови выпила несколько таблеток ношпы в один прием и потом еще несколько раз прикладывалась к спасительному пузырьку с таблетками.

После телефонного разговора с женой муж сорвался с места и ринулся на дачу. Пока он доехал туда, пока забрал жену и успокоил мать, остающуюся на даче, пока вместе с женой доехал обратно... Короче говоря — при приеме пациентки в родильном доме была

диагностирована внутриутробная смерть плода. Ничего неожиданного. Давнее отхождение вод, много таблеток ношпы, транспортировка в полусидячем положении. Одно дело — ехать в машине, оборудованной для перевозки пациентов лежа, и совсем другое — ехать на заднем сиденье довольно дорогого, но не слишком просторного автомобиля.

В приемном отделении роддома супругам пришлось расстаться. Жену увезли наверх, а муж остался ждать в холле. Спустя полчаса к нему вышла ответственный дежурный врач.

После долгого и очень тяжелого разговора поочередно с каждым из супругов доктор Юртаева взяла женщину на эмбриотомию — операцию по разрушению плода в матке. Все необходимые бумаги были подписаны.

Эмбриотомию проводят под глубоким наркозом, так и быстрее и спокойнее. Глубокий наркоз необходим не только для обезболивания и расслабления брюшной стенки и матки, но и для того, чтобы уберечь пациенток от дополнительной моральной травмы. Лучше, когда не-состоявшиеся матери не видят этой операции. Ведь знать — это одно, а видеть — совсем другое.

Все плодоразрушающие операции трудны не только морально, но и технически. Они болезненны, они чреватy остро возникающими осложнениями. Вдобавок ко всему, большинство пациенток, которым проводятся плодоразрушающие операции, длительно находятся в родах и оттого истощены как физически, так и эмоционально.

Осмотрев и расспросив внашиую в оцепенение пациентку, Данилов остановился на кратковременном эндотрахеальном наркозе. Конечно же наркоз только планировался как кратковременный, на самом деле никто не мог дать гарантии, что операция не растянется на несколько часов.

Когда пациентка уснула после вводной внутривенной инъекции, Данилов несколько секунд понаблюдал за монитором, к которому она была подключена, затем легко оттянул вниз ее нижнюю челюсть и вставил в рот клинок ларингоскопа. Через полминуты он уже надувал шприцем фиксирующую манжетку на трубке, вставленной в трахею.

Следующим этапом стало подключение пациентки к наркозно-дыхательному аппарату — несколько усложненной разновидности аппарата искусственной вентиляции легких. Нельзя просто подсоединить один конец шланга к баллону с кислородом, а другой засунуть в рот пациенту. Газы должны подаваться в определенной дозировке по принципу «вдох — выдох».

После подключения началась подача средства для основного наркоза — смеси закиси азота, «веселящего газа», с кислородом в соотношении два к одному.

Осмотр зрачков, контроль артериального давления, оценка прочих показателей и традиционное:

— Можно начинать.

— Спасибо, — поблагодарила Юртаева, сидевшая на стуле промеж расставленных и зафиксированных на опорах ног пациентки, обутых в стерильные бахилы. Женщина находилась в полусидячем положении и была надежно пристегнута к столу фиксирующими ремнями. Влагилице ее обложили стерильными салфетками. Рядом с Юртаевой стояла ассистент Нина Полосухина, ординатор второго года — толковая и амбициозная девушка, похожая на маленькую юркую мышку. Нина заметно нервничала — то и дело сжимала и разжимала обтянутые перчатками руки и часто моргала, стараясь подавить слезы.

Всем было тяжело; у медсестры-анестезиста Лены глаза тоже были влажными.

Операционная сестра стояла у стола с разложенными для операции инструментами: влагилицными зеркалами с подъемниками, «пулевыми» щипцами, одновременно похожими и на ножницы, и на клещи, специальными ножницами, копьевидным перфоратором, кюретками, краниокластом, зажимами, скальпелями, хирургическими иглами-«полумесяцами».

— Начинайте, пожалуйста.

— Начинаем. Зеркала!

При помощи плоских акушерских влагилицных зеркал Юртаева обнажила почти

полностью раскрытый маточный зев, в котором виднелась головка плода. Затем она захватила посиневшую кожу головки двумя парами «пулевых» щипцов, натянула и скомандовала ассистентке:

— Рассекай.

Та сделала скальпелем трехсантиметровый надрез на коже головки, а следующим движением рассекла мягкие ткани.

— Молодец, — похвалила Юртаева собранность ассистентки.

Юртаева отвернула края разреза в сторону, обнажая сероватую фиброзную ткань родничка. Затем она передала пулевые щипцы Нине. Та потянула их на себя для более надежной фиксации головки, а сама Юртаева вооружилась небольшим ручным перфоратором. Приставила его к родничку так, чтобы ось инструмента была направлена перпендикулярно головке, и начала медленно вращать ручку.

Копьевидный перфоратор — это и перфоратор, и нож. Очень удобно — углубился и режь.

Осторожными буравящими движениями Юртаева погрузила широкую часть наконечника-копья в проделанное отверстие, стараясь не производить толчков и рывков, чтобы наконечник не соскочил с головки и не нанес роженице травму.

Как только наконечник вошел на требуемую глубину, вращение прекратилось. Сблизив рукоятки перфоратора, Юртаева тем самым развела в стороны острые края копья. На черепе мертвого плода появился первый разрез, в который тут же выпятился серовато-желтый головной мозг. Аккуратно поворачивая перфоратор в различных направлениях, Юртаева проделала четыре разреза на черепе, а затем раздвинула копья до отказа. Теперь, когда благодаря ее усилиям отверстие в черепе расширилось примерно до пяти сантиметров, в него уже можно было ввести большую тупую хирургическую ложку, предназначенную для окончательного разрушения и вычерпывания головного мозга из черепной коробки.

— Как там наши дела, Владимир Александрович? — спросила Юртаева.

— Нормально, Елена Ивановна, — ответил Данилов. — Все стабильно.

Пациентка спала глубоким медикаментозным сном.

Юртаева принялась ворочать ложкой в полости черепа. В стоящий на подставке справа от нее эмалированный таз полетели кусочки мозга, по консистенции напоминающие студень. Закончив извлекать его, Елена Ивановна отдала ложку операционной сестре и получила взамен двадцатикубовый шприц, наполненный стерильным раствором. К шприцу был присоединен пластиковый катетер. Введя катетер в спавшуюся полость черепа, Юртаева надавила на поршень и быстро промыла полость черепа от остатков разрушенного мозга.

На этом перфорация головки была окончена. Настал черед краниоклазии — операции извлечения перфорированной, выскобленной и оттого сильно уменьшившейся в объеме головки плода при помощи специального инструмента, называемого краниокластом.

Он состоит из двух переkreшивающихся и замыкающихся в центре ложек с рукоятками и очень похож на акушерские щипцы. Одна из его изогнутых «ложек» сплошная, с неровностями на выпуклой поверхности. Правой рукой Юртаева погрузила ее как можно глубже в полость черепа плода, контролируя процесс левой рукой, введенной во влагалище, после чего передала рукоятку своей ассистентке. Другую, уже не сплошную, а окончатую, «ложку» она так же, правой рукой под контролем левой, наложила на головку снаружи. Обе «ложки» оказались друг напротив друга.

После введения «ложек» их рукоятки, снабженные винтовым запором, были крепко соединены. Правой рукой Юртаева взялась за них, а введенной во влагалище левой рукой проконтролировала правильность наложения. Все было в порядке — «ложки» плотно сжимали лицевую часть черепа, где кости соединялись между собой гораздо прочнее, чем в других местах. Можно было извлекать.

Плавным движением Юртаева вывела головку из половой щели наружу и, раскрутив винтовой запор, сняла краниокласт. Затем под контролем четырех пальцев левой руки она добралась кончиком крепких ножниц с закругленными концами до той ключицы, которая

располагалась ближе к «выходу», и одним точным движением рассекла ее.

Недаром говорится, что акушер должен иметь глаза на кончиках пальцев. Без чувствительных пальцев и хорошего пространственного воображения невозможно стать хорошим акушером.

После рассечения ключицы плечевой пояс плода спался, и теперь Юртаева смогла легко извлечь руками мертвого ребенка. Посиневшее тело с деформированной, сморщенной словно спущенный мяч, головой было бережно опущено в таз после того, как Полосухина перевязала и перерезала пуповину.

Данилов поспешил отвернуться, чтобы не видеть ступни, торчавшей из таза. Лена, встретившись взглядом с Даниловым, вздохнула и тихо спросила:

— Как ей теперь жить?

— Трудно будет, — согласился Данилов. — Очень трудно.

Потянув за пуповину, Юртаева извлекла послед, внимательно осмотрела его, а затем провела ручное обследование стенок матки. После этого она осмотрела влагалище и шейку матки с помощью металлических зеркал, чтобы убедиться в целостности мягких тканей.

— Все в порядке, — удовлетворенно сказала она.

Вставив катетер в мочевой пузырь пациентки, Нина выпустила в эмалированный лоток мочу, естественный, без примесей крови, цвет которой свидетельствовал о том, что мочевыводящие пути не были повреждены во время операции.

— У нас в ординатуре одна девушка после первой самостоятельно проведенной эмбриотомии не смогла дальше оставаться в акушерстве, — сказала Юртаева, пока операционная медсестра развязывала завязки на ее халате. — Так и ушла в терапию.

— Можно было и в хирурги, — высказалась Нина, — терапевтом быть скучно. Удувиться можно от тоски.

— Разные бывают случаи, — снисходительно заметила Юртаева, — вот поработай с мое, может, и переменишь мнение. Владимир Александрович, вы ее, конечно, до завтра у себя подержите?

Последняя фраза касалась прооперированной.

— Разве? — удивился Данилов, прекращая подачу закиси азота. — Я вообще-то планировал вывести ее из наркоза, понаблюдать пару часиков и, если все будет нормально, перевести ее в отделение. Под наблюдение дежурного врача, разумеется. Для того, чтобы задерживать ее у нас, нужны какие-то показания.

— Я думала, что ей неплохо бы побыть у вас... ну, на всякий случай, — слегка смутилась Юртаева. — Во избежание осложнений.

— Понаблюдать, как будет себя вести? — догадался Данилов. — Чтобы ничего с собой не сделала?

— Да.

— Вознесенский скажет, что у нас не богадельня, — вмешалась Лена Косяк, одна из самых толковых медсестер отделения.

— Да, скажет, — подтвердил Данилов, — скажет...

С одной стороны, если взять в блок реанимации кого-то не по показаниям, заведующий будет недоволен: интенсивная терапия действительно не богадельня. С другой стороны, Данилов мог понять беспокойство Юртаевой. В отделении гораздо труднее держать пациентку под постоянным присмотром, чем в реанимации, где в палате-зале возле пациенток постоянно дежурит медсестра. Опасность того, что женщина, придя в себя после наркоза, может попытаться убить себя, была достаточно велика. Потерять ребенка, да еще из-за собственной глупости... Это поистине невыносимо.

— Если только до завтра, — решил Данилов, — а утром переведем. Я как раз сегодня дежурю, так что будьте уверены — придержу...

— Вот спасибо, Владимир Александрович, — просияла Юртаева, — историю я вам пришла через пятнадцать минут.

— Я сам объясню все шефу, — сказал Данилов Лене, когда они везли каталку с

пациенткой в свое отделение.

— Я вас прекрасно понимаю, — обернулась Лена. — Главное, чтобы завтра на конференции не орали о том, что страховая компания не оплатит ее пребывание в реанимации.

Страховые компании действительно придирались к каждой мелочи. Вечная борьба: медицинские учреждения пытаются взять со страховых компаний как можно больше денег, а те, желая сберечь свое кровное, ищут поводы для отказа в выплатах. Коммерческие отношения.

— Я обосную ее пребывание, — пообещал Данилов.

Собственно говоря, сделать это было нетрудно. Достаточно было указать, например, что под конец наркоза у пациентки секунд двадцать наблюдалась бигеминия, то есть каждое второе сокращение сердца было атипичным, отличающимся от нормального. Тогда можно смело брать ее в блок реанимации для динамического наблюдения, а утром в стабильном состоянии переводить в отделение.

Закончив дела с пациенткой, Данилов пошел к себе, строго-настрого наказав дежурившей в реанимации Вере позвать его сразу же, как только прооперированная начнет проявлять хоть малейшие признаки беспокойства.

В ординаторской Данилов застал Ахметгалиеву и Клюквина. Коллеги сидели на диване, пили чай и обсуждали поведение акушерки со «скорой помощи», устроившей сегодня локальный скандал в приемном покое. Акушерка привезла роженицу и была недовольна тем, что врач, дежуривший на приеме, отпустил ее не сразу, а только после осмотра и краткого расспроса доставленной женщины.

— Я ведь сам тоже на «скорой» начинал, — Клюквина потянуло на воспоминания, — в Ногинске. Было это так давно, что уже кажется неправдой. Продержался я там не очень долго — быстро слинял в анестезиологию. Так вот, был у меня один случай, несуразный и нехороший. В погожий летний день я приехал на вызов к старушке, жаловавшейся на плохое самочувствие. Расспросив и осмотрев больную, я диагностировал у нее пневмонию и решил ее госпитализировать. Решил — и сделал, отвез в городскую больницу. Старушка была крепкой, стабильной и никаких опасений мне не внушала. Поскольку все происходило утром воскресного дня, единственная дежурная терапевтша была на обходе. Поэтому больную приняла у меня медсестра, дежурившая по приемному отделению. Стандартная практика, верно я говорю, доктора?

— Практика-то стандартная. Но чреватая геморроями, — заметил Данилов. — Куда спокойнее передавать больных врачу с рук на руки. Врач отвечает за все, а медсестра — не совсем за все.

— Вот! — Клюквин поднял вверх узловатый палец. — Сразу видно бывалого человека! Но я-то тогда был молодой и неопытный. Короче, записав в карту вызова фамилию медсестры, принявшей мою больную, я отправился на следующий вызов и скоро совсем забыл о бабушке с пневмонией. Правда, забыл ненадолго...

Данилов делал себе кофе, а Клюквин продолжал рассказывать:

— Утром, сдав смену, я узнал о том, что меня срочно вызывает к себе главный врач городской больницы, которому, как это бывает в небольших городах, подчинялась и городская станция «скорой помощи», и две небольшие поликлиники. Причем вызывал не только меня, а и нашего заведующего, Захара Геннадьевича. Хороший был мужик Захар, из правильных. Он мне сразу сказал, что дело пахнет керосином и чтобы я, не подумав, рта не открывал. Надо сказать, — сделав глоток из своей «песональной» кружки с гербом СССР, продолжил Клюквин, — что слова главного врача прозвучали для нас как гром среди ясного неба. Что-то вроде этого: «Вчера утром в приемное отделение была доставлена больная такая-то (фамилию я уже подзабыл, да и не в фамилии дело), с диагнозом правосторонней нижнедолевой пневмонии. Больная была не сдана, а скинута в приемное отделение, где пролежала около двенадцати часов, пока о ней не узнала дежурная врач!» Каково?

— Обалдеть! — выдохнула Ахметгалиева. — Беспризорная пациентка пролежала

половину суток в маленьком приемном отделении небольшой больницы, и все это время никто ее не замечал!

— Короче говоря — пациентка умерла прямо там, в приемном отделении, — нахмурился Клюквин. — Вот так и открылось мое персональное кладбище... Эх!

Было видно, что ему до сих пор больно вспоминать эту историю.

— Та медсестра, которая ее принимала, завезла каталку с бабулей в смотровую и ушла домой, потому что ее смена уже закончилась. Предупредить сменщицу о том, что в смотровой дожидается врачебного осмотра больная, медсестра забыла. Летний день, воскресенье, все на дачах, в городе — тишина и покой, госпитализаций нет. Дежурная врач и дежурные сестры занимались своими текущими делами, пациентка терпеливо ждала осмотра, но так его и не дождалась...

— А что показало вскрытие? — спросил Данилов.

— Вскрытие, Владимир Александрович, показало свежайший трансмуральный инфаркт миокарда. Надо ли объяснять, что виноватым в смерти больной оказался доктор со «скорой», то есть я.

— Почему?

— Причин тому, Фаина, было несколько. Во-первых, я по халатности не диагностировал инфаркта и оттого не госпитализировал больную в реанимационное отделение, куда ей была прямая дорога. Мои возражения о том, что инфаркт мог развиться уже в приемном отделении, отметались в сторону без обсуждения. Во-вторых, я провел госпитализацию с вопиющим нарушением правил, не сдав больную с рук на руки дежурному врачу. Возражения на тему, что больная все же была не брошена и не «скинута», как изволил выразиться главный врач, а поручена заботам медсестры приемного отделения, и что ждать чуть ли не час, пока где-то по больнице отыщут дежурного врача, «скорая помощь» вряд ли должна, тоже отметались в сторону.

— И тоже без обсуждения? — уточнил Данилов.

— Да, — кивнул Клюквин. — А тут еще и сын умершей, вернувшись на другой день с дачи, узнал, как его мать провалялась в приемном, и написал жалобу прямо в Главное управление здравоохранения Московской области. Жаловаться, так с помпой, на самый верх. Удивительно, что не в министерство.

— И чем же все закончилось, Анатолий Николаевич? — Ахметгалиевой не терпелось узнать развязку.

Дело закончилось строгими выговорами по Управлению для меня и заведующего станцией. Захар Геннадьевич вдобавок получил предупреждение о неполном служебном соответствии.

— А врач, дежурившая в тот день в больнице, разве вышла сухой из воды? — не поверил Данилов. — И медсестра, забывшая передать больную, ничего не огребла?

— Представьте себе, — тряхнул седой шевелюрой Клюквин. — Ничего им не было. Совсем ничего.

— Так не бывает. — Ахметгалиева покачала головой. — Получать — так всем скопом. Что-то вы недоговариваете, Анатолий Николаевич...

— Дежурная врач «по совместительству» была тещей главного врача, а «забывчивая» медсестра — женой его то ли двоюродного, то ли троюродного брата, — ответил Клюквин. — Вот такие пирожки.

— И вы не оспаривали...

— Нет, Фаина, не оспаривал. Противно мне было влезать в эти дрызги. Поработал еще несколько месяцев и ушел в анестезиологи, благо подвернулась такая возможность...

— Можно к вам? — спросила ординатор Полосухина, открывая дверь.

— Нужно, — ответил Данилов. — Жду с нетерпением.

— Вот, пожалуйста.

На стол перед Даниловым легла история родов несчастной женщины.

— Можете поговорить с ней, — сказал Данилов в ответ на вопрошающий Нинин

взгляд. — Пришла в себя, показатели стабильные, душевное состояние — сами понимаете... Так что не акцентируйте внимания на ненужном и ведите разговор осторожно.

— Я понимаю, — заверила Нина и вышла из ординаторской.

— Эх, молодежь! — Клюквин поднялся на ноги. — С вами хорошо, а дома лучше. Да и кот мой заждался уже.

Своего кота по имени Черчилль Анатолий Николаевич обожал настолько, что постоянно носил при себе его фотографию и с гордостью демонстрировал ее всем желающим. Данилов, хоть и не был страстным кошатником, не смог удержаться от восторга, увидев фотографию Черчилля. Кот был ухоженным, преисполненным чувства собственного достоинства, что бросалось в глаза даже на фотографии, а размерами своими больше напоминал рысь. Котище, настоящий сказочный Котофей!

Глава двенадцатая ШКОЛА КАК ОНА ЕСТЬ

— Мам, тебя наша классная просила завтра в школу зайти.

Никита не торопясь допивал апельсиновый сок, внимательно следя за тем, какое впечатление произвели его слова.

— Что ты натворил?

— Ничего. — Спокойствие сына показалось Елене притворным. — Почему я обязательно должен что-то натворить?

— Если ты ничего не натворил, то почему меня вызывают в школу?

— А кто сказал, что только тебя?

Подобная манера ведения разговора могла из себя кого угодно, а не только женщину, уставшую на работе от бесконечных вопросов и ответов.

— Никита! — Елена хлопнула ладонью по столу. — Перестань отвечать вопросом на вопрос и объясни нормально, по какому поводу меня вызывают в школу?

Никита поставил опустевший стакан на стол, прижал ладони к вискам и покачал головой. Жест обозначал нечто вроде «ох, как трудно разговаривать со взрослыми». Елена молча ждала ответа, только брови ее сдвигались все ближе. Высказав свое отношение к действительности, сын отнял руки от головы и доложил:

— У нас журнал пропал. Наш классный-распрекрасный журнал исчез.

— Ты к этому причастен?

— Нет, нисколько. Я не брал журнала.

— Честно?

— Ну ма-а-ам... — с укоризной протянул сын. — Я же сказал — не брал.

— Тогда почему вызывают меня?

— Вызывают всех, будет родительское собрание.

— Нет, с тобой говорить — никаких сил не хватит! — возмущилась Елена. — Ну скажи — зачем тебе понадобилось устраивать вечер вопросов и ответов вместо того, чтобы просто сказать: «Завтра у нас родительское собрание по поводу пропавшего журнала»? Разве ты не умеешь связно выражать свои мысли? Как маленький, честное слово!

— Я и есть маленький, — подтвердил Никита. — По ночам гулять нельзя, пиво нельзя, голосовать на выборах нельзя...

— И что же тебя больше всего огорчает?

Елена встала из-за стола и начала складывать в раковину грязную посуду.

— Конечно же то, что нельзя голосовать, — вступил в разговор Данилов. — Какие тут могут быть вопросы.

— Угу, — подтвердил Никита, вылезая из-за стола и занимая стартовую позицию у двери. — Ну, я пойду?

— Подожди! — остановила его мать. — Сначала скажи, во сколько у вас собрание.

— Это у вас, — поправил сын. — Нас не приглашали. В шесть часов.

— Ой, а у нас завтра совещание на Центре, — спохватилась Елена. — Я точно не успею. Еще не факт, что оно вообще к шести закончится...

— Я схожу, — вызвался Данилов. — У меня завтра обычный рабочий день, к шести в школу спокойно успею.

— Вот и хорошо! — обрадовалась Елена.

После того как Никита ушел в свою комнату, она сказала Данилову:

— И стоит ли собирать родительское собрание по поводу пропажи журнала? Заведи новый — да и дело с концом!

— Нет, — возразил Данилов. — Скажу тебе как сын учительницы: пропажа журнала — это чрезвычайное происшествие и геморрой в одном флаконе. Представляешь, какая морочка для учителей его восстанавливать? Все оценки переносить из дневников и листов с контрольными работами обратно в журнал; а прогулы?.. Неизбежно возникают конфликты, ученики начинают доказывать, что у них была пятерка, а не тройка, и вообще...

— Значит, надо наставить всем пятерок! — Невозможно заведовать подстанцией «скорой помощи» без умения идти на компромиссы.

— Тогда журналы начнут пропадать постоянно, — рассмеялся Данилов. — Ну и возмутителен сам факт посягательства на школьную святыню. Он просто вопиет о возмездии, каковое и свершится завтра.

— Я сейчас поговорю с Никитой! — Елена домыла последнюю чашку и стала тщательно, «по-врачебному», вытирать руки полотенцем.

— Не надо, — возразил Данилов. — Он же тебе сказал, что не брал журнала.

— Нет, я чувствую, что он чего-то недоговаривает. — Елена швырнула полотенце на стол и вышла из кухни.

Данилов сварил себе кофе, после недолгого колебания, щедро плеснул в чашку коньяку, сходил в прихожую за свежим номером «Вестника анестезиологии и реаниматологии» и углубился в чтение. Он знакомился с таким интересным вопросом, как сравнительная характеристика анальгетического действия метамизола натрия и парацетамола, когда в кухню вернулась Елена.

— Кажется, он действительно не брал этот проклятый журнал, — доложила она.

— Я это понял еще полчаса тому назад, — хмыкнул Данилов. — Допрос с пристрастием мне не понадобился.

— Вова, ты там, на собрании, держи себя в рамках, — предупредила Елена, усаживаясь напротив, — наша классная руководительница полная дура, но Никите с ней еще не один год дело иметь. Так что, пожалуйста, будь посдержаннее...

— ...не ошпаривай ее кипятком и не бей по лицу. — Данилов закрыл журнал. — Какие еще будут указания?

— Иметь при себе блокнот и ручку, чтобы записать важную информацию.

— Я в мобилу вобью, — пообещал Данилов.

— Собрание в кабинете истории на втором этаже. Я пойду, не буду мешать. — Елена покосилась на журнал, встала и ушла.

Данилов снова раскрыл «Вестник». Научные журналы он прочитывал полностью, от корки до корки. Даже в самой никчемной на первый взгляд статье могло быть что-то полезное.

Явившись утром на работу, Данилов первым делом заручился обещанием Ахметгалиевой «прикрыть» его в случае каких-либо непредвиденных ситуаций.

— Не волнуйся, Вова, — обнадежила Ахметгалиева. — К нам в гости вчера свекровь из Нижнего приехала, так что я не прочь две недели просто пожить на работе.

— Понимаю и сочувствую, — улыбнулся Данилов.

— Что ты понимаешь, — пренебрежительно махнула рукой Ахметгалиева. — Во-первых, у тебя никогда не было и не будет свекрови, а во-вторых, ты, невинная душа, и представить себе не можешь, что творится у меня дома. Для этого надо хотя бы представлять, какой ужасной моральной травмой для нижегородской татарки из приличной

семьи является женитьба ее сына на безродной казанской оторве! Если бы я хотя бы была из Нижнего Новгорода... — выражение лица Ахметгалиевой на несколько секунд стало таким елейным, что Данилов не выдержал и рассмеялся, — то другое дело. Это сплошной Фолкнер — шум и ярость!

Ахметгалиева еще долго бы бушевала, изливая горечь, скопившуюся на душе, если бы ей не надо было идти на операцию.

Данилов давно заметил, что с подстраховкой рабочий день выдается самым обычным, без срывов, потрясений, срочных операций, затянувшихся родов и прочих поводов для задержки на работе. Если же страховать некому — все получается наоборот. Как ни старайся — раньше восьми вечера с работы уйти не получится.

На утренней конференции, после обсуждения всех внутренних дел взяла слово главный врач.

— Очередной скандал, доктора! — оповестила она собравшихся. — На этот раз отличился родильный дом при сто шестьдесят седьмой больнице!

Сидящие в зале заинтересованно умолкли. Сто шестьдесят седьмая больница когда-то считалась образцово-показательной и до сих пор гордилась былой славой.

Правда, Данилов в отношении этой больницы не обольщался после того, как около пяти лет тому назад одному из сослуживцев его матери, учителю физкультуры, там перелили кровь другой группы. Отличившийся врач-реаниматолог не только допустил вопиющую халатность, но и далеко не сразу обратил внимание на ухудшение состояния пациента.

В результате тридцатисемилетний мужчина выжил, но стал инвалидом второй группы. Что было с врачом, Данилов не знал — мать об этом не рассказывала.

Врачебные ошибки бывают разные — за некоторые осуждать нельзя, а за некоторые надо сразу судить. Переливание несовместимой крови относится как раз к тем случаям, когда виновные непременно должны быть наказаны.

— Роженицу, первородящую, со схватками, доставленную по «скорой» в приемное отделение роддома, отправили домой. Повторяю — со схватками! — Ксения Дмитриевна возвысила голос. — После осмотра врача! Та вернулась домой на такси и через час снова вызвала «скорую». Ее доставили в двадцать шестой роддом, где она через три часа родила! Непонятно — то ли на приеме сидел идиот, то ли просто вредитель. В департамент поступило сразу два сигнала — жалоба от мужа роженицы и докладная от руководства «скорой помощи». Можете представить себе, что теперь будет.

— Ничего не будет! — крикнул с места Клюквин.

— Почему? — удивилась главный врач и потребовала: — Обоснуйте, Анатолий Николаевич!

— Потому что главный врач сто шестьдесят седьмой больницы дружит с руководителем нашего департамента! — пояснил Клюквин. — Дадут выговор тому доктору, который на приеме сидел, — вот и все.

Клюквин привык говорить правду, невзирая на лица и ситуации. Если бы на «пятиминутке» присутствовал сам директор столичного Департамента здравоохранения Цельшевский, Клюквин высказался бы куда резче.

Зал оживился и включился в обсуждение; кто-то соглашался с Клюквиным, кто-то — нет.

— Давайте не будем затягивать! — Ксения Дмитриевна постучала по столу, призывая подчиненных к порядку. — Я рассказала вам это не для обсуждения вопроса о том, с кем дружит Цельшевский и с кем он не дружит. Я просто хочу еще раз напомнить всем прописную истину, которая гласит, что лучше десять раз необоснованно госпитализировать, чем один раз необоснованно отказать в госпитализации! Разве я когда-то наказывала кого-нибудь за перестраховку? В нашем деле всегда лучше перестраховаться! Вы меня поняли? Спасибо, все свободны.

Две операции, срочный (и совершенно не по делу) вызов в наблюдательное отделение — вот и день прошел. В четверть пятого Данилов вышел из ворот роддома и зашагал к

остановке. Времени было с избытком — можно даже ненадолго зайти домой.

Дома за уроками скучал Никита.

— Как зовут твою классную руководительницу? — Данилов еще вчера хотел спросить, но потом зачитался своим «Вестником» и забыл.

— Кочерга, — машинально ответил Никита, но тут же поправился: — Валентина Антоновна.

— А фамилия, наверное, Кочергина? — предположил Данилов.

— Кочеринская. И она дура. — Никита снова уткнулся в тетрадку. — Имейте в виду.

— Мне не привыкать общаться с дураками, — заверил его Данилов.

— Так вы же не психиатр.

— Я врач, и этим все сказано. — Данилов ушел в спальню.

Он достал из футляра скрипку, но сразу вернул ее обратно. Не стоит отвлекать ребенка от занятий. Тем более что времени оставалось мало, а обрывать игру Данилов не любил. Лучше было не начинать.

Никита и Елена несколько не преувеличивали, когда называли дурой классную руководительницу Валентину Антоновну. Явный переизбыток макияжа в сочетании с укороченной «по самое никуда юбкой», блестящими колготками и розовыми туфлями, украшенными кокетливыми бантиками, Данилов еще мог списать на отсутствие вкуса. Однако стоило только Валентине Антоновне открыть рот, как сразу становилось ясно, что умом она не блещет.

— Вы настоящий отец Никиты или гражданский? — уточнила Валентина Антоновна, знакомясь с Даниловым.

Данилов с большим трудом удержался от смеха.

— Единственный, — стараясь быть вежливым, ответил он.

По старой школярской привычке он сел за самую заднюю парту, рядом с приветливо улыбнувшейся ему брюнеткой бальзаковского возраста и бальзаковской же комплекции.

— Вы чей папа? — поинтересовалась соседка.

— Никиты Новицкого, — ответил Данилов.

— А я — мама Кристины Галкиной.

— Я тут никого не знаю, — признался Данилов. — Но если уж знакомиться, то лучше по именам. Меня Владимиром зовут.

— А меня Юлией, — снова улыбнулась соседка.

Некоторое время они сидели молча.

— Начинаем! — оповестила классная руководительница. — Уважаемые родители, наше сегодняшнее собрание посвящено пропаже классного журнала. У кого-нибудь есть что сказать?

Около двадцати человек родителей — преимущественно женщины — молчали.

— А что мы должны говорить? — поинтересовалась высокая крашеная блондинка, сидевшая за первой партой в одном ряду с Даниловым. — Мой сын этого журнала в глаза не видел...

— И мой!

— И моя!

— И моя не видела! — зашумели родители.

— Ну, может быть, вы что-то слышали? — предположила классная руководительница.

— А почему вы решили, что журнал взял кто-то из детей? — пробасил плотный мужчина в форме МЧС с майорскими погонами. — Ведь мы даже не знаем, как исчез журнал. Может быть, это вы его куда-то задевали...

— Я не могу никуда «задевать» журнал! — возмутилась классная руководительница.

— Почему? — удивился майор.

— Потому что я педагог!

— Хорошее объяснение, — хмыкнул майор. — Тогда я заявляю, что моя Маша не могла взять журнал, потому что она — дочь офицера. Вопросы будут?

Собравшиеся дружно засмеялись.

— Прошу тишины! — взвизгнула классная руководительница. — Если журнал не будет найден, то отвечать за его пропажу будут те, кто дежурил в тот день — Боброва и Маляр.

— Что?! — Матери названных учеников вскочили на ноги, словно подкинутые невидимой пружиной.

— Что вы себе позволяете?! — воскликнула одна из них. — Почему моя дочь должна отвечать за ваш журнал?!

— Потому что дежурный отвечает за порядок в классе...

— Педагоги отвечают за порядок в классе! — В беседу на повышенных тонах вступила вторая родительница. — Интересно, что по этому поводу думает директор!

— Да что может думать директор?! — фыркнула первая. — Мы найдем правду выше!

— И верно! Развели тут тридцать седьмой год!

— В общем-то они правы, — сказал соседке Данилов.

— Да уж, — согласилась та. — Валентине Антоновне стоило бы думать, прежде чем говорить. Ведь журнал должны приносить и уносить педагоги. У детей своих забот хватает.

Через пять минут дискуссия пошла на спад: Кочерга признала свою неправоту.

Данилов решил, что на этом собрание закончится, но ошибся. Классная руководительница завела долгую песнь о дисциплине в классе, перечисляя нарушения, допущенные каждым из учеников. Данилов узнал, что Никита с приятелем пытались взорвать петарду на школьном дворе, но были замечены охранником, ввиду чего взрыв так и не состоялся.

— Валентина Антоновна преподает историю? — спросил Данилов у соседки, разглядывая учебные пособия, развешанные по стенам.

— Нет, английский, — ничуть не удивившись вопросу, ответила та. — Ее кабинет вечерами занят — там факультатив, поэтому мы собираемся — где придется. А с предметом у нее интересно вышло. Вообще-то наша красавица преподавала ритмику, но потом переквалифицировалась в англичанку.

— Разве так можно? — удивился Данилов.

— Почему нет? — Соседка указала взглядом на классную руководительницу. — Доказательство перед вами. Надо сказать, что она поступила весьма разумно, ведь преподавать английский куда прибыльнее, чем ритмику. А вы сами не педагог?

— Разве похож? — Данилов никогда не думал, что его можно принять за учителя. — Нет, я врач.

— Ой, как здорово! — привычно восхитилась соседка и сразу же задала традиционный вопрос: — А какой вы врач?

— Хороший, — привычно отшутился Данилов. — Я анестезиолог.

Сообщать, где именно работает, он не стал, да соседка и не поинтересовалась, моментально утратив интерес к профессии Данилова.

Анестезиолог — непопулярная в народе специальность. Лечить не лечит, консультировать не консультирует, только наркоз дает. Какой-то неполноценный врач.

— А я тоже имею некоторое отношение к медицине, — сказала соседка. — Правда, очень далекое — работаю в фонде омэс главным специалистом. Канцелярская крыса. У вас, Владимир, случайно нет знакомого хорошего кардиолога? Мне бы мужа показать.

— Увы, нет, — покачал головой Данилов.

— Жаль, — вздохнула соседка и больше его не расспрашивала.

Данилов зарекся отправлять кого-либо на консультации к знакомым врачам после одного случая. Лет пять назад к нему обратилась соседка. Девушку внезапно начало регулярно тошнить, и ей захотелось провериться у толкового врача. Данилов направил ее к своему бывшему однокурснику Толику Гусеву, работавшему в консультативно-диагностическом центре при сто пятнадцатой больнице. Позвонил, договорился и предупредил, что не постороннего человека отправляет, а хорошую знакомую, чуть ли не родственницу.

— Все понял, — заверил Толик. — Пусть приходит. Сделаю все, что смогу, все будет в лучшем виде.

Толик подробно расспросил и осмотрел соседку, после чего составил ей чудесный план обследования, включавший консультации у восьми врачей разного профиля, кучу анализов, рентгенологическое и ультразвуковое исследования, кардиограмму и энцефалограмму. Все — «неофициально платно», причем по самым заоблачным расценкам. Сам Толик за осмотр, беседу и составление обследования, точнее, плана раскрутки клиента на деньги, взял пятьдесят долларов — работал ведь, старался.

Несколько ошарашенная соседка пришла вечером к Данилову и ударилась в слезы. Бедняжка решила, что Толик заподозрил у нее что-то очень серьезное и оттого собрался столь детально обследовать.

— Не реви, — попросил Данилов. — Нет у тебя ничего страшного. Лично я склонен думать, что или ты беременна, или у тебя небольшой гастрит.

— Странно, — удивилась соседка. — А Анатолий Николаевич про гинеколога ничего не говорил...

«Ясное дело, — подумал Данилов. — Решил сначала пациентку хорошенько растряссти, а потом, в конце, «обнаружить» у нее беременность. Это ведь гораздо выгоднее, чем сразу к гинекологу отправить. Ну Толик, ну жучила!» Данилов был шокирован таким нечистоплотным поведением не просто коллеги, а заранее предупрежденного приятеля.

Чувствуя себя виноватым в произошедшем, Данилов устроил соседке консультацию в центральной клинической больнице гражданской авиации, где у него работал другой однокурсник. Как он и предполагал, соседка оказалась беременной.

Толик нахально позвонил Данилову через несколько дней и поинтересовался, куда делась его соседка. Данилов, не выбирая выражений, высказал Толику все, что о нем думал, и с тех пор взял себе за правило никого ни к кому на консультации не отправлять. Разве что в особых случаях и к достойным, проверенным людям.

— Как собрание? — поинтересовалась Елена, едва Данилов вошел в квартиру.

— Нормально, — ответил Данилов, расстегивая куртку. — Классная и вправду дура, а журнал так и не нашли.

— А меня ругали? — высунулся в коридор Никита.

— Тебя — нет, — соврал Данилов.

— Врешь, наверное, — усомнилась Елена. — Чтобы наша Валентина Антоновна кого-то да не покритиковала!..

— Может быть, я прослушал. — Данилов прошел в ванную и начал мыть руки.

— А меня сегодня хвалили! — сообщила Елена, когда он пришел в кухню. — Есть будешь?

— Пару бутербродов с сыром. — Данилов взял нож и в два счета соорудил себе ужин. — Так за что тебя хвалили?

— За показатели и отсутствие жалоб.

— Быть тебе директором региональной зоны! — предсказал Данилов, надкусывая первый бутерброд.

— Не зоны, а объединения! — поправила Елена. — Учись говорить правильно.

— Слышала бы моя мама, как ее любимого сына учат русскому языку, — притворно вздохнул Данилов. — Слушай, Лен, а может, Никиту к матери в лицей перевести?

— Тебе так не понравилась школа? — Елена выложила в тарелку салат из морской капусты и выжала на него половинку лимона.

— Не понравилась, — подтвердил Данилов. — Но я действительно вел себя хорошо. Никому не нагрубил. Кстати, Лен, а я Никите знаешь кто? Гражданский отец!

— Логично, — одобрила Елена. — Ты же — гражданин. Это тебя Валентина так обозвала?

— Она спросила, какой я отец Никите — настоящий или гражданский.

На громкий смех Елены прибежал Никита.

— Анекдоты рассказываете?

— Нет, о работе разговариваем, — ответила сквозь смех Елена.

— А вот я, если бы был врачом, не стал бы работать ни на «скорой», ни в роддоме, — ни с того ни с сего заявил Никита.

От удивления Елена перестала смеяться.

— Почему? — спросила она.

— Это очень тяжелые и финансово невыгодные работы, — серьезно и, как показалось Данилову, чуточку снисходительно пояснил Никита. — Далекое не самый лучший выбор для врача...

— А какой он — самый лучший выбор? — заинтересовался Данилов.

— Пластическая хирургия. Вон Тауб пока работал пластическим хирургом, зарабатывал куда больше, чем у Хауса...

— Ты смотришь «Доктора Хауса»? — Глаза Елены сделались круглыми. — Разве я тебе разрешила?..

— Но ты и не запрещала, — пожал плечами Никита. — А потом, там нет ничего такого...

— И тебе это интересно?

— Конечно, мам, мне же хочется побольше узнать о вашей работе.

— По «Хаусу»?

— Ну не по «Интернам» же! — поморщился Никита. — А что вы улыбаетесь? Разве я не прав?

— Прав, — подтвердил Данилов. — Я и сам подумывал о пластической хирургии пока не познакомился с твоей мамой.

— Какая связь между мной и мыслями о пластической хирургии?

— Я понял, что столь совершенную красоту мне создать никогда не удастся, и пошел в анестезиологи.

— Ну, Данилов... — Елена развела руками. — Умеешь ведь порадовать, когда хочешь. Такого комплимента я еще не слышала...

— Так мне можно продолжать смотреть «Доктора Хауса»? — Никита поспешил воспользоваться душевным состоянием матери в корыстных целях.

— Можно. — Елена махнула рукой. — Раз уж смотришь, то лучше делай это с моего ведома.

Обрадованный ребенок поспешил исчезнуть, пока она не передумала.

Данилов подумал о том, что при встрече надо будет обязательно рассказать матери о родительском собрании. Хотя бы потому, что раньше ему никогда не доводилось бывать на подобных мероприятиях. Интересно, что скажет мать? Заодно можно будет и затронуть вопрос с Никитиным переводом...

— Я не хочу никуда переводить Никиту, — словно прочитав его мысли, сказала Елена, возвращаясь к своей морской капусте. — Здесь уже все нам знакомо, а как будет там — это еще бабушка надвое сказала. Да и зачем нам со Светланой Викторовной лишние повод для трений?

— А почему Никита должен стать поводом для трений?

— У моего сына далеко не идеальный характер. Кому, как не мне, это знать. Вдруг он не сумеет оправдать оказанного ему высокого доверия? Нет уж — пусть лучше учится, где учился. Кстати, ты заметил, что ребенок просто счастлив оттого, что ты сходил в школу?

— Не заметил, — честно признался Данилов. — Да и что тут такого?

— Не скажи, — покачала головой Елена. — Ему очень приятно, что ты принимаешь участие в его делах. Да и мне тоже... Спасибо, Вовка.

— Если бы у меня в кармане лежал белый крахмаленный платок, я бы сейчас прослезился, — ответил Данилов. — Больно уж трогательно все это.

— Я прослежу за тем, чтобы ты не испытывал недостатка в белых крахмаленных платках, — пообещала Елена.

— Не смей! — притворно ужаснулся Данилов. — Тогда я превращусь в слезливого меланхолического идиота... Давай лучше коньяку выпьем.

Давай, — согласилась Елена. — Под шоколадку. Отметим первое в твоей жизни родительское собрание!

— А что — мне понравилось. — Данилов достал из одного шкафа бутылку, из другого — рюмки, поставил их на стол и открыл дверцу третьего шкафа, в котором должны были лежать плитки с шоколадом. — А шоколад-то тю-тю, испарился.

— Главное, что коньяк не испарился. — Елена взяла из вазы, стоявшей на подоконнике, яблоко и улыбнулась.

— Чему ты улыбаешься?

— Вспомнилось из Довлатова: «Как обычно, не хватило спиртного, и как всегда, я предвидел это заранее. А вот с закуской проблем не было. Да и быть не могло. Какие могут быть проблемы, если Севастьянову удавалось разрезать обыкновенное яблоко на шестьдесят четыре дольки».

— Ну у тебя и память! — восхитился Данилов.

— Учеба в медицинском институте хорошо тренирует. А потом, я мало что помню наизусть. Разве что самое-самое...

— Про выпивку и закуску, — покивал Данилов, разливая коньяк по рюмкам. — Только на шестьдесят четыре части не режь, и четырех хватит. Это все же фрукт, а не сырокопченая колбаса...

Ночью Данилову приснилась классная руководительница Никиты. Валентина Антоновна лежала в родовом зале, а по бокам от нее стояли двое мужчин в белых халатах.

— Знакомьтесь, доктор, — сказала она Данилову. — Вот это — биологический отец моего ребенка, а это — гражданский. Они оба будут присутствовать на родах и следить за тем, чтобы вы не напоролы косяков.

— Я косяки не порю, — вежливо ответил Данилов. — Я провожу обезболивание.

— А нам можно? — хором спросили отцы.

— Когда будете рожать — непременно! — ответил Данилов и проснулся.

На часах было семь минут шестого.

«Пока заснешь — уже вставать пора», — решил Данилов..

Он осторожно, чтобы не разбудить чутко спящую Елену, он встал и прошел в ванную. В кои-то веки можно было побриться не в привычной спешке, а с чувством, толком и расстановкой.

Глава тринадцатая ДИАГНОСТИКА КАРМЫ

Бывают хорошие дни. С утра просыпаешься бодрый, готовый к подвигам. Выходишь из дома и замираешь от наслаждения, вдыхая загазованный воздух мегаполиса. В нем внезапно проявляются нотки лесной свежести и запах луговых трав.

В такие дни автобусы, троллейбусы и трамваи распахивают свои двери не как обычно, а гостеприимно. Их салоны полупусты, а все пассажиры ведут себя деликатно, не толкаясь и не наступая на ноги соседям. И в метро нет привычной толпы перед эскалатором.

Весь «лежачий» состав блока реанимации поутру находится в стабильном состоянии средней тяжести — всех дам пора переводить в отделения. На утренней конференции главный врач больше хвалит своих подчиненных, чем ругает, а под конец сообщает поистине радостную весть о внеочередной премии. Заведующий отделением, составляя график дежурств, особенно интересуется твоим мнением, а роженица, которой по экстренным показаниям назначается кесарево сечение, не имеет в анамнезе ничего грозящего осложнениями. Вдобавок она позитивистка-оптимистка и говорит:

— Не волнуйтесь, доктор. Я вас не подведу. Все будет хорошо. У меня хорошая карма, поэтому со мной не может случиться ничего плохого...

— Разумеется, — ответил Данилов, чувствуя, как в глубине души, где-то на краю сознания, прозвенел тревожный звоночек.

Каждый опытный врач знает: если все вдруг идет необычно гладко, то это не означает, что жизнь наконец-то наладилась. Просто провидение решило поразвлечься. Оно не стало равномерно распределять неприятности, а приберегло их до особого случая, чтобы выдать разом.

— А откуда вы знаете, что у вас хорошая карма? У вас есть медицинская справка? — пошутил Данилов.

— Я проходила диагностику, — серьезно ответила женщина. — Сразу же, как только узнала, что беременна.

Данилов еще раз уточнил анамнез, повторно осмотрел пациентку и обсудил план действий с Юртаевой, которая должна была делать операцию. Вялотекущая родовая деятельность, не усилившаяся несмотря на все принятые меры, — прямое показание к экстренному кесареву сечению. Правда, здесь нет такой срочности, как при угрозе разрыва матки, поэтому можно обойтись местным обезболиванием — время позволяет дожидаться, пока подействуют препараты, введенные при эпидуральной или спинальной пункциях.

Спинальная и эпидуральная анестезия как разновидности местного обезболивания очень схожи между собой. Выполняются они одним и тем же способом, только при спинальной анестезии игла проходит еще через одну оболочку и обезболивающий препарат вводится в жидкость, омывающую спинной мозг. Одна инъекция, постоянных катетеров здесь быть не может. Полное обезболивание в этом случае приходит раньше, и уже через десять минут можно начинать операцию.

Измерив артериальное давление, Данилов быстро установил подключичный катетер. Медсестра Ира тут же наладила капельницу с физиологическим раствором.

Спинальная пункция прошла без осложнений. Данилов пунктировал в своем излюбленном месте — между третьим и четвертым поясничными позвонками. Не торопясь, плавно ввел лидокаин в смеси с адреналином, сразу же извлек иглу, наложил на место пункции стерильный марлевый «квадрат» и крест-накрест закрепил его лейкопластырем. Готово, осталось дожидаться результата.

— Может болеть голова, а после вы можете почувствовать озноб, — предупредил Данилов. — Это в порядке вещей.

— Я смогу наблюдать за ходом операции?

— В какой-то мере — да. Во всяком случае, ребенка вы увидите сразу же.

— Прекрасно. — Роженица нашла в себе силы для того, чтобы улыбнуться хорошей, искренней улыбкой.

— Во время операции вы будете дышать кислородом через маску, но это не мешает нам общаться в случае необходимости. Если что-то не так — говорите. Мы будем рядом. Поехали в операционную.

Пока роженицу готовили к операции — перекладывали, пристегивали к столу широкими эластичными ремнями, обували в стерильные бахилы, окружали стерильными салфетками операционное поле и обрабатывали кожу, Ира подключила ее к монитору. Данилов снова измерил артериальное давление (оно могло упасть из-за спинальной анестезии), поколот иглой голени и ступни пациентки, чтобы убедиться, что она уже ничего не чувствует, и разрешил начинать.

Во время операции пациентка вела себя хорошо — давления не роняла, ненужной активности не проявляла, сюрпризов не устраивала. Ребенок, крупный мальчик, оказался совершенно нормальным, бойким крикуном.

— Вот и все! — известила Юртаева, завязывая последний шов на коже живота. — Татьяна, вы меня слышите?

— Слышу, — ответила пациентка, с лица которой Данилов только что снял маску.

— Отрожалась мы с вами. — Настроение у Юртаевой было отличным. — До завтра полежите в реанимации, а затем вас переведут в отделение.

Череп Данилова словно пронзили раскаленным прутом. Боль была настолько сильной, что лоб мгновенно покрылся испариной. Захотелось подышать закисью азота — его таблетки остались в сумке, висевшей на спинке стула в ординаторской, — но Данилов безжалостно подавил это желание. Не хватало еще, чтобы его вдобавок ко всем грехам записали в наркоманы.

— Лариса, наложи повязку, — попросила Юртаева ассистировавшую ей ординатора.

— Хорошо, Елена Ивановна.

— С описанием поспеши, чтобы Владимир Александрович на нас не ругался.

Улыбка Юртаевой была видна даже под маской. Она отошла от стола и направилась к выходу из операционной. Лариса при помощи стерильного металлического шпателя намазала живот пациентки специальным медицинским клеем и хотела было наложить сверху марлевую повязку, но не успела.

Кожа пациентки — везде: на лице, на руках, на ногах, на пока еще обложенном салфетками участке живота, — вмиг покрылась большими красными пятнами. Женщина закатила глаза, захрипела и обмякла. Монитор показал запредельное падение пульса и снижение частоты дыхательных движений.

Данилов схватился за грушу тонометра. Так и есть — артериальное давление, которое всю дорогу вело себя наилучшим образом, обрушилось до шестидесяти на двадцать.

Дыхание пациентки стало редким и хриплым. По безвольному телу прошли судороги. Одна, вторая, третья...

— Ноги задерите! — гаркнул Данилов на всю операционную.

Ординатор Лариса тотчас же обеими руками схватилась за ноги пациентки и задрала их вверх. Операционная сестра изменила наклон ножного конца кровати, максимально приподняв его. Как только руки Ларисы освободились, она, правильно оценив ситуацию, стала удалять только что нанесенный клей при помощи смоченных спиртом тампонов.

На крик Данилова в операционную вернулась Елена Ивановна, еще не успевшая размыться. Она тут же бросилась помогать Ире — вскрывать ампулы и набирать растворы в шприцы. Почти все препараты, вводимые внутривенно, следует разбавлять дистиллированной водой или физиологическим раствором. А это время, драгоценное время. Хорошо хоть, что установлен подключичный катетер с капельницей. Ира без лишних действий втыкает очередную иглу прямо в резиновую трубочку у самого конца системы для капельного введения, поближе к катетеру.

Анафилактический шок во всей своей красе — это билет на тот свет. Мягкий или плацкартный — это уж кому как повезет. Некоторым везет — они уходят без мучений, потеряв сознание в самом начале. Другие, у которых молниеносно развивается отек гортани, мучительно задыхаются.

Но больше всего везет тем, рядом с кем в этот миг окатывается хороший врач, оснащенный всем необходимым для оказания помощи. Таким удается остаться в живых.

— Кубик адреналина в вену! Два в капельницу! Шестидесять преднизолона в вену!..

Отдавая распоряжения, Данилов схватил лежащий под рукой ларингоскоп (предусмотрительность похвальна для любого врача, а уж для анестезиолога — вдвойне). Правая рука потянула вниз отвисшую нижнюю челюсть умирающей, а левая засунула ей в рот ларингоскоп. Продвинув трубку вперед, в трахею, Данилов, экономя время, не стал фиксировать ее раздуванием манжетки, решив сделать это потом, когда пациентка стабилизируется. Сейчас важнее подключить аппарат искусственной вентиляции легких...

Теперь за дыхание можно не беспокоиться. Данилов перемерил давление. Восемьдесят на тридцать. Пульс не прощупывается, число сердечных сокращений — сорок два.

— Еще шестидесять преднизолона!

Чувствуя, что одной «аллеи» будет мало, Данилов установил на правой руке пациентки катетер в локтевом сгибе. Лечить «в два ручья» куда результативней.

— Два куба пипольфена внутривенно!..

Прошло не меньше полутора часов, пока пациентка стабилизировалась настолько, что

Данилов решил перевезти ее в блок реанимации. Ларису отправили вперед держать лифт. Елена Ивановна с Ирой везли каталку, на которой лежала пациентка, а Данилов шел рядом. Голова у него уже не болела: видимо, боль обиделась, что на нее не обращают внимания, и исчезла. В правой руке он нес увесистый чемодан с реанимационной укладкой.

Полный реанимационный набор — это ручной аппарат искусственной вентиляции легких (нечто вроде саморасправляющегося резинового мешка); три надувные резиновые дыхательные маски (одна — для взрослых, одна — для подростков и детей старше одного года и одна — для детей до года); механический отсос для удаления рвоты изо рта, и к нему — стерильные аспирационные катетеры разного калибра; две коробки с ампулами, которые хранятся в ячейках, чтобы не разбились; трубки-воздуховоды; металлический ларингоскоп с двумя клинками разного размера («взрослым» и «детским»); зажим для носа, щипцы большие и малые; особый клин, предназначенный для того, чтобы пациент не перекусил вставленный ему в рот воздуховод; фонарик для контроля зрачка; набор одноразовых эндотрахеальных трубок (разных размеров, с манжетой и без); лейкопластырь; несколько одноразовых шприцев; инфузионная система — для внутривенного капельного введения препаратов; ножницы, перевязочные материалы и резиновый жгут. При помощи жгута можно не только делать внутривенные инъекции, но и останавливать кровотечение, пережимая им поврежденные артерии выше места повреждения.

Флакон с адреналином, подсоединенный к подключичному катетеру, был укреплен на специальном штативе на каталке. Пациентка спала. Спала, а не умирала. Самое страшное было позади, но хлопот еще предстояло множество.

В реанимации Данилов подключил женщину к монитору, измерил давление, отметил, что пятна на коже уменьшились, и сказал:

— Ира, капельницу можно снять. Два куба пипольфена внутримышечно, и пусть пока спит. Локтевой катетер не удаляйте.

— Трубку сейчас снимать будете, Владимир Александрович?

— Потом, когда проснется, — ответил Данилов.

Он подошел к Юртаевой, ждавшей его у входа в блок.

— Вроде ничего, Елена Ивановна, жить будет.

— Слава богу, — вздохнула Юртаева. — Кто бы мог подумать?! Никогда в жизни не видела анафилактического шока от клея!

— Я тоже, — ответил Данилов и предложил: — Может, историю у нас в ординаторской заполните?

— Лучше я у себя, чтобы никому не мешать. Владимир Александрович, а вас можно попросить спуститься со мной к мужу нашей воскресшей? А то я одна боюсь.

— Проблемный субъект? — спросил Данилов.

— Брутальный хам, — поморщилась Юртаева. — Как ни странно — сотрудник окружного Департамента образования.

— Обожаю общаться с брутальными хамами, — хмыкнул Данилов. — Конечно, спущусь. Только подождите меня секундочку.

Данилов заглянул в ординаторскую, попросил сидевшего там Клюквина присмотреть за его больной и, поскольку головная боль снова зашевелилась, проглотил таблетку обезболивающего.

— Пойдемте, Елена Ивановна. Про клей говорить будете?

— Буду, — вздохнула Юртаева, — чего скрывать? Только не стану вдаваться в подробности. Подождем, чем все закончится.

Муж пациентки ждал их в холле перед приемным отделением, меряя его шагами то по периметру, то по диагонали. Серый костюм, серый галстук, серые, недружелюбные, глаза, глубокие залысины.

— Ну что там? — едва завидев Юртаеву, спросил он.

Голос его был сух и резок.

— У вас мальчик, прекрасный здоровый ребенок, — улыбнулась Юртаева. — Три

восемьсот пятьдесят вес, рост пятьдесят три сантиметра.

— А что с женой?

«И впрямь brutальный хам, — подумал Данилов. — Можно подумать, что мы ему чем-то обязаны».

— Ей пришлось срочно сделать кесарево сечение...

— Что? — Поросычьи глазки молодого отца округлились. — Вы о моей жене говорите?

О Барановой Татьяне?

— Да, да, о вашей, — подтвердила Юртаева. — Из-за слабости родовой деятельности нам пришлось сделать кесарево сечение...

— А почему вы не спросили меня? — воскликнул муж.

— Давайте отойдем в сторонку, — предложил Данилов.

Из центра холла, где они стояли, словно на сцене, все трое переместились в дальний от входа угол.

— Я задал вам вопрос!

— Вы зря так волнуетесь. — Юртаева пыталась купировать агрессивность собеседника собственным дружелюбием. — С вашей женой...

— Я. Спросил. Не. О. Жене. — Чеканя слова, мужчина для большей наглядности потрясал в воздухе пальцем. — Я. Спросил. Почему. Вы. Посмели. Обойтись. Без. Моего. Согласия?

— Ваше согласие не потребовалось, потому что информированное согласие на операцию дала ваша жена. — Юртаева посуровела. — Если желаете, я могу его предъявить. И не надо разговаривать со мной в подобном тоне!

— Я разговариваю с вами так, как вы того заслуживаете! — взвизгнул Баранов, брызгая слюной из перекошенного яростью рта. — Накачали беременную женщину наркотиками, заставили ее подписать какую-то сраную бумагу и думаете, что вам это сойдет с рук? Вот, выкусите!

К лицам врачей взметнулся кукиш.

Данилову захотелось оттащить мужика в туалет и несколько раз ткнуть головой в ведро с теми самыми бумагами. Желание, конечно, заведомо несбыточное, но отчего бы не помечтать?

— Но зачем нам делать ненужную операцию? — Елена Ивановна. — Где логика?

— Где ваша совесть? Вот в чем вопрос! — «Гамлет, подлинный Гамлет», — восхитился Данилов, наблюдая за беснующимся придурком. — Сделали кесарево и не знаете зачем? Может, вы еще не знаете — кому вы его сделали? Хороши доктора, ничего не скажешь!

— Я хотела сказать — зачем нам делать кесарево без показаний? — возмутилась Юртаева.

— Как это зачем?!

Данилов отступил на шаг, чтобы до него не долетали брызги слюны. В висках, несмотря на принятую таблетку, запульсировала боль. Данилов повертел головой, надеясь, что это поможет. Перехватив настороженный взгляд охранника, сидевшего у входа, Данилов махнул ему рукой: сиди, мол, сами разберемся. Охранник кивнул, но взгляда не отвел.

— Я-то знаю, зачем вы всех тащите на операционный стол! Вам лень подолгу вести роды! Куда проще выпотрошить женщину как курицу, не заботясь о последствиях! Потрошители, б...!

Данилову было знакомо это расхожее мнение, часто обсуждаемое на форумах в Сети. Сравнивая разницу во времени и не обращая внимания на все прочие факторы (да и кому, кроме врачей, они нужны?), нетрудно было решить, что ленивым докторам и впрямь проще «потрошить», нежели часами торчать около роженицы и ждать, когда она родит. О том, что для каждой операции существуют свои показания, о том, что с послеоперационной болью возиться приходится куда больше, чем с родившей самостоятельно, люди, далекие от медицины, даже и не догадываются.

— Я работаю в окружном управлении образования, но связи у меня есть везде! И какая

бы мохнатая лапа ни прикрывала ваши задницы, я смогу сделать так, что вас в Москве и санитарями никуда не возьмут! Уроды!

В глазах Юртаевой заблестели слезы.

— Идите к себе, Елена Ивановна. — Данилов оттеснил ее плечом и встал прямо перед хамом, совершенно случайно наступив ему на ногу.

— Вы чего это?.. — выдернуть ногу оказалось не так уж и просто, но мужчине все же удалось это сделать.

— Это вы чего! — Данилов прищурился и склонил голову набок, словно наблюдая редкое экзотическое явление. — Устроили дебош в родильном доме, материтесь. Думаю, что этот факт может сказаться не самым лучшим образом на вашей карьере. Знаете, как это бывает — недоброжелатели раздуют историю до небес...

— Кого ты пугаешь, козел! — Собеседник попытался оттолкнуть Данилова и вырваться на свободу, но доктор коротко, без размаха, ткнул его указательным пальцем под верхнюю пуговицу пиджака. Ткнул резко, впечатляюще. Вообще-то Данилову хотелось взять оппонента за шкуру и пару раз приложить лицом об стену. Или даже не два, а пять раз, больше — бить, пока не схлынет злость.

— Я, конечно, доктор и клялся в том, что никому не стану причинять вреда, поэтому меня незачем бояться, — миролюбиво продолжил Данилов, глядя прямо в глаза собеседника, пытающегося восстановить обычный ритм дыхания. — Но если ты, козел помойный, посмотришь на вход, то там ты увидишь охранника. Видишь, как он смотрит на нас? Знаешь почему? Ему хочется проявить власть и силу. Выбросить тебя отсюда со сплюсненным носом, надорванным ухом и парочкой сломанных пальцев. Ему можно, он не врач, а охранник вдобавок еще и контуженный. А еще он садист. Так что если не хочешь неприятностей прямо здесь и сейчас, то сдуйся и в следующий раз будь повежливее.

Охранник Саша был очень миролюбивым человеком, сорокалетним инженером из Липецка, которого обстоятельства вынудили работать охранником в Москве. Он разве что карандаш мог бы сломать.

— Я бы попросил...

— Попросил — это уже хорошо. Это — вежливо, — похвалил Данилов. — Адекватному человеку многое можно разъяснить, а неадекватные в дополнительной информации обычно не нуждаются.

Они с минуту помолчали, внимательно разглядывая друг друга.

— А как моя жена? — почти вежливо спросил мужчина.

Столь резкая перемена в поведении собеседника совершенно не удивила Данилова. Он с детства усвоил, что, получив отпор, подавляющее большинство хамов теряет свою напористость.

— Ваша жена в порядке. Она находится в реанимации, куда переводят всех рожениц из операционного блока. У нее была довольно сильная аллергическая реакция на медицинский клей, но нам удалось ее снять. Реакцию. Сейчас ваша жена спит. Вы можете уходить.

— А что ей можно передать?

— Негазированную воду, нежирный куриный бульон, картофельное пюре на воде. Справа на стене висит список... Но вообще-то у нас неплохо кормят. Все, было очень приятно познакомиться, но теперь я должен идти — меня ждет работа. Успехов!

Для порядка Данилов наступил хаму на вторую ногу, но не так, как на первую, а совсем легонько, для острастки, после чего повернулся и неторопливо пошел прочь. По звукам за спиной он понял, что оппонент двинулся к выходу.

В коридоре приемного отделения Данилов столкнулся с Юртаевой, выходящей из санитарной комнаты. Холодная вода помогла — по лицу Елены Ивановны нельзя было сказать, что она плакала.

— Где он?

— Ушел восвояси, Елена Ивановна. Я сам рассказал ему о клее, заменив анафилактический шок на аллергическую реакцию. Он ничего не сказал. Все нормально.

Пойдемте работать.

Они направились к лифту.

— Хорошо, что я пригласила вас с собой. — Юртаева нажала на кнопку вызова лифта.
— Иначе... Спасибо, Владимир Александрович.

— Не за что. В конце концов, я столько провозился с этой дамой, что имел полное право на краткую и содержательную беседу с ее мужем.

— Как подумаю, что мне завтра с ним общаться... — погрустнела Юртаева, входя в лифт.

— Все будет нормально, Елена Ивановна. В крайнем случае пригрозите, что сообщите в окружное управление образования о его поведении.

— Это подействует? — Юртаева недоверчиво посмотрела на Данилова.

«А она красивая, — подумал Данилов. — Как я раньше не замечал? Одни зеленые глаза чего стоят. Правда, нос слегка вздернут, но от этого лицо приобретает особый шарм. Особенно когда под этим носом такие чувственные губы».

В оценке женской красоты Данилов был сильно пристрастен. Почти всех женщин, которые были ему симпатичны, он считал красивыми. И наоборот — автоматически причислял всех стерв к уродинам.

Глава четырнадцатая ШКОЛА ЗЛОСЛОВИЯ

— Лет десять назад московские врачи официально зарабатывали куда меньше водителей московских автобусов. Как-то раз один из докторов высказал свое недовольство разницей в зарплатах водителю автобуса, вторые сутки лежавшему в нашей реанимации с нестабильной стенокардией. А тот ему ответил: «Дело в том, доктор, что если мы тут все к утру сохнем, вам ничего не будет. Отпишетесь, и все! А мне за одного-единственного человека, попавшего под колеса моего автобуса, придется в тюрьму садиться. Риски у нас с вами разные, потому и зарплата тоже разная».

Громко смеяться над своими же бородатыми байками — отличительная черта доктора Сахарова. Смеется он обычно в одиночестве, но зато громко и заразительно.

Сахарову нравится считать себя всесторонне развитой личностью, которая на голову выше всех окружающих. Он играет на гитаре, поет, пишет стихи. Сахаров сведущ в гомеопатии и иглоукалывании. На заре туманной юности он недолго проработал директором одного из многочисленных центров восточной медицины. Владельцу центра хватило двух месяцев для того, чтобы понять свою ошибку и выгнать Сахарова.

Сахаров ушел в блок кардиореанимации шестьдесят пятой больницы, где со второго дежурства начал конфликтовать с другими врачами. Доктор Сахаров очень страдал от того, что его труд не оценивался государством по достоинству, и пытался своими силами всячески компенсировать недостающее. За счет пациентов, разумеется. Реанимация — это не обычное отделение, где люди лежат неделями и с каждым пациентом врач может раз десять встретиться и рассказать, что докторам очень мало платят. В реанимации больной лежит считанные дни, а затем переводится в отделение. В худшем случае — в патологоанатомическое. Очень трудно доказать пациенту, лежащему в реанимации, и его родственникам, что ты — не просто очень хороший, а самый лучший доктор, заслуживающий дополнительной материальной стимуляции. К тому же в отделении от поступления до выписки пациента ведет один врач, а в реанимации врачи ежедневно сменяются. Дополнительная сложность с точки зрения «ментальной обработки» пациентов.

Но как говорится, умный человек всегда и везде отыщет возможность, а дурак попросту полезет напролом. Сахаров выбрал второй путь. Заступая на дежурство, он начинал громко возмущаться тем лечением, которое проводилось пациентам в предыдущие сутки, и вносил свои изменения, очень важные и нужные. Иначе говоря, давал понять пациентам, что он о них заботится и готов принять благодарность. Разумеется, изменения, вносимые доктором

Сахаровым, были не особенно важными. У Ростислава Юрьевича, так звучно звали Сахарова, хватало ума не отменять жизненно важных препаратов и не экспериментировать с их дозировками. Изощрялся он только со второстепенными препаратами.

Многие пациенты ему верили. Сахаров выглядел представительно — лысина, очки, животик, говорил медленно, веско, пересыпая свою речь медицинскими терминами.

Однако на коллег и администрацию весь этот цирк не подействовал. Ростислава Юрьевича несколько раз предупредили о недопустимости подобного поведения, а когда убедились, что предупреждений он не понимает, предложили тихо и мирно убираться на все четыре стороны. По собственному желанию.

Сахаров отказался и продолжал гнуть свою линию. Тогда коллеги при полном одобрении администрации устроили ему парочку неприятностей, на которые главный врач реагировал объявлением строгого выговора с занесением в личное дело. Лишь грядущая угроза позорного увольнения по статье вынудила Сахарова подыскать другую работу. Сменив около десятка мест, Сахаров в итоге осел под крылом у Вознесенского, с которым когда-то вместе учился. Факт совместной учебы с шефом давал Ростиславу Юрьевичу возможность чувствовать себя немного выше остальных врачей отделения анестезиологии и реанимации. Коллеги не возражали — они откровенно потешались над Сахаровым. Без шута в коллективе скучно.

Вот и сейчас Ахметгалиева оторвалась от писанины, украдкой подмигнула Данилову и попросила:

— Славик, почитай нам что-нибудь из своего наследия.

— Почему бы и нет? — надулся Сахаров.

Он вышел из-за стола, подошел к окну, снял колпак, пригладил остатки волос (в юности, по уверениям самого Сахарова, на его голове были «заросли кудрей роскошных») и начал:

— Мой океан шумит, гонимый ветром времени.
Он что-то шепчет мне, лукавый друг и враг.
Изнемогаю я от жизненного бремени,
Но знаю я одно — со мной мой океан...

При этом он потешно размахивал колпаком, зажатым в правой руке.

Данилов был вынужден закусить губу, чтобы не рассмеяться. Декламации Сахарова он еще не слышал. Ахметгалиева, то ли уже привыкшая, то ли обладавшая большей выдержкой, слушала Сахарова с серьезным, даже, можно сказать, вдумчивым видом.

— Пусть спряталась луна, Мне до нее нет дела.
Пусть рукоплещет мне лишь плеск морской волны,
Со мной мой океан, и сказано все этим.
Со мной моя судьба — неразделимы мы.

— Bravo! — изобразила восторг Ахметгалиева, негромко аплодируя. — Это же песня, а не стихи!

— Это стихи, Фаина, — скромно поправил ее Сахаров.

Надев колпак, он вернулся на свое место и выжидающе посмотрел на Данилова, явно ожидая похвалы.

— Я одного не понял, — сдерживая улыбку, сказал Данилов. — Если стихотворение про океан, то почему волна морская?

— Занудство несовместимо с творчеством, — обиженно фыркнул Сахаров.

Несколько минут тишина в ординаторской нарушалась лишь стуком пальцев по клавишам и скрипом ручки о бумагу.

— Не так уж и много осталось до Нового года, — вздохнула Ахметгалиева, взглянув в

окно, — ненавижу Новый год!

— Почему? — Сам Данилов любил этот праздник больше всех прочих.

— Праздник разочарования. Всякий раз надеешься, что жизнь изменится к лучшему, а вместо этого... Эх, что говорить!

— Сидите? — Вознесенский, вернувшийся с совещания у главного врача, открыл дверь так энергично, что она ударилась о стену. — И ничего не знаете?!

— Куда уж нам, убогим, — отозвалась Ахметгалиева. — Знать положено начальству

— Новому начальству, — со значением сказал Вознесенский, плюхаясь на диван и закидывая ногу на ногу.

Данилов сразу догадался, о чем идет речь.

— Кто? — спросил он.

— Так неинтересно, — покачал головой Вознесенский. — Давайте делать ставки.

— На что? — Сахаров обожал азартные игры и всевозможные пари.

— На то, кто с понедельника будет у нас главным врачом!

— Что — «хозяйку» уже?.. — ахнула Ахметгалиева.

— Совсем, — кивнул Вознесенский. — В пятницу проводы.

— Ну дела! — Ахметгалиева подняла глаза к потолку, подвигала бровями-ниточками и предположила: — Нижегородова?

— Нет! — улыбнулся Вознесенский. — Не хотите ставок, так хотя бы поугадывайте. Уважьте старика, я так спешил к вам с этой новостью.

— Кто-то пришлый?

— Нет, Славик.

— Сапожков? — снова высказалась Ахметгалиева.

— Нет, а ты, Владимир свет Александрович, чего молчишь?

— Боюсь обломать вам игру, — улыбнулся Данилов, с наслаждением потягиваясь. — Моя железная логика подсказывает мне верный ответ!

— Вот как! Давай поделись с нами своей мудростью!

— Элементарно, Ватсон! — Данилов изобразил, что курит трубку. — Есть непреложный закон, который гласит, что все кадровые перестановки заключаются в замене плохого начальника самым худшим из всех возможных. Исходя из него, я могу с уверенностью сказать, что нового главного врача зовут Алексеем Емельяновичем!

— Ну ты Нострадамус! — Шеф восхищенно хлопнул ладонями по коленям.

— Он угадал? — спросила Ахметгалиева.

Вознесенский многозначительно кивнул.

— О, мать моя женщина! — Ахметгалиева обхватила голову руками и принялась раскачиваться на стуле. — Убиться об стену! Емеля — главный врач! Немедленно вешаться или увольняться! Мало нам его, так ведь завтра он вытянет свою подстилку в начмеды и тогда... О-о-о! Уйду на хрен куда глаза глядят! Дежурантом!

— Может, не все так плохо? — осторожно высказался Сахаров.

— Для тебя, Славик, может и да, а для меня нет, — огрызнулась Ахметгалиева.

Сахаров надулся и засопел.

— Ясно одно, — подвел итог Вознесенский. — Теперь мы станем козлами отпущения. Запомните это и не совершайте ошибок, даже самых пустяковых. Новый главный врач нам спуска не даст. Пожалуй, Фаина, ты права — от разговоров о смене работы пора переходить к поиску новой работы. И почему нам не поставили Нижегородову?

— Потому что Гавреченков оказался более перспективным кадром, — объяснил Данилов. — Не старый, энергичный, целеустремленный. Мечта, а не главный врач!

— Совет в Филях? — Анна Сергеевна вошла в ординаторскую, — закрыла за собой дверь и только тогда продолжила: — В патологии прямо карнавал. Федоренко ходит важная, как начмед, а Оксана уже видит себя главной акушеркой. Оксаной звали Воробьеву, старшую акушерку отделения патологии беременности, женщину с узким лбом, массивной нижней челюстью, необъятным задом и еще более необъятным апломбом.

— Илья Иосифович, я к вам по поводу Семенцовой. Она пришла...

— Надо, Анна Сергеевна, — согласился Вознесенский, поднимаясь с дивана. — Пошли ко мне.

Пропустив вперед старшую сестру, заведующий вышел из ординаторской.

Ирина Семенцова, невысокая, тощая, вся какая-то угловатая, у Данилова вызывала чувство жалости. Ни кожи, ни рожи, ни ума, ни доброты, и как результат — вечное одиночество, к которому сама Семенцова уже привыкла. Но не свыклась, в глубине души считая себя несправедливо обойденной всеми жизненными благами. С возрастом Семенцова привыкла лечить грусть-тоску распространенным способом и преуспела в этом настолько, что к сорока годам стала запойной пьяницей.

Долгое время Ирину выручала соседка, работавшая участковой медсестрой. Ее протекция помогала Семенцовой прикрывать недлинные запои больничными листами. Но после того как один из участковых врачей получил срок, пусть и условно, за выдачу «липового» больничного, больничные стали выдаваться строго по показаниям.

Очередной запой Семенцовой обернулся двухнедельным отсутствием на работе без уважительной причины. У Анны Сергеевны была на этот счет одна мысль.

— В сестрах Ире не место, но ее можно оставить в санитарках, — предложила она заведующему. — Она не откажется. Дам ей две ставки, чем плохо?

Подумав, Илья Иосифович согласился. На безрыбье и рак рыба. Три-четыре месяца работает, две недели пьет — не такой уж плохой график для санитарки. Санит арки вообще вечная проблема. Мало кто хочет выполнять грязную работу за мизерную плату. Заведующим приходится буквально навязывать совмещение санитарских обязанностей медсестрам, а тех это совершенно не радует: мыть полы — не их дело.

— Одно теперь хорошо, — сказал Данилов, — Гавреченков перестанет оперировать.

— Пожалуй, перестанет, — согласилась Ахметгалиева. — Негоже лилиям прясть. Только учтите, коллеги, что раньше он доставал всех время от времени, а сейчас начнет делать это постоянно. Надоело все это. Уйти мороженым торговать, что ли?

— Почему именно мороженым? — Данилов посмотрел на настенные часы и решил, что неплохо будет выпить кофе перед уходом домой.

Он встал, взял чайник и, подсоединив к крану фильтр, налил в него воды и вернул чайник на подставку.

— Хорошее занятие, только если торговать не штучным, а в вазочках, — ответила Ахметгалиева, отодвигая от себя одну историю родов и придвигая другую. — Я во время учебы летом подрабатывала в кафе. Заколачивала бешеные бабки.

— Ой, а можно поподробнее? — оживился Сахаров.

— Сейчас, чайник закипит, я вам под чай и расскажу, — пообещала Ахметгалиева.

— Кому чего? — Данилов насыпал кофе в свою чашку.

— Мне чай, пожалуйста, — попросила Ахметгалиева.

Сахаров молча достал из ящика стола пакетик чая и кружку. Он никогда не скидывался на покупку кофе, чая и сахара, предпочитая обходиться своими личными запасами, хранившимися отдельно от общественных.

Когда кипяток был разлит по кружкам, Ахметгалиева начала рассказывать — вкусно, «с выражением», усиливая впечатление короткими паузами:

— Родители мои всегда жили скромно, каждая копейка была на счету, поэтому на каникулах я старалась заработать побольше, чтобы надолго хватило. Работала я буфетчицей в летнем кафе на «Авиамоторной». Основной статьей моих доходов было мороженое, оно буквально спасало меня от нужды.

— Ты продавала его в тридорога? — спросил Данилов.

Он не мог представить себе Фаину за прилавком.

— Не совсем втридорога, — покачала головой Ахметгалиева. — В два. Вообще-то мороженое продавали шариками весом в пятьдесят грамм. Шарик надо было отделять от огромной глыбы особой ложкой на длинной ручке и класть в железную вазочку, а затем

посыпать сверху шоколадной крошкой, кокосовой стружкой и прочей фигней. Вот в ложке и крылся секрет моего благосостояния! Шарик можно было сделать увесистым, «полным», а можно — и «полупустым». Покупатели к этому не придирались. Никто не взвешивал свою порцию. Есть шарик — и ладно. Чтобы шарик был большим, ровным, но полым внутри, мороженое следовало соскабливать тонким слоем, для чего ложку нагревали в горячей воде. Но не в кипятке, заметьте себе, чтобы шарик не начинал таять еще в ложке и не терял товарного вида.

— В кафе люди приходят с целью приятно провести время, и поэтому все должно быть красиво, — вставил Сахаров.

— Натренированной рукой можно было делать великолепные, гладкие красивые шарики весом в двадцать пять грамм, — не обращая внимания на его реплику, продолжала Ахметгалиева. — Половинная экономия и весьма нешуточная, если учесть, что в среднем я продавала по пятьсот шариков в день. Конечно, мне было очень стыдно, но я оправдывала свою деятельность тем, что жить как-то надо. Поэтому я никогда не выколачиваю деньги с пациенток. Хватит, нагрешила уже на мороженом.

— А сейчас снова думаешь о мороженом, — поддел Данилов.

— Ну это я так. — Фаина взмахнула рукой так широко, что чуть не сбила со стола чашку с чаем. — В нашем деле очень многое зависит от того, под кем ты работаешь. Такой главврач, как Емеля, превратит роддом в клоаку бесконечных дрызг и разборок. Я думаю, что Вам не надо объяснять, к чему это может привести.

Объяснять и впрямь было не надо. Все медработники знают разницу между хорошим и плохим главным врачом. Тут дело не в характере (грубиян, истерик и матерщинник может быть хорошим главным врачом), не в стаже и опыте (можно всю жизнь есть картошку, но так и не стать ботаником), не в доброте (руководитель не должен быть добрым). Дело в том, каков главный принцип руководства. Если главный врач воспринимает своих подчиненных как единую, пусть и не слишком дружную, семью, то он — хороший главный врач. И при всех своих недостатках управлять он будет так, как надо. Вовремя разрешать, а то и предотвращать конфликты, защищать своих сотрудников от несправедливых обвинений, стараться с каждым из подчиненных найти общий язык. И так далее...

Плохой главный врач управляет по старинному принципу «разделяй и властвуй». Он намеренно сталкивает своих подчиненных лбами, постоянно нападает на них, никогда и никого не защищает, считая, что дыма без огня не бывает и все его подчиненные заведомо виновны во всех грехах. Коллективы, управляемые плохими главными врачами, похожи на настоящие осиные гнезда. Работать в таком месте — удовольствие ниже среднего.

Данилов не был склонен к поспешным решениям, и назначение Гавреченкова главным врачом не было для него сигналом к немедленному поиску новой работы. Но нужно было быть готовым ко всему.

Снова мелькнула мысль о работе в поликлинике, но Данилов отогнал ее. Было время, когда он действительно намеревался пойти работать на участок и даже побывал на собеседовании в одной из поликлиник, но очень быстро осознал, что это ему не подходит. В работе участкового врача, как бы ни парадоксально это звучало, ничтожно мала врачебная составляющая. Участковый врач — это нечто среднее между чиновником, выписывающим различные справки, рецепты и направления, и социальным работником. Уже, наверное, не осталось наивных людей, которые идут к участковому врачу за лечением.

К тому же на участковых врачей больше всего жалуются. Кто-то долго сидел в очереди на приеме, кому-то не хватило льготных лекарств, поводов для жалоб может быть очень много... Данилов любил живое дело, а писанины терпеть не мог.

«Ладно, не буду забегать вперед, — решил Данилов. — Посмотрю, как оно пойдет дальше».

Пошло не очень. Если на пятничной утренней конференции, вылившейся в торжественные проводы Ксении Дмитриевны (расплакавшейся от умиления и долго желавшей всем счастья), Гавреченков еще не успел расправить крылья, то уже в понедельник

все сотрудники роддома поняли, кто в замке король.

Ксении Дмитриевне удалось на прощание удивить Данилова, и удивить сильно. По окончании «пятиминутки» она выхватила его из нестройной колонны, движущейся к выходу, отвела в сторону и без предисловий сказала:

— Вы, Владимир Александрович, хороший мужик, хоть и резкий. Я к вам относилась и отношусь хорошо и поэтому хочу предупредить — остерегайтесь Вознесенского. Это он наговаривал мне на вас.

— Никогда бы не подумал...

— Так знайте. Только одна просьба — не сообщайте ему хотя бы сегодня о том, что я вам сказала. Хочется последний рабочий день провести спокойно.

— Да я и не собирался, — признался опешивший Данилов. — Только мне казалось, что между нами сложились хорошие отношения.

— Илья Иосифович никак не мог смириться с тем, что я взяла вас, человека со «скорой помощи», не посоветовавшись с ним. Вот и пытался доказать мне, что я ошиблась в выборе. Надеюсь, что после моего ухода его неприязнь к вам исчезнет...

— Ксения Дмитриевна, вы надолго с доктором? — К ним подошла главная акушерка.

— Пойдем, Юлечка, я уже закончила. Удачи вам, Владимир Александрович.

— Спасибо, Ксения Дмитриевна, — поблагодарил Данилов. — И вам не болеть. И извините меня за грубость.

— Я уже все забыла, — улыбнулась бывшая главврач.

Больше Данилов ее не видел.

Гавреченков начал свою первую «пятиминутку» с того, что разнес всех в пух и прах, начав, как и полагается, с отчитывавшейся дежурной смены.

— У нас слишком много поступающих самотеком! — гневался главный врач. — Ни для кого не секрет, что таким образом маскируются договорные госпитализации! Я положу конец этой порочной практике!

Беременная, находящаяся в родах, вправе обратиться в любой родильный дом и никто не может ей отказать. Конечно, некоторые врачи таким образом укладывают в родильный дом своих знакомых, но помешать этому, в сущности, невозможно.

— Понимай так — бог велел делиться, — шепнула Данилову Ахметгалиева. — Кладешь своих — отстегни главврачу. Интересно, Емеля так преобразился или просто делает вид?

С самотеков перешли к соблюдению санитарно-эпидемиологического режима, за что получили нагоняй заместитель по лечебной части и главная акушерка.

Дальше настала очередь заведующих отделениями — всех, кроме Федоренко, исполнявшей обязанности заведующего отделением патологии беременности. Критиковать отделение, которым сам руководил еще на прошлой неделе, главный врач, разумеется, не пожелал, зато остальным досталось по полной. Вознесенский «огреб» за то, что блок реанимации якобы превращен в проходной двор, куда целыми днями шастают посетители, и за то, что анестезиологи не совсем правильно понимают свою роль во время операций.

— Вы всего лишь обеспечиваете операцию, проводя обезболивание. Делает операцию хирург! И именно он определяет тактику, принимает решения и отвечает за исход!

— А мы что — ни за что не отвечаем?! — крикнул с места грубиян Клюквин. — Тогда дайте мне такую справочку на бланке с вашей печатью! Хочется, знаете ли, начать жить спокойно!

Зал грохнул хохотом. Смеялись все, кроме главного врача.

— Не надо передергивать! — взвизгнул Гавреченков. — Вы все прекрасно понимаете, что я хотел сказать.

— Теперь он начнет грызть Клюквина, — сказал Данилов Ахметгалиевой. — Не простит порчи первого триумфа.

— Николаича грызть бессмысленно, — ответила та. — Он жесткий и вредный. И правдоискатель вдобавок. Об него можно только зубы сломать.

— И побольше внимания уделяйте вопросам подготовки пациентов к плановым операциям, Илья Иосифович! — Главный врач назидательно постучал пальцем по столу. — Это не дело, когда анестезиолог знакомится с пациенткой перед самой операцией.

Вознесенский вскочил на ноги и попробовал оправдаться:

— Это, конечно, не дело, Алексей Емельянович, но в нашем роддоме на моей памяти никогда не происходило ничего подобного.

— Впредь я попрошу оперирующих докторов незамедлительно сообщать мне о проблемах, возникающих с анестезиологами, — ответил главный врач. — Мне не нравится, что вы и ваши сотрудники мнят себя на особом положении. Эту вольницу я не потерплю. Здесь вам не Запорожская Сечь, а медицинское учреждение! Вам ясно, Илья Иосифович?

Вознесенский пожал плечами и сел. Лицо у него было злое-презлое.

— Наталья Геннадиевна, — внимание главного врача переключилось на Голубкову, заведующую отделением реанимации и интенсивной терапии новорожденных, — объясните мне, почему двое из ваших врачей просрочили очередной медосмотр?

Голубкова сочла за благо промолчать.

— Почему-то на Даниловском рынке каждый баран висит за свою ногу. — Гавреченков сорвался в откровенное хамство. — Со всеми положенными сертификатами и разрешениями. А у нас, куда ни взглянешь, везде такой бардак, что просто волосы дыбом встают...

— Радоваться надо, что хоть осталось чему вставать, — съязвила Ахметгалиева, намекая на гавреченковскую лысину.

— Но я наведу порядок, — пообещал главный врач. — Я не человек со стороны, которому надо долго знакомиться с положением дел и которого можно ввести в заблуждение. Так что готовьтесь работать по-новому, дорогие коллеги.

— Вспоминается теккереевская «Ярмарка тщеславия», — сказала начитанная Ахметгалиева, пробираясь боком к проходу.

— Скорее уж шеридановская «Школа злословия», — ответил идущий следом Данилов.

— Куда ни кинь, всюду равно клин, — рассмеялась Ахметгалиева. — Лучше бы уж Нижегородову назначили. Нормальная баба с минимумом закидонов. А как климакс пройдет — так вообще душечкой станет.

Глава пятнадцатая ЭПИЗОД С КОКАИНОМ

Анестезиолога, если он хороший врач, не может не интересоваться мнением пациентов о проведенной анестезии. Существует даже специальный термин «удовлетворенность пациента анестезией», который является своеобразной оценкой работы специалиста. Во многих странах высокая степень удовлетворенности пациента анестезией стала одним из главных признаков качественно проведенного обезболивания. Поэтому никого из врачей отделения анестезиологии и реанимации не удивило введение главным врачом специального опросного листка, который пациенткам предстояло заполнять после операции. Правда, озаглавлен этот листок был несколько иначе — «оценка больными анестезиологического обеспечения».

— С премиями теперь можно проститься, — предсказал опытный Клюквин. — Раз учитывается не только послеоперационный болевой синдром и послеоперационная тошнота и рвота, но и хренова куча других факторов: послеоперационная головная боль и головокружение, длительная сонливость, зуд, нарушение мочеиспускания, разнообразные неврологические нарушения и много еще чего, — то в каждой анестезии можно найти криминал.

— Да и сами выводы основаны на субъективных оценках, — поддержал Вознесенский. — Где точная грань между плохой анестезией, которая вызвала неприятные ощущения, и приемлемой, имеющей отдельные недостатки, но в целом вполне допустимой?

— И сколько будет хороших анестезий, при которых жалобы совершенно отсутствуют?

— спросил Сахаров. — Куда проще делить по старинке. Не написали жалобы на анестезиолога — значит, анестезия была хорошей. Написали — плохой. Так ведь проще.

Данилов в дискуссию вступать не стал — пора было забирать пациентку из наблюдательного отделения на операцию планового кесарева сечения.

В наблюдении было непривычно шумно. Обе постовые акушерки вместе со старшей и доктором Гуровой стояли перед запертой дверью одной из палат. То одна, то другая начинали стучать в дверь и кричать:

— Откройте дверь! Мы вам ничего не сделаем!

— Что случилось? — поинтересовался Данилов.

— Заперлась изнутри и не открывает, — пояснил подошедший заведующий.

— А где ключ взяла? — спросил Данилов.

— Ключи от палат хранятся на посту или у старшей сестры. Обычно палаты никогда не запираются.

— Да наши замки пилкой для ногтей открыть и закрыть можно, — скривился Гвоздев. — Только бы она ничего с собой не сделала!

— А в окно влезть не пытались? — предложил Данилов.

— Окна закрыты, занавеси тоже. А мне лучше дверь высадить, чем стекла бить, сами понимаете.

Данилов понимал. Сломанная дверь не мешает функционированию палаты, тогда как разбитое окно делает ее непригодной для нахождения пациенток.

— Поможете дверь выбить, Владимир Александрович? Два мужика — это сила.

— Без проблем, Юрий Павлович, только давайте побыстрее, а то мне Копыреву из триста двенадцатой на операцию забирать.

— Так она там — Гвоздев указал глазами на дверь. — Минут десять назад выбежала из своей палаты, начала размахивать пилкой для ногтей и нести какую-то околесицу, что ни она, ни ее ребенок никому не нужны, а потом вдруг решила запереться в чужой палате, где как раз было пусто — кто на обследование ушел, кто в процедурный кабинет.

— С пилкой, говорите? — Данилов неплохо разбирался в замках, всю жизнь врезая и чиня их самостоятельно. — Найдите мне крестовую отвертку и пассатижи. Думаю, что дверь ломать не придется.

— Спаситель вы наш! — обрадовался Гвоздев. — Сейчас куртку накину и принесу инструменты из машины.

Он отсутствовал не дольше минуты: стремительно убежал и столь же стремительно вернулся обратно с плоским пластмассовым чемоданчиком в руках. Данилов тем временем попросил у одной из постовых акушерок канцелярскую скрепку и сделал из нее нехитрый инструмент для нажима на глубоко утопленную кнопку, фиксирующую накладную панель.

Старшая сестра продолжала стучать в дверь и взывать к разуму затворницы.

Операция по вскрытию двери заняла секунд сорок. Поворотный механизм, как и предполагалось, был заблокирован пилкой для ногтей.

— Корифей! — восхитился Гвоздев и ломанулся в проем.

Данилов последовал за ним. Потом вошли все остальные.

Пациентка Копорева забилась в угол. Сидела, скрючившись, прямо на холодном линолеумном полу и беззвучно рыдала, уткнувшись лицом в ладони.

— Какого черта! — рявкнул Гвоздев, присаживаясь рядом с ней на корточки. — Вы что творите, дорогуша?

— И-и-и-и-и! — тонко и протяжно завывала «дорогуша».

— Встать можете? — спросил Данилов.

— Могу, — тихо ответила Копорева, не отнимая рук от лица и не делая попыток подняться.

— Тогда пойдемте в вашу палату, там и поговорим, — предложил Данилов, — А лучше не пойдем, а поедем.

— Катя, кресло! — распорядился Гвоздев.

— Бегу, Юрьпалыч! — отозвалась одна из постовых акушерок.

Когда каталка была доставлена, Данилов и Гвоздев подхватили рыдающую женщину под руки и усадили в кресло. Гвоздев взялся за рукоятки и покатил каталку в коридор. Данилов пошел следом.

— Вас, Анна Анатольевна, прошу с историей в триста двенадцатую палату, а всем остальным. — заниматься своими делами. Концерт окончен.

Копорева вдруг оглушительно рассмеялась.

— Концерт окончен! Здорово сказано!

— Давайте-ка лучше в изолятор, — на ходу изменил решение Гвоздев. — Там спокойнее. И перенесите туда из триста двенадцатой ее вещи.

В изоляторе они помогли Копоревой улечься на кровать, после чего приступили к осмотру.

Данилову в общих чертах уже была ясна суть дела. Внезапная бурная активность, подвижность, переходящая суетливость, рыдания, мгновенно сменяющиеся веселостью, в сочетании с бледностью кожных покровов, расширенными зрачками и немного неуверенными движениями свидетельствовали в пользу кокаина.

Давление у пациентки оказалось повышенным до ста шестидесяти на девяносто пять, пульс участился до ста двух ударов в минуту.

— Знобит чего-то, — пожаловалась Копырева, забираясь под одеяло.

— А во рту сушит? — спросил Данилов.

— Сушит.

— Что принимали, Галина Владимировна?

— Все, что доктора прописывали. — Копырева посмотрела сначала на заведующего отделением, а затем на своего палатного врача Гурову и улыбнулась.

— А еще? — Тон Данилова не располагал к шуткам.

— Больше ничего, вот вам крест! — Гурова вытащила из-под одеяла руку и истово перекрестилась.

— Ничего запрещенного не нюхали и не глотали?

Следов уколов на теле врачи при осмотре не обнаружили.

— За кого вы меня принимаете? — Пациентка попыталась изобразить, что ее оскорбил подобный вопрос, но не выдержала и рассмеялась.

— Вот ее вещи. — В изолятор вошла Катя с тремя пластиковыми пакетами в руке.

— Спасибо, — поблагодарил Гвоздев, кивком отпуская ее и обращаясь к пациентке: — У нас, Майя Леонидовна, сложилось мнение, что вы приняли какой-то наркотик...

— Да что вы, доктор!

— Тогда чем объяснить ваше столь неадекватное поведение? — спросил Данилов. — Да еще перед операцией?

— Да, кстати, — оживилась та, — а почему меня не везут на операцию?

— Потому что она отложена, — покачал головой Гвоздев. — Да уж, отличились вы. Ладно, Анна Анатольевна, вы пока останьтесь здесь, я сейчас пришлю Катю или Веру на индивидуальный пост. Пойдемте, Владимир Александрович.

— Психиатра будете вызывать? — для порядка уточнил Данилов.

— Да, пусть отпишется, а потом возьмем на операцию, — ответил Гвоздев. — Плановую или экстренную, естественным путем ей все равно рожать противопоказано. Кто у вас сегодня дежурит?

— Я и Анатолий Николаевич, — ответил Данилов.

— Значит, я с вами не прощаюсь. Да, Владимир Александрович, вы о кокаине подумали, не так ли?

— О кокаине, — подтвердил Данилов.

— Вполне вероятно. Дамочка состоятельная, ей это удовольствие вполне по карману. Вот ведь жизнь — только от одной беды придешь в себя, как тебе судьба следующую

подкидывает. Хорошо, хоть ничего с собой не сделала.

— Сплюньте, — посоветовал Данилов.

Гвоздев демонстративно постучал себя костяшками пальцев по голове и скрылся за дверью своего кабинета.

Данилов вспомнил, что забыл оставить запись в истории родов. Пришлось вернуться в изолятор, взять у Гуровой историю и прямо там же, в изоляторе, быстро написать несколько строк.

Гурова тем временем продолжала расспрашивать пациентку о причинах произошедшего. Та отвечала в классическом для большинства наркоманов стиле, отрицая, изворачиваясь и пересыпая свою речь клятвами и заверениями.

Из обсервации Данилов ненадолго вернулся к себе в отделение, а затем отправился обезболить первые роды у «договорной» пациентки. В «физиологическом» родзале его и нашла секретарь главного врача — ровно через пять минут после того, как роды закончились.

— Владимир Александрович, — даже по телефону чувствовалось, что Ольга Евгеньевна взволнована. — Алексей Емельянович просил вас срочно явиться к нему.

— Срочно не получится, — ответил Данилов. — Через четверть часа.

— Как скажете!

В приемной главного врача маялся Гвоздев. Увидев Данилова, он вскочил на ноги и сказал:

— Ну наконец-то. Пошли!

Не было времени расспрашивать о том, что случилось. Данилов вспомнил, что не восстановил наполовину разобранную дверную ручку в отделении обсервации. Неужели Гавреченков вызвал их с Гвоздевым из-за этого? Впрочем, с него станется...

Главный врач внимательно читал какие-то бумаги или просто симулировал великую занятость. Оторвавшись от чтения, он взмахом руки разрешил вошедшим сесть и обрушился на них со всей силой начальственного гнева:

— Что вы себе позволяете, а? Кто дал вам право набрасываться на беременную женщину с высосанными из пальца обвинениями?! Как вы, не будучи наркологами, на основании беглого внешнего осмотра рискуете ставить диагноз наркомании, да еще отменять на этом плановую операцию?!

— Алексей Емельянович, у нас были к тому основания, — попытался оправдаться Гвоздев. — Неадекватное поведение, согласитесь — нормальные люди ни с того ни с сего в палате запираются не станут...

— Нормальные люди не будут вести себя так, как вы! — перебил его главный врач.

— А психиатр уже приезжал? — спросил Данилов.

— Нет, — ответил Гвоздев, — и не приедет. Час назад Копорева выписалась под расписку. Ее забрал муж.

— Да! — подтвердил Гавреченков. — А перед этим он побывал у меня и пригрозил, что будет жаловаться на вас в департамент.

— За что? — изумился Данилов.

— За то, что вы сорвали операцию, оскорбили пациентку и своими действиями поставили под угрозу две жизни — ее и ее еще не родившегося ребенка. Я понятно объяснил?

— Понятно, но все это неправда! — Головная боль как всегда пришла в самый неподходящий момент.

— Конечно, — в голосе главного врача зазвучала неприкрытая издевка, — у вас своя правда. Особая.

— Алексей Емельянович, — едва сдерживаясь, начал Данилов, — все происходило на глазах у множества свидетелей. Она заперлась в палате и не желала открывать. Мне пришлось разобрать ручку, чтобы открыть дверь. Мы нашли ее плачущей, но через несколько минут ее разобрал смех...

Больше всего на свете Данилову хотелось надавать главному врачу оплеух. Не зуботычин, а именно оплеух. Звонких, увесистых, хлестких пощечин. Таких, чтобы очки улетели в угол, а лысая голова моталась бы из стороны в сторону. А напоследок смачно плюнуть в утратившую печать самодовольного превосходства физиономию и уйти прочь. Далеко и навсегда, чтобы больше никогда не встретиться с Гавреченковым.

— Изложите в объяснительной! — перебил Данилова главный врач. — Вы двое и палатный врач со старшей акушеркой.

— А от постовых акушерок не нужны объяснительные? — уточнил Гвоздев.

Данилов не понял — тупит заведующий обсервацией или издевается.

— От постовых не надо. Можете идти! — отрезал главный врач, возвращаясь к бумагам, лежащим перед ним на столе.

— Что там произошло? — выйдя в коридор, спросил Данилов.

— Да вдруг как снег на голову свалился муж нашей артистки. Дерганый, психованный, потный, явный нарком. Разорался в холле, что мы, мол, мучаем и оскорбляем его жену. Я вышел, попытался объяснить ситуацию, но он меня послал на три буквы и умчался к главному. Тот позвонил мне, велел немедленно выписать Копореву по собственному желанию, а затем явиться к нему. Я так и сделал.

— Испугалась постановки на учет и слиняла, — констатировал Данилов.

— Естественно! И жаловаться этот урод никуда не будет, не в его интересах раздувать всю эту историю. Положит жену в другой роддом, и все. Но главному просто не терпится дать нам по выговору!

Данилов согласно кивнул. Действительно — если в подобных обстоятельствах не собираешься объявлять выговор, то зачем требовать объяснительную? Ведь все было сделано как полагается.

— А чем занимается ее муж? — полюбопытствовал Данилов.

— Косил под телевизионного деятеля. Не то режиссер, не то оператор, не то старший помощник младшего осветителя. Угрожал, что сейчас к нам понаедут корреспонденты всех центральных каналов и устроят нам пресс-террор.

— Никогда не слышал такого слова — «пресс-террор». Кстати, а нашелся ли ваш вакуум-экстрактор? — вспомнил Данилов.

— Нашелся. — Гвоздев, должно быть, успел забыть об экстракторе и поэтому ответил не сразу. — В одном из боксов этажом выше.

— Как он там оказался?

— После выходных и не такое случается. — Гвоздев закатил глаза и покачал головой. — То ли кто-то пошутил, мало ли идиотов, то ли очередной ординатор там с ним медитировал. Хорошо, что это при Ксении произошло. Дело ограничилось устным внушением и обработкой бокса, в котором нашли экстрактор. У Емельяныча все бы получили по полной.

Поскольку обсервационное отделение предназначено для рожениц, имеющих какие-либо инфекции или «подозрительных» в этом отношении, то перенос вакуум-экстрактора из отделения обсервации в физиологический родовой зал — вопиющее нарушение санитарно-эпидемиологического режима.

На площадке у лифтов Данилов и Гвоздев расстались. Гвоздеву надо было ехать вниз, в приемное отделение.

— У главного уже был? — спросил Вознесенский, стоило Данилову войти в ординаторскую. — И как?

— Никак, — сухо ответил Данилов. — Поговорили и расстались.

После сведений, полученных от Ксении Дмитриевны, он свел общение с заведующим отделением к минимуму. Как ни странно, Вознесенский совершенно не удивился этому.

Сев за стол, Данилов написал объяснительную на имя главного врача. Объяснительная вышла короткой:

*«Главному врачу роддома № 9
Гавреченкову А. Е.
от врача отделения АиР Данилова В. А.*

*Объяснительная
Свои действия в отношении пациентки отделения обсервации Копоревой
Майи Леонидовны считаю правильными.
Дата. Подпись».*

Данилов отдал листок старшей сестре, которая как раз собралась идти по делам в «административный аппендикс». Повезло, а то пришлось бы относить самому.

Глава шестнадцатая ДОМАШНИЙ ПЕРЕПОЛОХ

— Когда-то давно я подрабатывала в женской консультации одной из московских поликлиник. Поликлиника была хоть и городская, но из пафосных. Располагалась она в центре, и все — от главного врача до санитарок — гордились этим...

Иногда во время операций Юртаева могла начать рассказывать какую-нибудь историю, совершенно не интересуясь, слушают ее или нет. Не отрываясь от дела, она негромко и монотонно вела свое повествование, далеко не всегда доводя его до конца. Данилов сразу подметил прямую связь рассказов со сложностями, возникающими в ходе операций, и догадался, что они (рассказы, а не сложности) помогают Елене Ивановне сосредоточиться на проблемах и сохранять спокойствие.

— Врачом ультразвуковой диагностики работал там Юра Овечкин, маленький, толстенький, лысый...

Сахарный диабет, выраженное ожирение, стойкая артериальная гипертония, крупный плод... Все эти факторы, являющиеся показаниями к кесареву сечению, могут обернуться осложнениями во время операции.

— Юра очень любил свою жену. До самозабвения. Обожал, боготворил, превозносил и так далее. Но она однажды взяла и ушла к другому мужчине. Какому-то коварному и богатому соблазнителю, владельцу мебельного магазина...

Гемодинамика в норме. Вроде бы все хорошо, но Данилов никогда не позволял себе расслабляться во время операций. Отдохнуть можно будет потом, когда пациентка придет в себя в реанимации, пожалуется на то, что болит шов, и спросит, когда ей принесут ребенка. Вот тогда можно и кофе выпить, и анекдот кому-нибудь из коллег рассказать. А пока — работать, работать и работать. Делать свое «наркотизаторское» дело. И попутно слушать — у доктора Юртаевой все истории интересные.

— Надо сказать, что уход жены Овечкин переживал тяжело. Настолько, что некоторое время даже не протирали спиртом свои ультразвуковые датчики, а употребляли его внутрь, врачую душевную боль. Главный врач Юрке сочувствовала и оттого ограничилась суровым материнским внушением, после которого Юрка стал появляться на работе только в трезвом виде. Со временем его душевная боль улеглась. Правда, как оказалось, не совсем...

Мальчик, на вид все четыре с половиной килограмма. Илья Муромец. Впрочем, ничего удивительного, и честно говоря — ничего хорошего. Крупный плод очень часто формируется при сахарном диабете, и «богатырская стать» здесь не является показателем богатырского здоровья. Скорее наоборот.

После всех положенных манипуляций ребенок отправится в отделение детской реанимации. Новорожденные от матерей, страдающих сахарным диабетом, несмотря на свои размеры, рассматриваются как недоношенные и требуют к себе особого внимания.

— Примерно через год после ухода жены на прием к Овечкину пришел тот самый коварный и богатый соблазнитель. Ему понадобилось сделать УЗИ печени и поджелудочной железы. Пришел на законных основаниях, как прописанный по району обслуживания

поликлиники, да еще с направлением от участкового врача и с талончиком — поэтому Юрка отказать ему в исследовании не мог...

— А они были знакомы? — спросила операционная сестра Антонина Петровна.

— Были. Они вдвоем таскали вещи Юркиной жены, когда та съезжала к новому мужу. Но представьте себе на минуточку эту картину... Я не сомневаюсь, что Юрке хотелось насмерть забить соблазнителя датчиком. Короче говоря — нелегко ему далось это исследование. Но он справился. Не дрогнул, не сорвался, не выдал своего отношения. Истинный ариец из Пензенской губернии, земляк мой, кстати говоря...

Послед вышел наружу легко. В целости и сохранности.

— Правда, вот заключение Юрка выдал совершенно неожиданное и, надо сказать, полностью не соответствующее действительности. Согласно этому заключению, жить новому мужу осталось всего с месяц, не больше. Рак головки поджелудочной железы в терминале...

Юртаева приступила к ушиванию матки.

— Юрка внятно и обстоятельно разъяснил своему сопернику результат и прогноз, а на прощание добавил: «Скажи Ирине (так звали их «общую» жену), что после того, как все закончится, мы с ней можем попробовать начать все заново». Тот ушел, а через неделю написал жалобу в департамент, который тогда еще назывался комитетом. Закончилась эта история увольнением доктора Овечкина. Хорошо еще, что главврач, Татьяна Юрьевна, вошла в положение и дала Юрке возможность уйти по собственному желанию...

«Я бы лучше датчиком забил», — подумал Данилов. Ненависть ненавистью, а профессиональный долг, как бы выпендрено это ни звучало — это профессиональный долг. Или не делай, или делай как надо. Да и потом — жена не тумбочка, сама решает, с кем и где ей жить.

Данилов представил, как некий субъект (почему-то как две капли воды похожий на актера Владимира Машкова) сначала соблазняет Елену, а потом обращается к нему за медицинской помощью. Ясно, что не за обезболиванием родов... Например, вызывает «скорую помощь» для купирования приступа бронхиальной астмы.

«Полечил бы, конечно, — ответил самому себе Данилов. — Но не исключено, что утром, после работы, явился бы и... А впрочем — сам виноват. От хороших мужей женщины не уходят».

— Половина поликлиники осуждала неэтичный поступок доктора Овечкина, а другая половина — одобряла. Я, честно говоря, так и не определилась с оценкой, потому что хорошо относилась к Юрке и очень ему сочувствовала. Кстати говоря, на новом месте, в ведомственной медсанчасти, Юрка встретил новую любовь — молодую и красивую женщину, врача-невропатолога. Вскоре они поженились, сейчас у них уже двое детей.

Искусный лекарь усыпил больную,
Рассек без боли чрево, заглянул,
Младенцу он головку повернул
И бережно извлек его оттуда, —
Никто не видывал такого чуда!
То мальчик был, но был он силачом,
Могуч сложеньем и красив лицом.
Дивились все его слоновой стати:
Никто не слышал о таком дитяти!
На суши усыпленная вином.
Спала царевна безмятежным сном,
Не слышала, как рану ей зашили,
И снадобьем от боли излечили...¹

¹ Фирдоуси. «Шах-наме». Перевод Владимира Васильевича Державина.

Самодельный плакат с цитатой из «Шах-наме» попался Данилову на глаза в ординаторской отделения обсервации.

Строки накрепко врезались в память — Фирдоуси описал все так точно, словно сам занимался акушерским ремеслом.

— Владимир Александрович! Ваша мама просила срочно ей перезвонить.

Анна Сергеевна нарочно держала дверь своего кабинета открытой, чтобы не пропустить возвращающегося с операции Данилова. Ответственная женщина. Понимает, что без серьезной причины никого не станут экстренно разыскивать по служебному телефону.

Мобильник Данилов всегда оставлял в ординаторской — какой смысл таскать его за собой по роддому? Все равно ни в операционной, ни в родзале, ни в блоке реанимации отвечать на звонки не станешь. Хорошая картина — делает врач спинномозговую пункцию, и в этот момент раздается трель звонка. Врач просит пациентку «посидеть не двигаясь пару минут» и начинает разговор с невидимым собеседником... Анекдот.

— Что случилось? — Данилов притормозил в коридоре, но в кабинет заходить не стал.

— Что-то со здоровьем, насколько я могла догадаться. В подробности меня не посвятили.

— Спасибо!

Данилов поручил прооперированную пациентку заботам сестер, а сам уединился в пустой ординаторской, достал из сумки мобильный (что-то и впрямь серьезное — шесть вызовов от матери за час) и нажал одну из клавиш.

Светлана Викторовна ответила сразу же, наверное в ожидании звонка держала телефон в руке.

— Володя, здравствуй. — Говорила она внятно, но тише обычного и как бы через силу. — Наконец-то...

— Здравствуй! Что случилось?

— Ох, — глубокий вздох свидетельствовал о том, что ничего хорошего не случилось, — сердце у меня прихватило.

— Неужели? — не поверил Данилов.

Мать никогда не жаловалась на сердце. Она вообще не любила, как сама выражалась, «смаковать свои болячки».

— Прихватило... Сначала тяжесть в груди была, а теперь слабость и ноги словно ватные. Голова кружится, в ушах шумит. Наверное, это конец...

— погоди с концом, давай-ка я сейчас вызову тебе бригаду...

Долго разговаривать по телефону не было ни времени, ни желания. Тяжесть в груди, внезапная слабость и головокружение позволяли заподозрить свежий инфаркт миокарда.

— Я без тебя никуда не поеду, — заупрямилась мать. — И не настаивай. Я вообще-то просто хотела проконсультироваться...

Уговаривать по телефону тоже было бесполезно.

Рабочий день закончился полчаса назад. Данилов передал пациентку с диабетом дежурным врачам, в пять минут оформил историю родов и поспешил к матери.

Тонированная «девятка» с пожилым водителем восточной наружности тормознула сразу же, стоило Данилову поднять руку.

— В Карачарово. Сто пятьдесят.

Цену Данилов всегда называл сам и сразу. Так было проще и выгоднее. Сейчас бы он поехал и за двести пятьдесят, но водитель не стал торговаться, согласно мотнул полуседой головой и, как только Данилов захлопнул дверцу, сорвался с места.

— Первый? — поинтересовался водитель, останавливаясь на светофоре.

— Что — первый? — не понял Данилов.

— Ребенок первый? — Водитель сверкнул золотыми зубами. — Или второй? Вы же в

роддоме были, да?

— Я там работаю, — ответил Данилов.

— Ай, здорово! — простодушно восхитился водитель..... — И денег много, и женщин вокруг много. Как в раю!

Данилову было не до возражений. Он нашарил в кармане куртки ключи от родного дома, которые таскал с собой постоянно, и облегченно вздохнул — матери не придется подниматься для того, чтобы открыть ему дверь.

Светлана Викторовна лежала в своей кровати. Увидев сына, она попыталась привстать, но не смогла.

— Не надо лишней активности! — строго сказал Данилов. — Все любезности потом. Сначала дело. Рассказывай, что случилось.

— Возилась на кухне, вдруг стало тяжело дышать, домыла посуду — чувствую, что стало еще хуже. Короче — еле до кровати добралась. Немного оклемалась — и стала тебе звонить...

Бледность кожных покровов, частый пульс, зрачки в порядке, конечности немного холодны на ощупь.

— Лежи, я принесу тонометр.

Тонометр лежал там, где всегда — в одном из кухонных шкафчиков между аптечкой (жестяной коробкой из-под печенья) и баночкой меда, хранимой на случай простуды.

Давление, как и ожидал Данилов, оказалось понижено — сто на шестьдесят пять. «Черт возьми, нельзя исключить инфаркт».

Строго наказав матери лежать и не двигаться, Данилов достал с антресолей в прихожей старенький кардиограф, купленный им в первый год работы на «скорой» у одного из коллег. Было желание заняться частной практикой. Желание почему-то быстро прошло, а вот кардиограф остался. На память. В полностью рабочем состоянии, с заправленной термолентой и тубиком специального геля, предназначенного для лучшего контакта электродов с кожей.

При виде кардиографа Светлана Викторовна заметно разволновалась.

— Что, так плохо?

— Это обычное исследование, — ответил сын.

— Но ты никогда раньше не снимал мне кардиограмму...

— Решил попрактиковаться, мам, чтобы не забыть, куда какой электрод накладывать. Жалко тебе, что ли? Давай снимай халат совсем...

— Ох, Володя, я так волнуюсь, когда ты начинаешь шутить, — вздохнула Светлана Викторовна.

Данилов помог ей избавиться от халата, небрежно кинув его на подоконник. Светлана Викторовна поджала губы, но промолчала. Наложив электроды, Данилов подсоединил последний провод к трубе отопления (аппарат был антикварным, из тех, что требовали заземления) и нажал на красную кнопку пуска. По стандартным и усиленным отведениям ничего страшного не выявилось. Даже признаков ишемии не было. Данилов облегченно вздохнул, просветлел лицом и, переставляя грудной электрод на присоске, снял шесть грудных отведений.

— Все в порядке, инфаркта нет! — доложил он, снимая электроды.

— Вот и славно! — обрадовалась мать. — Дай мне чистое полотенце, стереть эту слизь...

— Это гель, — поправил Данилов, открывая дверцу комода.

— Слизь! — повторила мать. — Гель — не русское слово.

Подав полотенце, Данилов взял с подоконника халат, из кармана которого выпала упаковка таблеток. Данилов нагнулся, чтобы поднять ее, да так и замер. Вопросы исчезли — все стало на свои места.

Когда Светлана Викторовна оделась и легла, Данилов присел на край ее кровати и показал лекарство.

— Откуда у тебя это? — грозно спросил он.

— Это мне дала Елизавета Васильевна, сказала, что очень хорошее сердечное лекарство. У нее от мужа осталось...

С Елизаветой Васильевной Данилов был знаком. Она преподавала рисование и эстетику в том же лицее, где Светлана Викторовна вела русский язык и литературу. Немного рассеянная, немного безалаберная и очень добрая женщина. Именно такие раздают подругам лекарства, оставшиеся после смерти мужа.

— Но оно мне не помогло, — призналась Светлана Викторовна. — Наверное — просроченное.

После снятия кардиограммы мать заметно повеселела и оживилась. Даже лежала в постели уже не как умирающий лебедь, а как женщина, которой не терпится вскочить на ноги и заняться делами.

Данилов машинально взглянул на срок годности препарата.

— Оно не просроченное. Это у некоторых мозги просроченные.

— Я не люблю, когда ты грубишь! — нахмурилась мать. — Пришел в гости и грубишь!

— Дело было так. — Данилов уставился в потолок, восстанавливая недавнее прошлое. — На кухне тебе стало тяжело дышать, и ты вспомнила о том, что дорогая Елизавета Васильевна очень удачно презентовала тебе хорошее лекарство. Так?

— Ну, почти...

— Тратить время на такие пустяки, как чтение инструкции, ты не стала. Зачем?

— Там такие мелкие буковки, а мне было так плохо...

— А раз тебе было плохо, то ты решила разжевать таблетку, чтобы быстрее подействовало...

— Да-да! — закивала Светлана Викторовна. — Знаешь, она оказалась совсем не горькой. Но лучше мне не стало...

— Тебе стало хуже! Потому что во-первых, эта таблетка не была тебе нужна, а во-вторых, это не обычная таблетка, а таблетка-ретард. Пролонгированная форма, большая доза, предназначенная для медленного долгого всасывания. Ты разжевала ее и обрушила свое давление! Мне прочесть лекцию о вреде самолечения, или замнем?

— Замнем! — Щеки Светланы Викторовны заметно порозовели. — А теперь пусти меня!

— Куда?

— Пойду поставлю чайник! У меня есть буженина и яблочный рулет. Раз уж я не еду в больницу, то могу я угостить своего единственного сына?

— Которого чуть было не сделала сиротой! — напомнил Данилов. — Лежи пока. Я принесу тебе крепкий чай, ты его выпьешь, я измерю давление и...

— Какие же вы, врачи, зануды, — скривилась мать.

— Куда уж нам до вас, учителей, — парировал сын, вставая на ноги.

— Только не вздумай заварить мне чай по своему образцу. Чифирь я не пью.

— Я тоже. Не волнуйся — это будет просто крепкий чай. Можно сказать — целебный.

Из спальни чаепитие переместилось на кухню. Светлана Викторовна радовалась столь скорому выздоровлению так бурно, что даже не расстроилась, когда случайно смахнула со стола свою любимую сахарницу синего стекла, купленную в Карловых Варах еще в советское время.

— На счастье! — сказала она, безуспешно пытаясь выхватить веник у сына.

Данилов рассказал о своих впечатлениях от родительского собрания.

— Ты думаешь, у нас что-то другое? — рассмеялась мать. — Или при слове «лицей» ты представляешь себе воспитанных деток, чинно прогуливающихся взад-вперед на переменах и вежливо раскланивающихся друг с другом? Это тебе не Царское Село и далеко не восемнадцатый век! Слушай, а ты вообще знаешь, чем лицей отличается от гимназии, а гимназия от обычной школы?

— Откуда? — Данилов изобразил огорчение. — Меня в лицехах не учили...

— Гимназии и лицеи отличаются от обычных школ расширенным дополнительным обучением. Второй иностранный язык, история искусств... Учебное заведение с углубленным изучением гуманитарных наук называют «гимназией», с углубленным изучением естественных — «лицеем». Так повелось издавна, еще с восемнадцатого века. Но скоро, боюсь, ничего уже не останется — ни школ, ни гимназий, ни лицеев...

— Почему? — Данилов сам не заметил, как съел весь рулет.

— Если есть обычный компьютер с подключением к Интернету, то можно обойтись и без учителя!

Эта фраза была произнесена с сарказмом, переходящим в негодование.

— Компьютер, оказывается, сам по себе является превосходным преподавателем! К чему годами готовить педагогов?!.. Ладно, что мы все обо мне да обо мне. Расскажи про себя.

— Рассказывать-то нечего. Все хорошо. И на работе, и дома.

— У тебя всегда все хорошо, — покачала головой мать. — А потом как посыплются новости — только успевай слушать.

Глава семнадцатая ПРОТИВОСТОЯНИЕ

— Хламидиоз, кандидоз и уреоплазмоз. — Гвоздев намеренно вводил Данилова в курс дела в коридоре, подальше от пациентки. — Этот букет был выявлен в медицинском центре, куда наша Маша явилась на тридцать шестой неделе.

Инфекционные заболевания, протекающие в стертой, бессимптомной форме, тем не менее могут привести к внутриутробному инфицированию плодного пузыря и самого плода. Это чревато выкидышами, преждевременными родами, рождением недоношенных, а то и мертвых детей.

— А где она была до этого?

— Ее пользовал какой-то шарлатан. Не то из тех, кто призывает рожать в морской воде, не то из тех, кто выступает за роды во время прыжка с парашютом. Знаешь, чем образованнее люди, тем более они восприимчивы ко всякой ереси.

— Ну не всегда...

— Почти всегда, моему опыту можно верить. Это необразованные верят в заговоры. Заговаривают грыжи, сводят шептанием бородавки, привораживают, но не более того. С беременностью они не шутят — в положенный срок идут и становятся на учет. А вот образованных начинает заносить! Недаром же классик назвал свою пьесу «Горе от ума». Короче, под самый конец беременности к двум продвинутым программистам приехала мать и теща, необразованная дама из провинции. Помочь же надо, появление внука — дело серьезное. Тетка сразу же прогнала этого шарлатана и потащила дочь к обычным врачам. Хоть обменную карту завели на нашу красавицу.

Обменная карта — своеобразное «досье» беременной, обеспечивающее преемственность между женской консультацией и родильным домом.

— От госпитализации она отказывалась до тех пор, пока вчера не почувствовала что-то похожее на схватки и по «скорой» не поступила к нам.

Гвоздев подождал, пока Данилов пролистает историю родов, и продолжил:

— Короче, что мы сейчас имеем. Роды начались в половине девятого утра. Температура — тридцать семь и восемь. На мониторе — хроническая гипоксия плода. Мы решили пойти на экстренное кесарево сечение.

В истории родов значился совместный осмотр доцента кафедры, заместителя главврача по лечебной части, заведующего отделением обсервации и доктора Рубановой.

— Такое фундаментальное обоснование экстренного кесарева? — удивился Данилов. — Перестраховываемся?

— Да, только так! — подтвердил Гвоздев. — Чует мое сердце, что хлебнем мы тут

лиха. Тем более что она от операции отказалась.

Оформленный по всем правилам отказ от операции с подписью роженицы был вклеен в историю родов.

— От обезболивания она тоже наотрез отказывается. Кричит, что мы ее отключим и прооперируем против ее воли. «Эпидуру» я с учетом ее температуры и не упоминал, предлагал промедол с закисью азота...

— Тогда зачем вам я? — Данилов вернул историю родов Гвоздеву. — Постоять рядом в качестве группы моральной поддержки?

— Предложить обезболивание, выслушать отказ и записать его в историю родов, — назидательно, словно беседуя с неразумным ребенком, сказал Гвоздев. — Иначе потом скажут, что мы не предлагали обезболивания.

— Страхуетесь, как альпинисты, — покачал головой Данилов. — Ладно, я все понимаю. Пора познакомиться с роженицей...

Кесарево сечение, как и все прочие операции, нельзя делать без согласия больного, если тот адекватен и находится в сознании. Пусть — по показаниям, пусть — по жизненным показаниям, но все равно — с согласия.

Данилов ожидал увидеть в родовом зале какую-нибудь манерную, избалованную, вздорную особу, но ошибся. Никогда не следует мыслить стереотипами. Роженица оказалась не вздорной и не манерной. И кажется, совершенно не избалованной.

Худое, изможденное лицо с болезненным румянцем, огромный живот, суetyающиеся руки. Стонала она не требовательно или надсадно, а тихо, словно стесняясь и самих звуков, и своего положения, и того, что приносит окружающим столько забот.

— Вот наш анестезиолог Владимир Александрович! — В родовом зале флегматичный и вечно унылый Гвоздев моментально преобразался в бодрого энергичного доктора. — Побеседуете с ним, Мария Павловна?

— О чем? — прошелестели тонкие пересохшие губы.

— Здравствуйте, Мария Павловна. — До гвоздевской бодрости Данилову было далеко. — Давайте обсудим вопрос с обезболиванием родов...

— Нечего обсуждать, доктор.

— Дайте, пожалуйста, мне высказаться, — попросил Данилов, — ведь я же действую в ваших интересах. Обезболивание поможет вам сберечь силы, рационально ими распорядиться...

Он говорил минут пять, не меньше. Роженица согласно кивала, давая понять, что слышит и понимает, что ей говорят, время от времени стонала, один раз даже вскрикнула, но от обезболивания все же отказалась.

Сделав запись в истории, Данилов вышел из родового зала с какой-то необъяснимой уверенностью в том, что очень скоро он снова встретится с несговорчивой Марией Павловной.

Срочный вызов в родзал отделения наблюдения поступил без пяти двенадцать.

Не больше минуты потребовалось Данилову и медсестре Вере для того, чтобы добежать до места.

Залитый кровью пол, окровавленные одежды, врачи и акушерки, исполняющие одним им ведомый танец вокруг кровати, на которой лежит обнаженное, белое как мрамор тело. Раскинутые в стороны руки безвольно свешиваются с кровати, из-под полуприкрытых век видны белки закотившихся глаз, застывшее выражение лица...

Здравствуйте, ангелы, это я...

Формально женщина еще здесь. Сердце продолжает сокращаться, время от времени судорожный вдох сменяется столь же судорожным выдохом. Еще функционирует мозг, еще сохраняется реакция зрачков на прямой яркий свет... Но на самом деле пациентка уже там, за гранью, отделяющей жизнь от смерти. И от врачей требуется сделать все возможное, а если получится, то и невозможное, чтобы вернуть ее обратно.

Вернуть и удержать. Убедить остаться.

Бывают моменты, когда на осмотр время практически не тратится — ведь все понятно и так. Что толку измерять давление, если и без того ясно, что оно обрушилось до нулей.

— Послед отошел и потекло, — сообщил Гвоздев, возившийся между разведенных в стороны ног пациентки.

Данилов знал, что заведующий отделением сейчас пытается остановить кровотечение, накладывая зажимы на шейку матки. Зажимы должны пережать артерию. В спокойном состоянии эту операцию выполнить довольно просто, но когда из матки полноводным ручьем льется кровь — гораздо сложнее.

Атоническое кровотечение отличается от гипотонического полным отсутствием тонуса — и сократительной способности матки. Какие-либо лекарства при этом совершенно бесполезны. Спасение только в операции, но для того чтобы взять родильницу с атоническим кровотечением на операционный стол, следует принять срочные меры для того, чтобы на стол она легла еще живой. Покойников оперировать бессмысленно. Умерших вообще никогда не оперируют — их только вскрывают.

Пока Данилов устанавливал подключичный катетер, в который тут же полился реополиглюкин, интубировал и подключал пациентку к наркозно-дыхательному аппарату, Гвоздев делал свое дело — пытался остановить кровотечение.

Массивной кровопотерей в родах считается потеря полутора литров крови. На глазок кровопотерю точно определить нельзя, но при известном опыте примерно прикинуть можно. Мария явно потеряла не меньше полутора литров крови. Если не больше.

— Из детской реанимации звонили, — сообщил от дверей женский голос. — Умер ребенок-то.

— Он был не жилец, всего на один балл потянул, — отозвался Гвоздев, вводя во влагалище тампон, смоченный эфиром.

Испарение эфира, обладающего высокой летучестью, создает местный охлаждающий эффект, который стимулирует сокращение матки.

— Везем в операционную, и кровь туда же! — скомандовал Данилов.

Пока еще оставалась надежда на то, что женщину удастся спасти.

Нигде, наверное, не видно слаженную работу персонала так хорошо, как при транспортировке тяжелых, по-настоящему тяжелых пациентов. Двое плавно, но быстро катят каталку, третий с той же скоростью перемещает аппарат искусственной вентиляции легких, четвертый (или четвертая, но это уже без разницы) катит передвижной стол с тем, что еще может понадобиться...

Путь до операционной короток — два десятка шагов по коридору. Гвоздев с Рубановой сразу же бросились обрабатывать руки, а Данилов с Верой и двумя акушерками проследовали к операционному столу. Аккуратно и осторожно, в восемь рук, перегрузили пациентку на стол, и дальше уже каждый занялся своим делом.

— Кровь, доктор, вторая положительная. — Данилову протянули флакон с кровью и «тарелочку» с ячейками, в каждой из которых капля крови была смешана с определенной сывороткой.

— Вера, займись, — попросил Данилов.

На Веру можно было положиться. Не подведет. Нарушение, конечно, ведь Вера не врач, но бросить пациентку в таком состоянии и долго и обстоятельно (а иначе никак) заниматься подготовкой к переливанию Данилов не мог. Опять же — если дело все-таки дойдет до операции, то кровь понадобится, еще как понадобится.

В инструкции по переливанию крови и ее компонентов сказано, что перед тем как перелить кровь или плазму, врач должен удостовериться в пригодности ее для переливания и убедиться в идентичности обозначения группы крови и резус-принадлежности донора и реципиента.

Вера с одного захода поставила кубитальный катетер на левой руке пациентки. Учитывая, что при кровопотере вены спадаются, этот трюк по сложности исполнения можно было приравнять к дозаправке самолета в воздухе. Осмотрела флакон, заглянула в

«тарелочку» и занялась подготовкой к переливанию.

Данилов ускорил введение полиглюкина, подключил пациентку к монитору, пощупал пульс на сонной артерии и измерил давление. Семьдесят пять на сорок. Неужели смогли?

Операционная сестра тем временем обложила операционное поле стерильными салфетками, обработала кожу йодом и спиртом и бегло проверила инструменты.

— Можно, Владимир Александрович?

В операционную вошли Гвоздев и Рубанова, вымывшиеся и переодетые в стерильную одежду.

— Чуть позже, — сказал Данилов, переподключая пациентку с аппарата искусственной вентиляции легких на наркозно-дыхательный аппарат.

Тотчас же, словно издеваясь над собравшимися в операционной, пронзительно загудел монитор.

Остановка сердца. Волнистая линия (сорок ударов в минуту) сменилась ровной.

— Куб адреналина в катетер! — крикнул Данилов, со всего маху нанося удар по груди пациентки.

Сила удара была такой, что тело подскочило, словно пытаясь сложиться напополам, но ровная линия на мониторе осталась прежней. Ни единого признака сердечных сокращений.

Вера ввела в катетер раствор адреналина в сочетании с раствором хлорида кальция и посмотрела на Данилова.

Операционная — это не машина «скорой помощи», не лестничная клетка, не тесный закуток в однокомнатной хрущобе и не смятый в аварии автомобиль. Тепло, светло, сухо, чисто, удобно, просторно, да и помощников много. Вот только на успех реанимационного пособия все эти факторы влияют мало.

Данилов никогда не мог объяснить самому себе, почему одни и те же действия для пациентов с одними и теми же заболеваниями и в схожих условиях в одном случае помогают, а в другом — нет. Вроде бы все правильно, вроде бы все как всегда. Кажется, что еще одно усилие, еще одно нажатие на грудную клетку, еще одна инъекция и...

Увы, чудеса случаются нечасто, даже если доктор — настоящий волшебник.

— Набери еще два куба адреналина!

Данилов положил левую ладонь на грудную клетку пациентки так, чтобы его пальцы не касались грудной клетки. Правая рука легла на левую под прямым углом. Получился своеобразный блок из двух рук. Объединив руки, врач получает возможность нажимать на грудину не только быстро, но и сильно. Смещаясь сантиметров на пять книзу, грудина сдавливает сердце, выталкивая кровь из его полостей в сосуды большого и малого круга кровообращения. Когда давление рук прекращается, грудина возвращается в исходное положение, а сердце расправляется, наполняясь кровью, поступающей в него из венозного русла.

Искусственную вентиляцию легких проводил аппарат, поэтому Данилов мог заниматься только сердцем. Сейчас работали он и Вера, все остальные молча ждали, когда будет можно начать операцию и можно ли будет начать ее вообще.

— Скорый в заступление и крепкий в помощь, предстани благодатию силы Твоя ныне, и благословив укрепи, и в совершение намерения благаго дела рабов Твоих произведи... — Через каждые три-четыре слова операционная сестра осеняла себя крестным знамением.

— Вера, повтори адреналин! — велел он на двухсотом нажатии.

Наркозно-дыхательный аппарат исправно раздувал легкие. Данилов нажимал на грудину, операционная сестра безостановочно читала молитвы, а все остальные молча ждали, чем закончится реанимация.

Тридцать минут, более двух с половиной тысяч нажатий, ровная линия на мониторе...

— Вас сменить? — дважды или трижды предлагал Гвоздев.

— Вам нельзя размываться! — уверенно отвечал Данилов.

Прекратив пособие, он, не глядя ни на кого, отошел от стола, постоял так несколько секунд и вышел из операционной, бросив на ходу:

— Жду историю.

— Что за жизнь! — Гвоздев не снимал, а просто срывал с рук перчатки. — Чего бы ей не согласиться на кесарево?! Были бы оба живы, и она, и ребенок!

— Этого никто не знает, — вмешалась операционная сестра, помогая ему снять хирургический халат. — Не корите себя, Юрий Павлович.

— Ой, а я ведь так мужу и не позвонила! — всплеснула руками Рубанова.

— Я ему звонил, Марина Витальевна, — обернулся к ней Гвоздев, — и что толку? Он сказал — как жена решит, так и будет.

— И что? — спросила операционная сестра.

— И ничего! Дал отбой. Ладно, что мы тут столпились?.. Пойдемте отписываться.

Гвоздев вышел первым. За ним потянулись остальные. Рубанова подошла к умершей и рукой закрыла ей глаза.

— Бедная несчастная дурочка!

Став акушером-гинекологом, Марина Рубанова никак не могла решиться родить: слишком много навила она на работе. Разумеется, не следует все примерять на себя, но тем не менее... Муж-журналист поначалу относился к причуде Марины с пониманием, но в последнее время начал терять терпение. Марина его понимала — годы проходят, а ничего не меняется. Она уже почти решилась удалить спираль на следующей неделе, как вот... Дурной знак.

Громко стуча ногами (и почему у младшего медицинского персонала такая тяжелая поступь?), в операционную вошла толстая приземистая санитарка по прозвищу «Нюра-колобок».

— Поможете? — пробурчала она, не глядя на врача.

— Я сейчас пришло кого-нибудь! — Рубанова бросилась к выходу, сдерживая слезы.

— Доктора-а-а! — презрительно скривилась Нюра. — Верно говорят — ученые работать не любят.

Придвинув каталку вплотную к операционному столу, она застопорила ее нажатием ноги на тормоз, а затем взялась руками за тонкие лодыжки умершей и перетянула нижнюю часть тела на каталку. Рывок за правую руку — и вот уже тело лежит на каталке.

— Ручки на каталку положить надо. Нельзя враскорячку, — строго сказала санитарка, укладывая руки умершей вдоль тела.

Подходящей чистой простыни под рукой не нашлось, поэтому Нюре пришлось сходить за простыней в предродовую. Вернувшись в операционную, она столкнулась в дверях с операционной сестрой.

— Где вас всех носит? Все сама — и переложи, и за простынями бегай...

Вдвоем женщины отвезли каталку с телом в кабинет, на двери которого висела табличка «Материальная». Дальше все как обычно — на запястье обмытого тела крепится бирка из подкладной клеенки, на которой пишутся фамилия, имя, отчество, возраст умершей и дата ее смерти. Маркированный труп с полагающейся сопроводительной документацией направляется на патологоанатомическое вскрытие.

Смерть в родильном доме, к счастью, явление довольно редкое, поэтому патологоанатомические отделения при роддомах не предусмотрены. Трупы направляют на вскрытие в медицинское учреждение, к патологоанатомическому отделению которого «прикреплен» роддом.

Через стенку от «материальной», в манипуляционном кабинете два ординатора первого года предавались пороку — втихаря курили в открытое окно. Конспирация поддерживалась на должном уровне — курильщики стояли так, чтобы их нельзя было увидеть из других окон.

— К отцу недавно прицепился кто-то из прооперированных, юрист по образованию, — рассказывал один. — «Неправильно получается, — говорит, — вот вы, доктор, мне желчный пузырь удалили, а никакой гарантии на вашу работу не существует».

— Продвинутый, — оценил второй, безуспешно пытаясь выпустить дым кольцами. —

А отец чего?

— «А вам в роддоме гарантийный талон выдавали? — спросил. — С датой и круглой печатью? Нет? Тогда какие ко мне могут быть вопросы?»

— Здорово отбрил!

— Наповал.

Ординаторы заржали так громко, что на шум прибежала одна из акушерок...

Данилов недолго хандрил. Дежурство оказалось хлопотным — кое-какие проблемы с пациентками в реанимации, обезболивание родов, две срочные консультации в отделениях, последняя из которых вылилась в экстренное кесарево сечение.

— Похоже на эпилепсию, — поморщилась Мжаванадзе, дежурный врач из отделения патологии беременности.

— Согласен, — кивнул Данилов, глядя, как по простыне расплзается желто-коричневое пятно.

— Сначала у нее лицо задергалось, потом одна рука, потом другая рука...

Соседка по палате явно была напугана произошедшим. И то сказать — сидели две беременные женщины друг напротив друга, беседовали о том, кому когда придет срок рожать, или еще о чем-нибудь, как вдруг одна из собеседниц захрипела, сползла на кровати и затряслась.

— Не волнуйтесь, пожалуйста, — мягко сказал Данилов. — Все уже позади.

Он посмотрел на Мжаванадзе, ожидая ее решения. Судорожный припадок удалось купировать быстро. Оставалось решить, что дальше делать с пациенткой.

— Ясно что — кесарево сечение. Эпилепсия — прямое показание к этой операции. Вопрос — когда? Оперировать прямо сейчас, по дежурству или отложить решение вопроса до утра?

Экстренное кесарево сечение, проведенное сразу же после припадков, без стабилизации состояния беременной, подвергает и мать и ребенка существенному риску развития осложнений. С другой стороны, если это эпилепсия с редкими припадками, то можно и не торопиться. С третьей стороны, если припадки начнут повторяться, то...

— Я наблюдаю за ней, — сказала Мжаванадзе. — Спасибо, Владимир Александрович. Полвторого ночи. Можно и подождать до утра.

— Хорошо, Нино Автандиловна.

Данилов и сам не любил ненужной спешки. Поспешишь — людей насмешишь...

Во время утренней конференции он получил за все разом — и за умершую до начала операции, и за ту, что устроила судорожный припадок.

— Хорошая работа — это не упражнения по непрямому массажу сердца, — вещал главный врач. — Хорошая работа — это недопущение подобных состояний! Я все понимаю — атоническое кровотечение есть атоническое кровотечение, но к моменту перевода из родзала в операционную кровотечение уже было остановлено, не так ли? И если судить по записям в истории болезни, то...

Данилов слушал главного врача и удивлялся отсутствию головной боли. Казалось бы, налицо все факторы, ее вызывающие, — бессонная ночь, усталость, взвинченные нервы. Однако надо же — голова не болит, и все тут!

«Иммунитет вырабатывается, — решил Данилов. — Глядишь, так и совсем поправлюсь. У-у, Джеки Чан чертов...»

«Джеки Чаном» за незнанием истинного имени Данилов прозвал китайца с эпилепсией, который пару лет назад ударил его по голове обрезком водопроводной трубы. Так бывает на «скорой»: приезжаешь на вызов и получаешь от пациента фатальный сюрприз и долгую, если не вечную, память в виде посттравматической энцефалопатии с частыми приступами головных болей. Боли были разными: давящими, распирающими, жгучими, а порой и такими, что сразу не поймешь. Хорошая память о работе на «скорой помощи», ничего не скажешь.

Словно былинный сказитель, главный врач плавно перешел от одного мнимого

даниловского греха к другому:

— А чем, как не нежеланием работать, можно объяснить то, что роженица с судорожным припадком неясной этиологии была оставлена без вашего наблюдения?

— Она была оставлена под наблюдением дежурного врача, — ответил Данилов.

— Но ведь вас тоже вызывали к ней, доктор, не так ли? Отсутствие припадков в анамнезе, не совсем ясная пациентка, угроза состоянию плода... Разве все это вас не озадачило?

Гавреченков снял очки, протер их краем своего белоснежного халата и вернул на место.

— Или вам больше нравится заниматься реанимационной гимнастикой, нежели думать головой? Я жду ответа, Владимир Александрович.

— Это я жду ваших объяснений, Алексей Емельянович! — сорвался Данилов. — Или мы сядем и вместе изучим должностные инструкции и всякие другие нормативные документы? Уточним, кто должен наблюдать пациенток, лежащих в отделении, а заодно я покажу вам, как на самом деле называются те действия, которые вы именуете «реанимационной гимнастикой»? Может быть, прямо здесь и начнем? При свидетелях!

Зал замер в ожидании. Скандал во время утренней конференции, да еще такой громкий, — нечастое явление в родильном доме.

Гавреченков, не ожидавший отпора, покраснел. Нижегородова, сидевшая рядом с ним в президиуме, то ли возмущенно, то ли удивленно покачала головой.

Данилов стоял справа от начальственного стола, там, куда выходили для доклада дежурные врачи, и ждал продолжения дискуссии. Чесались кулаки, во рту пересохло, левая нога вдруг стала непроизвольно подергиваться.

«Пусть только попробует еще что-нибудь вякнуть!» — стучала в голове одна-единственная мысль.

Алексею Емельяновичу нельзя было отказать в интуиции, даре всех карьеристов. Он не стал продолжать, не стал возражать и не стал возмущаться, хотя по тому, как дрожали его губы, было видно, что напускное спокойствие дается ему нелегко.

— Отдохните после дежурства, Владимир Александрович, а позже мы продолжим наш разговор, — отечески-покровительственно сказал он и, явно опасаясь, что Данилов может выкинуть еще какой-нибудь фортель, добавил: — Наталья Геннадиевна, прошу вас.

Данилову пришлось отойти, чтобы пропустить заведующую детской реанимацией. Он уселся в первом ряду, прямо напротив главного врача, уверенный, что сразу по окончании конференции последует вызов к начальству.

Странное дело: доцент Сапожков, традиционно сидевший в президиуме, украдкой подмигнул Данилову и показал оттопыренный большой палец. Данилов в ответ улыбнулся.

Гавреченков стойко избегал встречаться взглядом с Даниловым. Объявив конференцию завершённой, он показательно увлекся беседой с Нижегородовой. Данилов понял, что главный врач хочет как следует продумать собственную тактику построения разговора, и ушел в ординаторскую.

— А что, я считаю — правильно! — Вознесенский предусмотрительно одобрил поступок Данилова только после того, как они вдвоем вышли из лифта. — Сколько можно на нас бочку катить?

— Можно было и на конференции высказаться... — сказал в пространство Данилов.

— Не люблю я ненужной публичности, — не смутился заведующий. — И пафоса лишнего не люблю.

— Я тоже не люблю, — ответил Данилов. — Ну что — на обход в реанимацию?

Дежурить в стационарах врачи могут по-разному. Рабочий график может состоять только из дежурств, и тогда после сдачи смены можно на двое-трое суток идти домой. График может быть и другим: ежедневная работа с понедельника по пятницу, суббота и воскресенье — выходные дни. В подобных случаях врачам приходится отрабатывать положенные по табелю часы после дежурства. В принципе, ничего сверхтяжелого, ко всему можно привыкнуть.

После обхода Данилов около получаса заполнял карты в ординаторской, затем провел эпидуральную анестезию на повторных родах, а с часу до трех доблестно боролся со сном на нуднейшей лекции по гражданской обороне, которую читала Бритвина, заместитель главного врача по клинико-экспертной работе.

Лекция была посвящена тому, как должен действовать персонал при угрозе взрыва родильного дома. Бритвина, обычно немногословная, во время лекций превращалась в многоречивую рассказчицу, постоянно возвращающуюся к уже упомянутому. За огромные очки маленькую тщедушную Бритвину в роддоме прозвали Стрекозой.

Наконец выговорившись, Бритвина затеяла опрос аудитории, желая выяснить, как кто и что понял. Дошла очередь и до Данилова.

— Вы даете эндотрахеальный наркоз во время кесарева сечения и слышите сигнал общей тревоги. Ваши действия?

— Продолжаю давать наркоз.

— И все?

— И все. Остальное потом, когда трубку вытащу.

— Спасибо, Владимир Александрович, — вздохнула Бритвина и оставила Данилова в покое.

— Год назад на лекции по холере акушерка из обсервации ляпнула, что экскременты холерных больных стерилизуются кипячением, — шепотом сказала Ахметгалиева, сидевшая рядом. — Так у Стрекозы форменная истерика была. Никогда не видела ее в таком исступлении. Прыгала по подиуму и орала: «Вы дома что, тоже говно кипятите?» А та ей так гордо отвечает: «У меня дома холерных засранцев нет!» Шоу!

Данилов представил себе процедуру стерилизации кипячением и улыбнулся.

— А как надо? — обернулся из переднего ряда Сахаров.

— Замораживанием! — отрезала Ахметгалиева.

После лекции Данилов ушел домой, так и не повидавшись с главным врачом.

На следующий день Гавреченков тоже его не вызвал. Данилов решил, что главный врач сделал определенные выводы и впредь не позволит себе заходить так далеко.

Вечером он совершенно неожиданно для себя рассказал об инциденте Елене. Вышло так: сначала жена заметила, что Данилов явно не в своей тарелке, и чутье сразу же подсказало ей причину. Данилов подтвердил, что да, у него умерла пациентка, хоть и по собственной глупости, но тем не менее... Елена поинтересовалась возможными последствиями, Данилов ответил, что при новом главном враче последствия могут быть самыми неожиданными, и подробно обо всем рассказал.

— Ты, конечно, сам знаешь, как тебе поступать, — подвела итог Елена. — Но от таких начальников, как ваш Гавреченков, лучше держаться подальше. В конце концов, лучше менять работу с незапятнанной репутацией, чем делать это после того, как тебя вываляют в грязи.

— Бегство — не лучший выход, — возразил Данилов. — Что теперь, каждые полгода работу менять?

Глава восемнадцатая

СМЕРТЬ НА СТОЛЕ

Нарушения ритма сердца, такие, как желудочковая тахикардия, экстрасистолия или фибрилляция желудочков, могут возникать во время наркоза по разным причинам.

Но бывает и так: все сделано правильно, просто идеально, а нормальный ритм вдруг соскакивает в смертельный галоп. И невозможно понять, почему так случилось. Да и некогда искать причину, надо срочно устранить следствие, вернуть сердце в нормальный ритм работы, иначе пациент может умереть. Прямо на операционном столе. Очень быстро.

День не заладилась с самого утра. Елена со вчерашнего дня не могла смириться с Никитиными тройками в четверти по математике и русскому и за завтраком снова. начала

отчитывать сына. Слово за слово, завязалась перепалка. Данилов дважды попытался напомнить, что через несколько дней наступает Новый год, но это не помогло снять напряжение. Когда они с Еленой спустились во двор (Никите сегодня надо было идти ко второму уроку), то увидели ее «Нексию», осевшей на левый бок. Какой-то злой шутник проколол сразу оба левых колеса — и переднее, и заднее.

— Что за жизнь! — Елена поочередно попинала спущенные скаты.

— Ни с кем не ругалась? — Данилов обошел машину кругом и не нашел других повреждений.

— Во дворе — нет. У метро, правда, вчера сцепилась с одним уродом, который оставил тачку во втором ряду и пошел за сигаретами, но перепалка была недолгой, и вряд ли он стал бы отслеживать меня до Реутова, чтобы здесь проколоть колеса. Это кто-то меня с кем-то спутал. Ладно, побежали на остановку...

— Зря ты Никите мозг выедаешь за тройки, — не вытерпел Данилов, когда они вылезли из маршрутки. — Школьные оценки — такая чепуха. Я вот тоже троечником был.

— И твоя мама с этим мирилась? — взвилась Елена. — Может, еще по головке гладила и шоколадом кормила? Нельзя с малых лет становиться аутсайдером!

— Я это уже слышал, — ответил Данилов. — И вчера, и сегодня. Вон, наш троллейбус.

Роддом находился в двух остановках от подстанции «скорой помощи», на которой раньше работал Данилов и которой сейчас руководила Елена.

Придя на работу, Данилов узнал от старшей сестры, что его новогоднее дежурство переместилось с тридцать первого декабря на первое января. Сам факт новогоднего дежурства Данилова не огорчал. Дежурить на Новый год — удел всех новичков. Но ему еще в конце ноября было поставлено дежурство в последний день уходящего года, и на этом строились все личные планы.

Вдобавок между дежурствами в последний день уходящего года и в первый день нового существует огромная разница. Тридцать первое декабря — относительно спокойный день, когда все увлечены предстоящим празднованием настолько, что все остальные заботы отступают на задний план. Как ни странно, но согласно статистике, и рожают тридцать первого декабря меньше, чем первого января. Отдежурив в последний день уходящего года, врач приходит домой, несколько часов спит, а затем включается в ритм дальнейшего празднования вместе со всем прогрессивным и непрогрессивным человечеством. Тем, кто дежурит первого января, приходится идти на работу с тяжелой после хмельной бессонной ночи головой. Да, конечно, можно лечь спать в половине одиннадцатого. Но тогда ведь вообще никакого праздника не будет, а Новый год не так часто бывает.

— А в чем причина, Анна Сергеевна? — не совсем дружелюбно осведомился Данилов.

— Анатолий Николаевич угодил в кардиореанимацию с нестабильной стенокардией, — старшая сестра смутилась так, словно самолично довела доктора Клюквина до приступа, — вот и пришлось все перекраивать. Вам первого придется дежурить одному, но Илья Иосифович подстрахует вас из дома.

— Я все понял. — Данилов улыбнулся, желая загладить свою грубость.

— Вот и хорошо, — повеселела старшая сестра. — Пойду теперь Ростислава Юрьевича обрадую...

Сочувствовать несимпатичному Сахарову Данилов не стал.

Следующий сюрприз преподнес заведующий отделением:

— Владимир Александрович, возьмите на наркоз клюквинскую даму из гинекологии. Генварская, шестьсот десятая палата. Операция в одиннадцать.

Обращение на «вы» в данном случае подчеркивало, что спорить и возражать бессмысленно, да Данилов и не стал бы. Все правильно — нельзя отменять операцию из-за того, что один из анестезиологов заболел. Замена найдется всегда — анестезиологов в роддоме чуть ли не дюжина.

Хотя экстренно брать «чужих» пациентов на наркоз не любит никто. За короткое время приходится сделать очень многое. Познакомиться с пациенткой, изучить ее историю,

обсудить с оперирующим врачом операцию, уточнить еще не уточненное, выявить еще не выявленное, определиться с наркозом — и сделать все идеально.

— На конференцию можете не ходить, — добавил заведующий.

«Какая, к чертям, конференция, если до операции осталось меньше двух часов!» — Данилов взял из ординаторской тонометр и по лестнице поднялся на шестой этаж, вспугнув по пути двух девушек в линялых фланелевых халатах, украдкой куривших на лестнице.

Взяв на посту историю болезни, Данилов прочел ее прямо там, не заходя в ординаторскую. Утреннее оживление ему не мешало, он попросту не обращал внимания на то, что творилось вокруг.

Генварская Светлана, тридцать четыре года, москвичка, социальный работник, замужем, детей нет, плановая госпитализация по направлению поликлиники... Киста правого яичника. Информированное согласие на операцию вклеено, есть и информированное согласие на наркоз. Клюквин педант, все делает своевременно.

Киста — это полость, ограниченная капсулой и заполненная жидкостью. Киста у пациентки Генварской была крупной, с подозрением на злокачественный процесс. При подобных подозрениях удаленная киста отправляется на срочное гистологическое исследование еще во время операции. Если киста и впрямь окажется злокачественной, то операция может перерасти в удаление обоих яичников и матки вместе с лимфатическими узлами. «Да, удружил Анатолий Николаевич, дай ему Бог здоровья...»

Данилов заглянул в ординаторскую, понадеявшись на то, что доктор Подвыготская, которой предстояло оперировать пациентку, окажется на месте, но напрасно. В ординаторской было пусто, все ушли на конференцию.

Пришлось идти знакомиться с больной без предварительной беседы с коллегой.

В шестьсот десятой палате из трех коек было занято две. На одной лежала худая, коротко стриженная брюнетка, слегка похожая на французскую актрису Одри Тоту, а на другой — рыхлая полная блондинка. Брюнетка читала книгу в яркой обложке, а блондинка разговаривала по мобильному телефону. Говорила она тихо, почти шепотом.

— Здравствуйте, кто из вас Генварская?

— Я, — отозвалась брюнетка, захлопывая книгу и садясь на кровати.

Блондинка продолжала беседу, никак не отреагировав на появление Данилова.

— Меня зовут Владимир Александрович, я буду давать вам наркоз.

— Ой, а вы ничего не перепутали? У меня был другой анестезиолог, милый такой дядечка. Анатолий Никитич...

— Анатолий Николаевич. Он приболел, поэтому сегодня вами буду заниматься я. Возражений нет?

— Нет, конечно.

— Тогда начнем!

Данилов переставил стул, стоящий у окна к кровати своей пациентки. Та начала развязывать пояс на халате.

— Подождите пока, — остановил ее Данилов. — Сначала мы с вами побеседуем.

Он сел и первым делом спросил:

— К операции как, готовы?

— Не ужинала и не завтракала. Только стакан воды на ночь и стакан утром. Негазированной...

— Это хорошо, — похвалил Данилов. — А как общий настрой?

— Бодрый.

— Превосходно, Светлана Максимовна. Тогда перейдем к вашему прошлому. Чем болели раньше?

— Детские инфекции. Ангины. Оэрзе. — Пациентка виновато улыбнулась, словно сожалела о том, что больше никаких заболеваний назвать не может.

— Больше ничего?

— Нет.

- Операции были?
- Гланды вырезали в семь лет.
- Аллергия? Непереносимость к лекарствам?
- Нет, ничего...

Выяснив все, что ему было нужно, Данилов перешел к осмотру. Все было нормально. Слегка учащенный пульс можно было отнести за счет обычного предоперационного волнения.

— Вам про операцию рассказали? Что произойдет и как...

— Да, да! — закивала пациентка, натягивая халат. — Разрежут, посмотрят и будут решать, как и что именно удалить.

Очень важно заранее подробно обсудить с пациентом операцию, а также возможные риски и осложнения. Неплохо, чтобы пациенты имели представление о продолжительности восстановительного периода после операции. Это помогает правильно спланировать распорядок жизни.

— Хорошо, Светлана Максимовна. — Данилов встал. — Промоем вам для надежности желудок, сделаем укол и повезем в операционную. Не отлучайтесь, пожалуйста, из палаты.

— А я договаривалась с Александром Николаевичем, чтобы мне желудок шлангом не промывали, — заволновалась Генварская. — Я его сама промою, при помощи воды из-под крана и двух пальцев. Я пробовала однажды проглотить шланг на гастроскопии, но не смогла. Потеряла сознание.

— А вы хорошо промоете? Как минимум трехкратно?

Данилов предпочитал делать промывание желудка по правилам — с зондом, но настаивать не стал. Если пациентка ничего не ела более двенадцати часов, то можно обойтись и упрощенным вариантом.

— Пять раз промою! — заверила Генварская. — Все будет в лучшем виде. Мне Анатолий Николаевич объяснил, почему желудок должен быть пустым.

— Будь по-вашему, — согласился Данилов. — Только воду пить до тех пор, пока из ушей не польется. И не меньше трех раз!

Оживленную дискуссию он услышал сразу, как только вышел в коридор: в ординаторской отделения гинекологии доктор Подвыготская обсуждала с коллегами подготовку ко встрече Нового года, до которого оставалось всего два дня. Прервав обсуждение на несколько минут, она переговорила с Даниловым по поводу предстоявшей операции, а затем вернулась к праздничной теме.

Данилов спустился в свое отделение, наскоро выпил чашку крепкого кофе, сообщил медсестре Ире перечень того, что потребуется для наркоза, ознакомил ее с планом действий и вместе с ней вернулся в гинекологию за пациенткой.

Подвыготская вместе с ординатором Ниной Полосухиной уже мылась к операции. Рядом с маленькой Ниной высокая и плечистая Подвыготская казалась великаншей. «Неплохой эстрадный дуэт мог бы получиться», — подумал Данилов.

Генварская держалась молодцом: с любопытством смотрела по сторонам, но не истерила и с вопросами не приставала.

— Все будет хорошо, — обнадежил ее Данилов. — Перебирайтесь на стол.

— А я не упаду?

— Мы вас пристегнем, видите, вот этими ремнями.

Вообще-то эластичными ремнями оперируемых фиксируют к столу не для того, чтобы они не упали, а для того, чтобы они не дергались, начав испытывать боль во время операции. Бывает, что обезболивание проходит раньше времени.

Данилов установил пациентке подключичный катетер и влил в него виадрил, препарат для вводного наркоза. Спустя минуту пациентка заснула. Данилов интубировал ее и подключил к аппарату. С минуту понаблюдал за показаниями монитора, измерил давление, поочередно приподнял веки, чтобы посмотреть на зрачки, проверил рефлексы...

К этому времени операционное поле уже было готово — обложено стерильными

салфетками. Врачи и операционная сестра ждали команды анестезиолога.

— Можно начинать, — сказал Данилов.

— Спасибо, — оживилась Подвыготская. — Давай, Нина, начинай.

Нина сделала разрез на коже живота пациентки.

— Шире, шире! — посоветовала Подвыготская, стирая тампоном кровь. — Ей лишние два сантиметра в восстановительном периоде роли не сыграют, а работать будем гораздо удобнее. И быстрее.

Нина увеличила разрез.

Когда в операционной ране показался яичник, Подвыготская взяла инициативу в свои руки.

Оперируемая вела себя хорошо — и сердце сокращалось ритмично, и давление держалось на должном уровне.

— Смотри-ка, а тут она приросла, — сказала Подвыготская.

— Или проросла, — ответила Нина.

— Возможно... Таня, дай зонд с желобом...

Сигнал монитора прозвучал настолько неожиданно, что в первую секунду Данилов подумал о поломке. Нет, монитор работал нормально. Отказало сердце пациентки: вместо четких изломов обычных сердечных сокращений, отделенных друг от друга ровной линией, на мониторе высвечивались волны. Словно чья-то неуверенная рука бесконечно выводила букву «Л».

Фибрилляция желудочков — осложнение, угрожающее жизни. Вместо нормального сокращения — хаотические подергивания мышечных волокон. Сердце не бьется, прокачивая кровь, а трепещет, как жабры рыбы, оказавшейся на воздухе. Если фибрилляцию экстренно не прекратить — человек умирает.

Данилов рванулся к дефибрилятору, стоявшему наготове в двух метрах от него. В каждой операционной, в каждом оперблоке непременно должен быть дефибрилятор — переносной или на колесах. Исправный, заряженный или подключенный к сети, полностью готовый к работе. Это несложный прибор, его единственная задача — выдать электрический разряд нужной мощности.

Ира сдернула простыню, прикрывающую грудь пациентки, и отсоединила наркозно-дыхательный аппарат. Данилов пододвинул дефибрилятор к операционному столу, схватил электроды, прикрепленные к П-образным ручкам, и наложил их на грудь пациентки.

— От стола! — скомандовал он, чтобы все отошли на шаг и не касались ни пациентки, ни металлического стола, после чего дал разряд в четыре с половиной тысячи вольт.

Смысл дефибрилляции в том, чтобы остановить сердце мощным электрическим разрядом и дать ему возможность восстановить нормальный ритм.

Тело оперируемой дернулось, в воздухе запахло паленым.

Монитор продолжал надсадно пищать. Волны фибрилляции никуда не исчезли. Ира подсоединила к трубке, торчащей изо рта пациентки, дыхательный мешок и начала равномерно нажимать на него.

Данилов повторно наложил электроды, увеличив мощность разряда на целую тысячу, и снова скомандовал:

— От стола!

Последовал новый разряд. Тело пациентки снова дернулось, запах паленого усилился, но фибрилляция не прекратилась. Ира продолжила нажимать на дыхательный мешок. Данилов ввел в катетер шприц с раствором адреналина, который всегда был при нем во время наркоза, и в течение двадцати или тридцати секунд ритмично нажимал обеими руками на грудину пациентки, делая ей непрямой массаж сердца. Затем он дал еще один разряд и через десять секунд после него — четвертый.

Операционная сестра сменила Иру у дыхательного мешка. Ира набирала в шприцы и вводила в подключичный катетер препараты, а Данилов делал массаж сердца и пытался при

помощи дефибриллятора восстановить нормальный ритм. Подвыготская и Полосухина ждали, чем все закончится, стоя над открытой операционной раной...

Во время очередной серии нажатий на грудную клетку волнообразная линия на мониторе сменилась ровной.

Сердце остановилось.

Данилов с удвоенной энергией заработал руками. Пот застилал ему глаза, в висках жгло огнем, но он продолжал свое дело, не забывая отдавать распоряжения медсестре.

«Почему?» — билась в голове единственная мысль.

Действительно — почему?

Никаких предпосылок, неотягощенный анамнез, никаких вредных привычек, отсутствие нарушений водноэлектролитного баланса, отсутствие гипоксии, ведь операция, можно сказать, только началась... Реакция на наркоз? Чисто теоретически — нельзя исключить, но на практике...

— Давай! Давай же! — хрипел Данилов, обращаясь к своей пациентке. — Дава-а-ай!

Бесполезно, линия на мониторе так и оставалась ровной.

— Владимир Александрович, — первой решилась Ира. — Хватит, наверное, сорок с лишним минут прошло.

— Прошло... — эхом повторил Данилов.

Он отошел от стола, на котором лежало теперь уже мертвое тело, и попытался сделать несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы хоть немного прийти в себя. Перед глазами мелькали черные пятна, в ушах звенело.

— Реанимационное пособие оказалось неэффективным... — Данилов обращался не к окружающим, а к самому себе.

Ира начала наводить порядок на анестезиологическом столике, а операционная сестра занялась хирургическими инструментами.

— Рану зашивать? — спросила Нина.

— Ниночка, ты ординатор второго года и не знаешь, что после смерти с телом работает только патанатом? — удивилась Подвыготская.

— Я не знаю, — смутилась Нина. — В моей практике никогда не было ничего подобного.

— В моей, признаться, тоже, — ответила Подвыготская. — Пойдем размываться.

Проходя мимо Данилова, она остановилась, приобняла его за плечи и негромко сказала:

— Перекур и сто грамм коньяка — вот что срочно вам требуется, Владимир Александрович. У меня есть и сигареты, и коньяк.

— Спасибо, Полина Николаевна. — Данилов не ожидал от практически незнакомой ему Подвыготской подобного участия. — Только я не курю и не пью на работе. Не беспокойтесь — все нормально ровно настолько, насколько это может быть нормальным.

— Не знаю, интересно ли вам или нет, но у нее был рак; опухоль уже начала прорастать в кишечник, — продолжила Подвыготская, — и хотя на обследовании мы не нашли...

— Для меня это ничего не меняет, — ответил Данилов. — Но все равно спасибо.

— Пожалуйста, — ответила Подвыготская и пошла в предбанник — размываться и переодеваться.

Данилов почувствовал сильнейшее желание сунуть голову под ледяную воду.

— Ира, я буду в ординаторской.

— Хорошо, Владимир Александрович, — кивнула Ира. — Я через пять минут принесу карту.

Данилов заперся в туалете и долго стоял у раковины, ворочая головой в разные стороны и с наслаждением чувствуя, как постепенно уходит головная боль и начинают прибывать силы.

Главное — не закрывать глаза, потому что тогда из темноты проступает лицо Генварской. Еще живое, с доверчиво-настороженным выражением на лице.

Впервые в жизни Данилов искренне позавидовал Полянскому. Сидит себе на кафедре,

занимается молочно-кислыми бактериями или еще какой-то хренью, приносит пользу обществу и никогда не теряет своих пациентов за неимением таковых.

Какая же все-таки сволочная штука жизнь!

Хотелось кричать, хотелось вернуться в сегодняшнее утро, хотелось напиться и набить морду какому-нибудь нехорошему человеку. Хотя бы главврачу Алексею Емельяновичу.

«Хватит, пошел работать!» — скомандовал себе Данилов.

Он насухо вытер полотенцем голову, надел колпак и пошел в ординаторскую, надеясь, что она пуста и некому будет приставать к нему с расспросами и выражением сочувствия. Если он и нуждался в чем-то сочувствии, то только в Еленином. В их отношениях не было условностей — только искренность и конечно же любовь.

Глава девятнадцатая НОВЫЙ ГОД

Елена сразу поняла, что у Данилова случилось что-то очень неприятное, но дальше обычного «Как дела?», в ответ на которое последовало традиционное «Нормально», расспрашивать не стала. Вместо этого приготовила на ужин любимые даниловские бутерброды — шпроты, дольки лимона, черный хлеб, — которые сама считала нездоровой, совершенно не подходящей для желудка пищей. Тем более в сочетании с пивом.

— Какая роскошь! — притворно восхитился Данилов и заставил себя съесть под пиво два бутерброда.

Есть не хотелось совершенно.

— Что решила с машиной?

— Утром поеду на шиномонтаж. Договорилась с Лешей, он одолжит мне свою запаску.

— Колеса утром поменяю...

За окном крупными хлопьями валил снег. Данилов подумал о том, что утром все равно придется выкапывать машину из сугроба, так что и колеса заодно можно будет поменять. Очень уж не хотелось сейчас выходить на улицу.

— Леша поменяет, — перебила Елена. — Я уже договорилась. Он и на шиномонтаж со мной съездит — у него там все знакомые.

В каждом доме или хотя бы в каждом дворе непременно есть такой Леша — мужичок, у которого руки растут откуда положено и который знает всех мастеровых в округе. Этаким член всемирной ложи умельцев.

— А у нас новость! — с заговорщицким видом сообщила Елена, накрывая тарелку с оставшимися бутербродами фольгой и убирая ее в холодильник. — Угадай, кто на подстанции выходит замуж?

— Лена Котик! — не раздумывая, ответил Данилов.

— Кто тебе сказал? — удивилась Елена.

— Кому ж еще? — в свою очередь удивился Данилов. — Это уже четвертый раз? Или пятый?

Диспетчера Лену Котик, холеную манерную дуру, Данилов не любил.

— Четвертый.

— И кого она осчастливила на сей раз?

— Ты не поверишь! Какого-то чеха, работающего директором гипермаркета «О'ШОП» в Котельниках. Лена познакомилась с ним в фитнес-центре.

— Бедный чех, — вздохнул Данилов. — Нашел сокровище, ничего не скажешь.

— Одна радость, — Елена тоже не любила Котик, — она написала заявление по собственному желанию. Жена директора гипермаркета не может работать диспетчером на «скорой».

— Пойду поваляюсь у телевизора, — объявил Данилов, вставая. — Спасибо за бутеры. Да, вот что — мне дежурство перенесли с тридцать первого на первое.

— Вот и хорошо — встретим Новый год вместе! — оживилась Елена. — Представить

страшно, как давно мы этого не делали!

— Сейчас подсчитаю...

— Иди смотреть телевизор! — перебила Елена. — Не надо нести точность повсюду!

С великим наслаждением растянувшись на кровати, Данилов взял пульт, понажимал на клавишу прокрутки программ и остановился на MTV. Клипы — это то что надо. Клипы не напрягают — можно отключиться от действительности и погрузиться в свои мысли.

«А я договаривалась с Александром Николаевичем, чтобы мне желудок шлангом не промывали, — говорила Генварская, лежащая на операционном столе с разрезанным животом. — Я его сама промою, при помощи воды из-под крана и двух пальцев. Я пробовала однажды проглотить шланг на гастроскопии, но не смогла. Потеряла сознание».

Пробовала однажды проглотить шланг на гастроскопии, но не смогла. Потеряла сознание...

Ниже того места, где трахея раздваивается на два бронха — правый и левый, — пищевод граничит с левым предсердием. Введение гастроскопического зонда в пищевод может спровоцировать нарушение ритма сердца, если у пациента есть к тому предрасположенность.

Потеря сознания при гастроскопии может быть вызвана нарушением сердечного ритма. Кратковременное, преходящее нарушение, на которое никто не обратил внимание. В том числе и сама Генварская. Трудно глотать зонд, в какой-то момент человек теряет сознание. Ничего страшного — обморок, обычный обморок, банальный обморок.

Только вот чем он вызван?

Внезапно возникшим спазмом сосудов головного мозга?

Резким снижением артериального давления?

Или резким снижением уровня сахара в крови?

Или все же аритмией, нарушением ритма?

И ведь она говорила об этом. Сказала Клюквину, сказала ему, Данилову... И никто не отреагировал...

«Я пробовала однажды проглотить шланг на гастроскопии, но не смогла. Потеряла сознание».

— Вовка, ты что, молишься? — Голос Елены вернул Данилова в реальность. — Или ты пытаешься петь шепотом вместе с «Зе киллерз»?

Елена выключила телевизор, присела на кровать и предложила:

— Выкладывай все начистоту. Не заставляй меня терзаться догадками.

— Что выкладывать? — Данилов попытался закрыть тему. — Выкладывать нечего. Прилеж отдохнуть и послушать музыку.

— У тебя кто-то умер, — уверенно заявила Елена, откидывая назад со лба непослушную прядь. — И ты, как всегда, винишь себя в этой смерти.

— Я не виню, — Данилов закинул ногу на ногу, — я просто недоволен сам собой. Винить — бесперспективное занятие. Я анализирую и делаю выводы. И выводы эти совсем не в мою пользу.

— Может, имеет смысл обсудить это? — Елена запустила руку Данилову в волосы и ласково поворошила их. — Расскажи мне...

Данилов мягко отвел ее руку, помолчал с минуту и предупредил:

— Только не перебивай!

Он стал рассказывать все с самого начала. Елена слушала хорошо — не перебивала, не комментировала, не ахала и не охала. Только время от времени кивала головой, не столько согласно, сколько поощрительно — давай, мол, продолжай.

— ...Теперь ты поняла, что я не врач, а самонадеянный болван? — закончил Данилов.

Елена ничего не ответила, только недоверчиво сощурилась, отчего ее зеленые глаза стали чуть ли не карими.

— Если тебе нечего ответить, то лучше молчи, — одобрил ее поведение Данилов. — Это правильно. Твою моральную поддержку я чувствую и без слов.

— Данилов, давай представим, что мы с тобой — совершенно чужие друг другу люди.
— Елена умела сказать нечто совершенно неожиданное.

— Зачем? — От удивления Данилов попытался присесть, но Елена положила руку ему на плечо.

— Лежи, лежи и представляй.

— Ну, положим, представил, — Данилов все не мог понять, к чему клонит Елена. — А дальше что? Мы станем знакомиться заново?

— Нет, мы поговорим как два врача.

— Ах вот...

— Вот именно. Теперь ты слушай, а я буду говорить. — Елена уселась на кровати, скрестив ноги.

— Если бы ты была бы толстой и лысой, то походила бы на китайского бога богатства, — пошутил Данилов, но Елена настроилась на серьезный лад и шутить не собиралась.

— Разберем этот... случай. Что мы имеем? Женщину с подозрением на онкологию.

«Уже не имеем», — хотел поправить Данилов, но промолчал.

— По-любому — надо оперировать, так? Так. Время дорого — нужно как можно скорее снять или подтвердить онкологию.

Решая какую-нибудь сложную или мудреную проблему, Елена имела привычку задавать самой себе вопросы и сама же на них отвечала.

— Лапароскопия под местным обезболиванием здесь невозможна, верно? Верно...

Лапароскопические операции на внутренних органах проводятся через небольшие отверстия вместо традиционных больших разрезов. Главным инструментом при этом является лапароскоп — телескопическая трубка с системой линз и оптическим кабелем. Лапароскопия, — удобный, щадящий метод, но подходит он далеко не для каждого случая.

Для того чтобы лапароскопическими инструментами было бы можно работать, брюшная полость наполняется углекислым газом. Живот надувается, словно воздушный шар. Так создается необходимое оперативное пространство.

— Значит — надо идти на лапаротомию.² Без нее не обойтись и не стоит откладывать. Так? Так! Операция предполагала возможность удаления матки с придатками, так что о местном обезболивании и речи быть не могло, не так ли? Так. Значит — наркоз неизбежен. Да и вообще — абсолютных противопоказаний к наркозу не существует, верно? Верно.

Абсолютных противопоказаний к наркозу действительно не существует. Бывают только относительные.

— Клиники аритмии у нее не было? Не было. Соответственно лечить и предотвращать было нечего. Да, было в анамнезе указание на потерю сознания при попытке проглотить зонд, но что с того?

— Как что? — не выдержал Данилов.

— Первое! — Елена показала Данилову указательный палец. — Мог бы ты, даже подумав о некоей аритмии, принять какие-либо превентивные, страховочные меры? Нет, никаких. Разве что убедиться перед операцией, что дефибрилятор исправен и работает. Ты убедился?

— Это сделала сестра-анестезист.

— С первым пунктом закончили. Перейдем ко второму, — к указательному пальцу добавился средний. — Что мы имели после возникновения аритмии? Четко, грамотно и в срок оказанное реанимационное пособие.

— Стучал, пока не встал, мотор, качал, пока не остыло тело.

В усмешке Данилова было столько горечи, что Елена чуть было не разрыдалась. Глубокий вдох и несколько быстрых движений век помогли ей прогнать слезы.

— Оставим поэзию. Мы говорим как два профессионала. Обсуждаем и дискутируем, но

² Лапаротомия(греч.): «разрезание живота», хирургическая операция традиционным способом.

без эмоций и патетики. Третье! — Елена отогнула безымянный палец. — Передозировки и прочие косяки во время наркоза были?

— Нет, — твердо ответил Данилов. — Все как по нотам. Все по уму. Не мальчик уже.

— Мальчик, мальчик! — возразила Елена. — Никак, правда, не могу понять, в каком возрасте ты застрял. Иногда кажется, что в четырнадцать годах, а иногда — что в семи.

— Спасибо, — поблагодарил Данилов. — Наверное, приятно чувствовать себя соблазнительницей малолеток?

— Уж-жасно! — призналась Елена, наклоняясь к нему всем телом. — Невероятно повышает самооценку! Но давай закончим с делами... — Она вернулась в прежнее положение, почесала колено и подвела итог. — Так, где тут твоя вина? Я ее не вижу.

— Ты пристрастна.

— Отнюдь. — Елена покачала головой. — Я совершенно беспристрастна. Ты не мог действовать иначе, ты все сделал правильно, а сейчас прицепился к этому обмороку и растравляешь себе душу. И не только себе, между прочим!

— Но тем не менее моя пациентка умерла на столе...

— Данилов! — Елена повысила голос. — Это был несчастный случай, роковое стечение обстоятельств! Это ужасно, но в этом нет твоей вины!

— Вы ссоритесь? — в спальню заглянул Никита.

— Изыди! — рявкнула, не оборачиваясь, Елена.

Никита моментально втянулся в коридор, осторожно притворив за собой дверь.

— И потом, — Елена понизила голос, — это ты внушил себе, что обморок был вызван аритмией. А что, если это был гипогликемический обморок? Гастроскопию ведь делают натощак, не мне напоминать тебе об этом. Голод, падение глюкозы в крови — и вот вам результат! Чем тебя не устраивает такое объяснение?

Данилов не ответил.

Несколько минут они молчали. Елена сидела в прежней позе и смотрела на Данилова, а он отвернулся, не желая встречаться с ней взглядом.

Первой заговорила Елена:

— Знаешь, Вовка, если бы я знала тебя не так хорошо, я бы решила, что ты сходишь с ума от банальной гордыни.

— Это как? — Данилов повернул к ней голову.

— Ну, переживаешь за свою репутацию.

— Конечно, конечно... как же я, доктор Данилов, великий и ужасный, мог допустить такое... — с пафосом начал Данилов.

— Я же сказала — если бы я знала тебя не так хорошо, — напомнила Елена. — Но ведь это не гордыня, верно? Чего вскочил?

— Захотелось контрастного душа, — ответил Данилов. — А потом — стакан чая. Черного, как моя совесть, и горького, как моя жизнь. И никаких разговоров на профессиональные темы.

— Дурак ты, Данилов, — вздохнула Елена. — Хорошо хоть вежливый.

— Это почему? — Данилов остановился на пороге и обернулся.

— Другой бы просто сказал «заткнись, женщина», а ты в душ собрался, — улыбнулась Елена. — Ладно, иди, не стой столбом. Я пойду заварю чай, и устроим семейный совет, посвященный встрече Нового года.

— Я быстро, — пообещал Данилов.

Против ожидания контрастный душ не смог хоть сколько-то уменьшить головную боль. Прогнать столь простым образом тяжесть с души Данилов и не надеялся. Елена молодец — все сделала правильно, с учетом его, даниловской, противоречивой и многосложной натуры. Но она заведомо хотела подвести его к определенному выводу. Или — не хотела, а на самом деле так думала?

— К черту всю эту философию! — сказал льющимся струям воды Данилов. — В конце концов, мы собираемся встречать Новый год. Вместе мы не встречали его... Да, давно мы

его не встречали вместе.

Пустив напоследок холодную воду, Данилов ожесточенно растерся полотенцем, оделся и отправился на семейный совет, стараясь выглядеть веселым и бодрым. Бодрость, впрочем, симулировать не приходилось — она была закономерным следствием контрастного душа. Труднее было с весельем...

Встречать решили дома, а уже первого января поутру разъехаться. Данилов — в роддом, а Елена с Никитой несколькими часами позже — в гости.

— Попробуем еще раз пригласить к нам Светлану Викторовну? — предложила Елена.

На дважды сделанное предложение о совместной встрече Нового года мама Данилова отвечала, что очень устала за последнее время и что хочет встретить Новый год дома, в относительной тишине.

— Не надо — Данилов наконец-то дождался, чтобы чай немного остыл и можно было бы сделать первый глоток. О, божественный чай! — Она все равно откажется. Лучше заедем к ней все вместе второго числа.

— Я могу забрать тебя сразу после дежурства, — предложила Елена. — В четверть десятого, например?

— Кто ходит в гости по утрам, — отбивая ногами такт и раздувая щеки, начал Никита, — тот поступает гнусно!

— Лучше я приеду домой, приведу себя в порядок, придавлю пару часиков, и тогда поедем, — ответил Данилов. — Так будет лучше.

— Как скажешь, — согласилась Елена.

— Мам, а почему бы мне не встретить Новый год у Кирилла? — серьезно сказал Никита. — А?

— У тебя что — нет своего дома? — нахмурилась Елена. — Или тебе с нами скучно?

— Нет, — заерзал Никита. — Просто я подумал, что вы давно не встречали Новый год вместе, и вам будет приятно встретить его вдвоем, без меня. Получится очень романтично. В конце концов, это взрослый праздник!

Елена и Данилов переглянулись.

— Какую чепуху ты несешь, Никита! — Голос Елены стал строгим, если не суровым. — Как ты мог подумать, что...

— Подожди. — Данилов накрыл ладонь Елены своей, призывая ее к молчанию. — А как собираются встречать Новый год у Кирилла?

— О, круто! — оживился Никита, обрадовавшись, что его перестали отчитывать. — Старший брат берет его праздновать на дачу! Там будет настоящая живая елка, прямо на участке, и шашлык!

— А родители Кирилла тоже поедут на дачу? — сразу же уточнила Елена.

— Родители будут встречать дома, — скривился Никита. — Как всегда.

— Так и скажите, молодой человек, что вам хочется оторваться в молодежной компании, — улыбнулся Данилов.

— Так что, можно? — Глаза Никиты засветились счастьем. — Вы меня отпускаете?

— Никита, — вмешалась мать, — я еще не сошла с ума настолько, чтобы отпустить тебя на дачу с двадцатилетним раздолбаем и его друзьями! А уж то, с каким коварством ты пытался добиться своего, и вообще не делает тебе чести! Строил из себя... не знаю кого. Стыдись!

Никита раскаялся и был тут же прощен.

Новый год встретили тихо и спокойно. Салаты, шампанское, звонки с поздравлениями. В два часа ночи Данилов лег спать и проспал до семи, не слыша канонады, буйствовавшей за окном. Впрочем, сказывался кризис — фейерверков в нынешнем году было куда меньше, чем в прошлом.

Дежурство в первый день нового года тоже прошло спокойно, без эксцессов. Данилов был рад тому, что не пришлось присутствовать на операциях. Собственно говоря, первого января во всем роддоме не было сделано ни одной экстренной операции, такой уж удачный

выдался день. Одно слово — праздник.

Давать наркоз пришлось лишь девятого января во время экстренной операции кесарева сечения. Угроза разрыва матки и чрезмерное возбуждение роженицы делали невозможной спинальную анестезию.

Данилову пришлось сделать над собой определенное усилие, чтобы зайти в операционную. Пока он был занят с пациенткой, посторонние мысли не лезли в голову, но стоило удалить трубку из трахеи пациентки, как в памяти снова всплыли слова:

«Я пробовала однажды проглотить шланг на гастроскопии, но не смогла. Потеряла сознание».

«Нет, следовало все-таки отложить операцию на несколько дней и как можно скорее показать Генварскую кардиологу. Тот бы наверняка навесил ей на сутки небольшой, с две пачки сигарет, монитор, непрерывно записывающий сердечные сокращения. Возможно, суточная запись помогла бы определиться с диагнозом. Возможно, стоило бы назначить ей препараты калия. Возможно...»

Навалилась тоска, снова появилось чувство зависти к Полянскому.

«Ты идиот, Данилов, это только Елена считает тебя дураком, а на самом деле ты — полный идиот», — в который уже раз сказал себе Владимир.

Чтобы отвлечься, он попытался вспомнить что-то хорошее, но ничего не приходило в голову. Появилась тревога — Данилову показалось, что он упустил какую-то важную деталь из анамнеза только что прооперированной пациентки. Упустил нечто критичное, и это может негативно сказаться на послеоперационном восстановительном периоде.

Данилов снова перечитал историю родов и, не удовлетворившись этим, устроил уже полностью проснувшейся пациентке подробнейший допрос. Разумеется, не нашел ничего страшного, чреватого осложнениями, и немного успокоился.

По окончании новогодних каникул Данилова вызвала к себе Нижегородова. Произошло это в самом конце рабочего дня, поэтому времени для разговора у заместителя главного врача было достаточно — все неотложные вопросы уже были решены.

Нижегородова держалась с сотрудниками ровно, без лишней резкости и фамильярности. Расспросила Данилова о его действиях, попросила разъяснить кое-какие чисто анестезиологические подробности, а затем со вздохом сказала:

— Патологоанатомическое заключение — смерть от острой сердечно-сосудистой недостаточности. Будем разбирать на КИЛИ. Хотя что тут разбирать?

Комиссия по изучению летальных исходов занимается контролем качества медицинской помощи, оказанной умершим пациентам. Такие комиссии существуют в каждом стационаре. Рассмотрению на КИЛИ подлежат все без исключения случаи летальных исходов.

— Муж настроен спокойно, — добавила Нижегородова. — Я с ним долго беседовала, объяснила ситуацию, сообщила, что гистологическое исследование подтвердило муцинозную аденокарциному. Жаль, конечно, такая молодая женщина...

Данилову показалось, что заместитель главного врача хотела добавить: «...но все равно — не жилец», — но в последний момент передумала.

— Очередное заседание состоится в конце месяца, — продолжила Нижегородова. — Будем слушать годовой отчет по летальности и заодно разберем и ваш случай.

На этом аудиенция закончилась.

Глава двадцатая ЖЕРТВА ВОЗМЕЗДИЯ

Метод экстракорпорального оплодотворения — самый современный и очень популярный в борьбе с бесплодием. У женщины забирают несколько здоровых яйцеклеток, оплодотворяют их вне организма, в специальных условиях, сперматозоидами мужа, партнера или неизвестного донора, и вводят в матку. Дальше все как обычно: беременность, роды,

детский сад, школа...

Если, верить статистике, чуть ли не каждая седьмая супружеская пара в мире заводит детей при помощи ЭКО или искусственного оплодотворения.

Однако этот метод сложный и дорогой. Вначале женщине предстоит серьезное и многоплановое обследование с лечением всех мелких патологий и дефектов матки — таких, которые в обычной жизни не мешают, но могут свести к нулю всю затею. Затем пациентка долго принимает гормоны, стимулирующие выработку яйцеклеток — чтобы одновременно могло созреть несколько. Смена гормонального фона может в буквальном смысле временно свести пациентку с ума и здорово осложнить жизнь ее близким. После этого она отдает яйцеклетки — тоже не самая простая и приятная процедура. Потом, после того как доктора помещают оплодотворенные яйцеклетки в матку, пациентка проживает несколько дней в дикой тревоге: приживутся? не приживутся? а вдруг все напрасно? И наконец, если прижились все яйцеклетки — а обычно их подсаживают от трех до пяти, — женщине предстоит решить, скольких долгожданных малышей должен уничтожить доктор, чтобы дать развиваться остальным.

И нет гарантий, что это сработает в первый же раз. Иногда женщине приходится проходить два-три цикла процедур, чтобы забеременеть.

А ЭКО — очень дорогостоящий процесс. Оборудование эмбриологической лаборатории стоит недешево, дорого обходится поддержание в ней рабочего режима — строгое соблюдение определенных параметров температуры, влажности и многого другого, что требуется для успешного осуществления эмбриологического этапа экстракорпорального оплодотворения, в просторечии называемого «пробирочным».

Кроме того, много средств уходит на оплату труда квалифицированных специалистов. Гинекологи-репродуктологи, эмбриологи, анестезиологи, лаборанты различного профиля, акушерки... Всех им необходимо учиться и совершенствовать свое мастерство — и тоже не бесплатно.

Но это еще не все. Нельзя забывать о довольно дорогих расходных материалах для эмбриологической лаборатории и операционной и о недешевых лекарственных препаратах, употребляемых в процессе подготовки для стимуляции.

Бесплатного экстракорпорального оплодотворения приходится ждать подолгу, так велика очередь желающих. В роддоме поговаривали, что Ворхлюк, заведующий гинекологическим отделением, неплохо наживается на желающих сделать экстракорпоральное оплодотворение в срочном порядке, без очереди.

— Борька у нас баловень судьбы, — утверждал Вознесенский. — Богатый, красивый и холостой — что еще может быть нужно мужчине для полного счастья?

Сам Вознесенский был несчастлив уже в третьем браке. Жену он называл циркулярной пилой, а дочь-школьницу — лобзиком, и обе они без конца пилили Илью Иосифовича.

Ворхлюк и впрямь был красавцем. Высокий, подтянутый, большие наглые глаза, нос с горбинкой, волевой подбородок с ямочкой. Многие пациентки, да и не пациентки тоже, млели, едва заслышав низкий хриловатый голос Бориса Леонидовича. Молва приписывала ему множество романов, правда, без каких-либо доказательств. Личная жизнь заведующего гинекологией оставалась тайной для всех.

У Ворхлюка был один-единственный недостаток: он не умел и не любил оперировать. Зато он был хорошим организатором и великолепным диагностом. Чего еще требовать от заведующего отделением?

Вообще хирурги бывают трех видов: от Бога, нормальные и ни рыба ни мясо. Вроде и грамотный врач, и скальпель вроде правильно держит, и соображает нормально, а по количеству летальных исходов и послеоперационных осложнений стойко опережает всех своих коллег. Обычно такие невезучие люди сознают свою профессиональную несостоятельность и всячески стараются отблагодарить администрацию и товарищей по работе за терпимое отношение, безропотно дежурят по приемному отделению, с удовольствием встречают каждый Новый год на рабочем месте, приглядывают за чужими

больными, если лечащему врачу понадобилось съездить на шиномонтаж, утепляют на зиму окна в ординаторской, и так далее. Разумеется, коллеги любят и администрация ценит таких врачей за отзывчивость и покладистый нрав, но в операционную их стараются не пускать, разве что по дежурству, и то, если все напарники заняты чем-то важным. Да они и сами особенно не стремятся оперировать, зная, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Умные и сильные идут дальше: изо всех сил карабкаются наверх, делают карьеру, отдаляясь от операционного стола не вынужденно, а закономерно. Не царское это дело — скальпель держать, тут на руководство времени не хватает.

Единственной операцией, которую Борис Леонидович всегда делал сам, была пункция фолликулов, проводимая для получения яйцеклеток, подлежащих оплодотворению. Ультразвуковой контроль помогает избежать ранения крупных сосудов, вблизи которых находятся яичники.

Пункция фолликулов — болезненная операция, и потому она проводится под внутривенным обезболиванием. И пациентке комфортно, и врачу удобно. Пункции, проводимые Ворхлюком, всегда обезболивал Вознесенский, с другими анестезиологами Борис Леонидович работать не любил. Или, может быть, считал ниже своего достоинства.

Эффективность экстракорпорального оплодотворения невелика: не более тридцати — сорока процентов от общего количества процедур. И далеко не все пациентки (а также их мужья) воспринимают неудачу спокойно. Особенно если это не первая неудача...

Когда прозвучал выстрел, Данилов сидел в ординаторской и заполнял истории родов пациенток, которые сегодня переводились в отделения.

«Рвануло баллон? — подумал Данилов. — Или стреляют?»

Он выглянул в окно. Обзор с четвертого этажа открывался прекрасный: был виден не только двор родильного дома, но и часть бульвара. Везде царило спокойствие.

Данилов вышел в коридор. Тоже ничего необычного.

— Что это было? — спросил он у старшей сестры, проходившей по коридору.

— Сама хотела спросить, — ответила та. — Неужели кислород где-то взорвался?.. Но это не у нас.

Данилов вернулся к своей писанине, но ненадолго — спустя каких-то три минуты в коридоре послышались громкие голоса, среди которых самым громким был голос заведующего. Данилову стало ясно, что случилось нечто экстраординарное.

Действительно: в кресле, которое везли по коридору знакомые Данилову лишь в лицо медсестры из гинекологии, сидел и трясся мелкой дрожью Борис Леонидович. Бледный, с вытаращенными глазами и гримасой боли на лице. Левый рукав его халата был красным от крови.

Сбоку от каталки шел Вознесенский, на ходу отдавая распоряжения. За каталкой тянулась свита из любопытствующих сотрудников роддома. Но отрывкам фраз Данилов понял, что в заведующего гинекологией только что стреляли. В его собственном кабинете.

У двустворчатых белых дверей блока реанимации Вознесенский остановился, оттеснил медсестер-водителей от коляски и скомандовал:

— Всех чужих прошу бегом на выход! Не хрен вам тут делать! Владимир Александрович — прошу!

Данилов и так бы предложил свою помощь, но Илья Иосифович не выносил, когда что-то в отделении делалось не по его указке.

В реанимации Данилов с заведующим и старшей сестрой помогли Ворхлюку переместиться в кровать и улечься на спину.

— Ты первый мужик в моем отделении, — пошутил Вознесенский.

Первый мужик матерно выругался сквозь стиснутые от боли зубы.

На раненую руку прямо поверх халата был наложен резиновый жгут, препятствующий кровотечению из поврежденных артерий.

— Лена, ножницы, бинты, перекись! — приказал Вознесенский постовой сестре.

— Непереносимости каких-либо препаратов нет? — спросил у Ворхлюка Данилов.

Тот молча покачал головой.

— Я за промедолом!

— Хорошо, — разрешил Вознесенский. — Анна Сергеевна, заводите историю на Бориса Леонидовича.

Все верно: раненый госпитализирован в реанимацию, ему оказывается медицинская помощь, вводятся наркотики. Обязательно должна быть заведена история болезни — как иначе списывать наркотические препараты.

Данилов быстрым шагом прошел в ординаторскую, к сейфу, достал оттуда одну ампулу с промедолом, схватил со стола истории болезни переводных родильниц и отдал их старшей сестре, уже заполнявшей на посту историю на Ворхлюка.

— Организуйте, пожалуйста, перевод в отделение. И лучше поскорее, нечего им здесь делать.

— Пять минут, — пообещала старшая сестра.

Вознесенский измерял раненому давление.

— Сто пятьдесят на девяносто. Сейчас мы тебя обезболим и займемся раной.

— Куда? — спросила Лена, принимая у Данилова ампулу.

— Подкожно.

Лена закатала повыше рукав халата на здоровой руке Ворхлюка и сделала укол.

— Кровопотеря у тебя небольшая, это хорошо. — Вознесенский разрезал ножницами окровавленный рукав и занялся обработкой раны, действуя ловко, словно хирург.

— Не больно?

— Уже нет.

— Промедол пошел...

Гримаса боли на лице Ворхлюка сменилась умиротворенным выражением.

— Чем это он в тебя?

— Из охотничьего.

— Так, пулька в ране. Кость цела, артерия вроде тоже. Леонидыч, я сейчас сниму жгут, чтобы проверить. Ты не дергайся...

— Не буду, — пообещал Борис Леонидович, отворачиваясь, чтобы не видеть манипуляций Вознесенского.

— «Скорую» уже вызвали? — спросила Анна Сергеевна.

— Нет, — ответил Вознесенский. — Сейчас закончу и вызовем.

— Хочу в сто пятнадцатую, — сказал Ворхлюк. — Там все свои.

— Обеспечим, не волнуйся.

В реанимацию вошла Нижегородова.

— Как он?

— Все нормально, Валентина Владимировна! — успокоил ее Вознесенский. — Обезболили, обработали, сейчас переведем...

— В сто пятнадцатую... — снова напомнил раненый.

— Я помню. Анна Сергеевна, дайте историю на подпись Валентине Владимировне.

Если госпитализация чем-то отличается от обычных, то на истории болезни должна стоять подпись главного врача или его заместителя.

— Аня, ты зачеркни слово «родов» и напиши сверху «болезни», — сказала Нижегородова, возвращая подписанную историю старшей сестре. — Ну как вы, Борис Леонидович?

— Нормально, спасибо. Этого... — Ворхлюк замялся подыскивая подходящее слово, но так и не сумел его найти, — поймали?

— Его задержали охранники, — ответила заместитель главного врача. — Он попытался устроить драку, но ребята его скрутили и приковали наручниками к батарее в своей комнате. Ждем милицию. Ваш кабинет закрыли. Ох, что творится, среди бела дня...

К завтрашней утренней конференции произошедшее было реконструировано вплоть до мельчайших подробностей.

Муж женщины, у которой экстракорпоральное оплодотворение закончилось не беременностью, а абсцессом яичника, явился к Ворхлюку свести счеты.

Из-за абсцесса женщине пришлось удалить матку вместе с придатками; это значило — никаких своих детей, никогда.

Мужчина взял с собой ружье, разобранный и упакованный в чехол, — поэтому, собственно, охранники не встревожились.

Немного взволнованный мужчина с сумкой в руках — совершенно обычное явление в любом родильном доме. А в коммерческое отделение мужа допускаются в любое время, кроме ночного; никаких приемных часов.

Брошенный чехол нашли в туалете, расположенном в двух шагах от кабинета заведующего гинекологическим отделением. Похоже было на то, что именно здесь мститель собрал оружие.

Ворвавшись в кабинет Ворхлюка, мужчина громко, так, что было слышно чуть ли не по всему отделению, начал высказывать претензии. На шум прибежала старшая сестра гинекологии Оксана, которую по молодости все звали только по имени. Увидев в кабинете заведующего незнакомого мужика с ружьем в руках, Оксана взвизгнула и упала в обморок.

Поняв, что счет пошел на секунды, мститель выстрелил в Ворхлюка (все согласно пришли к выводу, что он метил в сердце, но слегка промахнулся и попал в левую руку), бросил ружье и выбежал из кабинета. Споткнувшись об упитанное тело Оксаны, он упал, но тут же поднялся и бросился к лестнице.

Охранник, дежуривший у входа для посетителей, не слышал выстрела и ничего не знал о происшествии. Но он два года прослужил во внутренних войсках и хорошо усвоил, что всех пробегающих мимо следует задерживать для выяснения обстоятельств, помешавших им идти спокойно.

Мститель с ходу попытался заехать охраннику в челюсть, но тот увернулся и в свою очередь сумел повалить противника на пол, причем так, чтобы оказаться сверху. Прибежавший на помощь напарник помог защелкнуть наручники на запястьях задержанного и оттащить его в комнату отдыха охраны.

Приковав второй парой наручников свою добычу к батарее, охранники вызвали по переговорному устройству

старшего смены, который как раз собрался подать своим бойцам сигнал общей тревоги.

Милиция приехала уже после того, как «скорая помощь» увезла Ворхлюка в сто пятнадцатую больницу. Свидетели и считающие себя таковыми были опрошены, а злоумышленник отправился в отделение.

Бориса Леонидовича прооперировали сразу же по поступлении, и состояние его не внушало никаких опасений.

Разумеется, главный врач не мог не отреагировать на произошедшее.

В начале «пятиминутки» Гавреченков произнес речь, растянувшуюся на четверть часа. Смысл ее сводился к напоминанию об ответственности врача за свои действия. От ответственности главный врач перешел к ужесточению пропускного режима.

— А я думала, что он охранников в каждое отделение посадит, — усмехнулась Ахметгалиева.

— Откуда такие деньги, да и куда их сажать? — возразил Вознесенский.

— Как — куда? — Ахметгалиева поиграла бровями. — В кабинеты заведующих. На огневые рубежи, так сказать...

Старшая медсестра гинекологического отделения получила благодарность в приказе за «решительные действия по предотвращению покушения на жизнь заведующего отделением».

— Оцените формулировку! — восхитилась Ахметгалиева. — Это ж прямо поэма в прозе!

— Фаина! — не поворачивая головы, одернул ее Вознесенский. — Тебе, кажется, в марте категорию подтверждать?

— Молчу, молчу! — В подтверждение своих слов Ахметгалиева даже зажала рот рукой.

— Но теперь мы будем строже относиться к самим себе! — Главный врач оседлал любимого конька и понесся вскачь. — Надо обращать внимание на любые мелочи, на самые незначительные нарушения...

«Кто о чем, а вшивый о бане», — подумал Данилов.

Одно дело — так наладить работу, чтобы все шло как по маслу, и совсем другое — постоянно разглагольствовать о дисциплине и изводить подчиненных придирками.

В ординаторской во время скорого утреннего чаепития насчет покушения на Ворхлюка не преминул высказаться Клюквин, вернувшийся на работу в середине января. За время болезни Клюквин отоспался и посвежел, но желчности своей не утратил.

— Да стопроцентно там был припутан и денежный интерес, — заявил он. — Не убеждайте меня, что Боря не ободрал этого типа как липку!

— Ну вы же не присутствовали при этом, Анатолий Николаевич! — упрекнул его Вознесенский. — Зачем зря говорить?

— Зря у нас и мухи не летают, — огрызнулся Клюквин, но дальше спорить не стал.

— Это просто неадекватный тип, — высказался доктор Морозов, считавшийся самым толстым врачом роддома.

У Игоря Морозова в его всего-то сорок лет было множество хронических заболеваний, которые вынуждали его то и дело уходить на больничный. Советы заведующего, касающиеся поиска более подходящей состоянию здоровья работы, Морозов пропускал мимо ушей, утверждая, что роддом стал для него родным домом, от которого просто невозможно отказаться по своей воле.

— Да ясно, что неадекватный! — ответил Вознесенский. — Кто говорит, что адекватный? Адекватные люди так себя не ведут! Адекватные люди не приходят в родильный дом с охотничьими ружьями.

— А вы за новостями следите, — посоветовал Клюквин. — Нынче такая мода — сводить счета с врачами при помощи Оружия. Вон, в Подольске один больной начмеда застрелил, в Красноярске врачу «скорой» на вызове заряд дробы в живот всадили, а в Пензе стоматологу из травматического пистолета глаз выбили! И это только три примера. Первое, что вспомнилось. Раньше мы были недовольны, когда на нас жалобы писали, а теперь — черт с ними, с жалобами, главное, чтобы не расстреливали. Вот он, звериный оскал капитализма!

Не желая присутствовать при очередной клюквинской лекции о преимуществах социалистического строя, Данилов поспешил покинуть ординаторскую.

Вслед ему неслось:

— Не надо меня «лечить»! Идите вы с вашим «изобилием»! Какое это изобилие, когда вокруг одно дерьмо, да и на него денег не хватает?

Клюквин не преувеличивал: на врачей действительно стали нападать с оружием. Вот и Елена раз в две-три недели рассказывала Данилову о чем-нибудь подобном. То алкаш, недовольный тем, что «скорая» не примчалась к нему через минуту после вызова, открывал прямо из окна пальбу по машине из пневматического ружья; то сотрудник вневедомственной охраны чуть было не пристрелил водителя, поцарапавшего бампер его «Тойоты»; то врач, отказавшийся госпитализировать пятидесятилетнюю истеричку, был вынужден иметь дело с ее столь же неадекватным мужем, вооруженным пистолетом. Хорошо, что пистолет оказался газовым, но это стало известно лишь после приезда милиции, вызванной соседями.

— Жить стало лучше, жить стало веселее, — негромко сказал самому себе Данилов.

Словно в насмешку, затылок сразу же запульсировал болью.

Пришлось возвращаться в ординаторскую за таблетками.

Глава двадцать первая ОСЛОЖНЕНИЯ

На первом в новом году заседании комиссии разбирались три летальных случая, к двум из которых Данилов имел отношение: смерть пациентки от массивной потери крови после родов в отделении наблюдения и смерть от аритмии на операционном столе. Третьей была смерть ребенка, чья мать умерла от потери крови.

Патологоанатомы на заседании не присутствовали — прислали вместо себя свои же заключения. Зато явился главный врач, которого никто не ждал. По установившемуся в роддоме порядку главный врач участвовал в работе комиссии по изучению летальных исходов лишь в двух случаях: когда ему надо было заменить своего отсутствующего заместителя и когда обсуждался летальный случай, повлекший за собой жалобы.

Оба случая «взрослой» смерти описывала Бритвина, заместитель главного врача по клинико-экспертной работе. Зачитала заключение патологоанатома по пациентке из отделения наблюдения, бегло прошла по истории родов, остановилась на оказанном реанимационном пособии и выразила надежду на то, что впредь врачи родильного дома будут более убедительно уговаривать пациенток на операции. Разумеется — по показаниям. Гвоздев пообещал, что не только примет сказанное к сведению, но и проведет с врачами своего отделения разъяснительную работу. Бритвина кивнула и перешла ко второму случаю.

— Как-то раз «скорая помощь» доставила в терапию бабушку — божий одуванчик. — Клюквин шепотом рассказывал своим соседям очередной случай из своей практики. — У старушки на улице закружилась голова, и она упала. Ничего особенного — банальный гипертонический криз. И упала удачно — на травку, ничего себе не сломала. На руках — паспорт, полис и даже месячной давности выписка из больницы. Из другой, не той, в которую на этот раз положили. В отделении бабулька сразу же сдружилась с соседками, рассказала им всю свою подноготную и выслушала множество ответных откровений. Короче говоря — влилась в коллектив. Попутно обаяла лечащего врача и заведующую отделением. Старушку ежедневно навещала дочь — хорошо упакованная дамочка лет тридцати. Все отделение сразу же узнало от разговорчивой мамы, что ее дочь занимается торговлей шубами — возит их не то из Турции, не то из Греции...

Второй случай разобрали еще быстрее, чем первый. Никаких вопросов по нему не возникло. Аритмия, реанимация, смерть. Что тут неясного? Ничего. И вины, если разобраться, ничьей нет, только злосчастное стечение обстоятельств.

— Где-то на пятый день бабулькиного пребывания в отделении ее дочь так прониклась симпатией к лечащему врачу, что предложила «устроить» ей норковую шубу за треть реальной стоимости. И ведь не обманула: назавтра действительно привезла шубу. Роскошную, без изъянов. И как и было обещано, отдала за треть рыночной цены. Доктор была на седьмом небе от счастья и долго рассыпалась в благодарностях...

— У меня все. Елена Владиславовна, прошу вас. — Бритвина посмотрела на заведующую отделением новорожденных, которая рецензировала историю болезни ребенка, умершего в детской реанимации.

— Подождите, Галина Аркадьевна, — вмешался главный врач, сидевший в первом ряду и до сих пор не проронивший ни слова. — У меня есть что сказать.

— «Да что вы, доктор, — возразила дочь, — это я вас должна благодарить за ваше отношение к моей мамочке. Ей тут у вас так нравится. Такие люди хорошие здесь работают... Ах! Ох! Ух!.. Да я готова всех шубами обеспечить, разве мне трудно лишний товар в контейнер загрузить? Только вот с обратными средствами у меня туго, оттого и приходится мотаться; за товаром каждые две недели. Но если люди дают деньги заранее, то — никаких проблем». В итоге захотело тридцать два человека. Бабулька исправно принимала деньги, писала расписки, аккуратно записывала размеры и пожелания. А дочь попросила заведующую отделением (тоже сдавшую деньги на шубы для себя и своей дочери) подержать мамашу в стационаре до ее возвращения из Греции-Турции. Чтобы душа была спокойна. Заведующая не возражала. Ей самой так было спокойнее — держать Божий Одуванчик у себя в отделении в виде своеобразного залога...

Главный врач не спеша встал, придал лицу скорбное выражение, поднялся на подиум, хозяйским взором оглядел зал и начал:

— Всегда печально говорить о смертях, особенно о смертях в родильном доме, там, где рождается жизнь, там, где не должно быть места смерти...

Данилову, сидевшему в третьем ряду, показалось, что главный врач сейчас вытащит из кармана халата платок и начнет утирать им слезы, но Гавреченков удовольствовался пафосом речи.

— В среду вечером дочь навезла маме впрок соков и всякой еды, сообщив, что завтра с утра едет за кордон. В субботу бабулька пошла гулять в больничном садике, да так и пропала. В понедельник заведующая вызвала милицию. Через несколько дней выяснилось, что паспорт вместе с полисом и выпиской был украден у одной пожилой дамы, которая пошла в поликлинику при паспорте, полисе и выписке, а вернулась домой без них. Такие вот дела.

— Давайте отставим бумаги и посмотрим на обе смерти с профессиональной, врачебной, небюрократической стороны! — призвал главный врач. — Что мы увидим? В первом случае — явную недоработку врачей. Даже не недоработку, а не побоюсь этого слова — халатность!

Выдержав паузу, главный врач вперился взглядом в Гвоздева и продолжил:

— Не напоминайте мне, пожалуйста, что в историю болезни вклеен отказ от операции, подписанный нашей умершей пациенткой. Я его видел, и не будь его, у нас с Юрием Павловичем был бы совершенно другой разговор. И даже не со мной бы пришлось... Ну, ладно. Я вообще-то о другом. Вот скажите мне, неужели адекватная женщина, которой врач говорит: «Вы умрете, если не сделать операцию, и ваш ребенок тоже умрет», способна отказаться от операции? Ни за что не поверю. Не по-ве-рю! Адекватная женщина в такой ситуации отказа не подпишет. Другое дело — если она неадекватна. Но тогда, пожалуйста, будьте любезны срочно вызвать психиатра и после его консультации решайте вопрос с мужем или другими родственниками.

Еще одна пауза. Сканирование взглядом притихшего зала, горький вздох сожаления, сжатые в ниточку губы.

— Получается так, что заведующему отделением проще взять отписку, прикрыть свою спину и предоставить беременную женщину слепой случайности.

— Алексей Емельянович, — Гвоздев решил оправдаться, — я разговаривал с ней при свидетелях! Она даже от обезболивания отказалась!

— Значит, следовало насторожиться и вызвать психиатра на консультацию. Срочно! Простите меня, Юрий Павлович, но не пристало главному врачу объяснять подобные вещи заведующему отделением. Согласны?

Гвоздев молча сел на место, сознавая, что его дни на посту заведующего сочтены.

Все врачи, сидевшие в конференц-зале, понимали, что вызов психиатра в данной ситуации ничего бы не дал. Во-первых, за три-четыре часа психиатр не придет, а, во-вторых, категорический отказ от операции ни в коем случае не является основанием для выставления психиатрического диагноза. Но никто не осмеливался возразить.

— Скажу еще пару слов, касающихся реанимационного пособия...

Данилов внутренне напрягся.

— ...Владимир Александрович очень добросовестный врач. — Небольшая пауза. — Некоторые наши сотрудники просто восхищаются той самоотверженностью, с которой доктор Данилов оказывает реанимационное пособие. Сказывается многолетняя работа на «скорой помощи». Но меня как главного врача гораздо больше радует не самоотверженность анестезиологов-реаниматологов, а снижение смертности. Следует уделять больше внимания нашим пациенткам *до того*, — Гавреченков сделал ударение на последних словах, — как они впадут в состояние клинической смерти. Хороша ложка к обеду, знаете ли, и потом...

Большая часть присутствовавших на заседании комиссии смотрела на Данилова сочувственно. Даже Федоренко и та украдкой подмигнула ему, держись, мол, перемелется —

мука будет.

Смысл сказанного главным врачом был ясен всем: доктор Данилов — старательный дурак. Данилов многое мог стерпеть или хотя бы попытаться — кроме обвинений в глупости и непрофессионализме. И гаденького тона, с которым были произнесены слова «сказывается многолетняя работа на «скорой помощи»».

Данилову приходилось встречать врачей, снисходительно или даже полупрезрительно относившихся к своим коллегам со «скорой помощи». Ничем, мол, эти «таксисты в белых халатах» на врачей не похожи. Они больше по больницам возить умеют, чем правильные диагнозы ставить и правильно лечить.

Лет пять-шесть назад в гостях некий кандидат наук, невропатолог из Первой градской больницы при Данилове назвал врачей «скорой» разъездными коновалами. Данилов заметил, что подобные заявления можно услышать только от идиота с дипломом медвуза, а не от врача. Кандидат-невропатолог оскорбился и предложил Данилову продолжить разговор на лестничной площадке. Данилов вышел, аккуратно, чтобы не переусердствовать (то есть не ломать костей), дал оппоненту в нос и вернулся к застолью.

Гавреченкову хотелось дать в нос не сдерживаясь, так, чтобы кости захрустели, превращаясь в крошево, а для остановки кровотечения понадобился бы килограмм ватных тампонов и километры бинта.

Дождавшись, пока главный врач закончит свое «импровизированное» выступление, Данилов медленно поднялся на ноги, чувствуя на себе взгляды всей аудитории.

— Прошу слова! — Для надежности Данилов спрятал кулаки в карманах халата.

— Пожалуйста, Владимир Александрович, — разрешила Нижегородова, явно думая, что Данилов намерен покаяться и пообещать впредь никогда-никогда, и так далее.

— Спасибо. — Данилов перевел взгляд на главного врача. — Совместная работа с Вами убедила меня, Алексей Емельянович, в том, что вы не слишком хорошо разбираетесь в акушерстве и гинекологии, а уж о анестезиологии и реанимации вы судите на уровне студента второго курса...

— Вы забываете, с кем говорите! — Только что усевшийся на свое место Гавреченков вскочил и обернулся к Данилову. — И вы забываете, где мы находимся.

— Вам хочется пригласить ко мне психиатра? — усмехнулся Данилов.

Часть аудитории рассмеялась в открытую, не таясь. Другая часть поспешила прикрыть рты руками.

— Мы поговорим после заседания! — взвизгнул Гавреченков.

— Почему же? — С деланым недоумением Данилов пожал плечами. — Вы принародно высказались в мой адрес, так почему же я не могу отплатить вам той же монетой?

— Справедливое суждение! — высказался Клюквин.

Вознесенский, сидевший в четвертом ряду, дотянулся до Данилова и несколько раз дернул его за халат — садись, мол, не выступай. Данилов не обратил на это никакого внимания.

— Я не раз давал наркоз на ваших операциях, Алексей Емельянович, и скажу откровенно: как профессионал вы не состоялись. Главный врач из вас тоже не очень-то получился. Вы не можете руководить, вы можете кричать, оскорблять, приказывать, наказывать, но вряд ли все это называется руководством. Я не собираюсь утомлять народ примерами, но если вы настаиваете...

Гавреченков не настаивал. Он с ненавистью посмотрел на Данилова, покачал головой и сел на свое место.

Данилов тоже сел. Он сказал все, что хотел сказать. Не оправдываться же, в самом деле, доказывая коллегам, что ты — хороший анестезиолог.

Данилов не считал себя по-настоящему хорошим анестезиологом. Но и дураком он себя не считал. Более того — Данилов твердо знал, что он не дурак. И уж тем более не пофигист.

Стоило только Нижегородовой объявить заседание законченным, как Гавреченков отыскал в толпе сотрудников Данилова и громко сказал:

— Владимир Александрович, пойдёмте со мной.

— Не лезь на рожон, — услышал Данилов за спиной голос Вознесенского, но отвечать ничего не стал.

Следом за Гавреченковым он прошёл по коридору, миновал пустую приемную и очутился в кабинете главного врача.

Здесь появилось нечто новое — большая фотография в хромированной металлической рамке, висевшая на стене выше прочего «иконостаса» — почетных грамот, которыми был награжден родильный дом. На фотографии Гавреченков, оскалившийся, как самурай во время атаки, пожимал руку столичному мэру на фоне какого-то скопления людей в строгих деловых костюмах.

«Наш пострел везде поспел», — подумал Данилов.

Уселся он, не дожидаясь приглашения, — был уверен, что главный врач не предложит. Отодвинул стул, слегка развернул его и уселся в свободной позе.

Гавреченков плюхнулся в кресло, положил руки на подлокотники, и, словно напивавшись сил, обрушился на Данилова:

— Что вы себе позволяете, доктор? Вы нахамили мне во время конференции...

— Заседания комиссии, — машинально поправил Данилов.

— Без разницы! В ответ на мою критику вы позволили себе демагогические заявления...

— Тогда почему же вы не разоблачили меня прямо там, на глазах у всех?

— Я не намерен превращать заседание КИЛИ в балаган или поле для сведения счетов! — Гавреченков хлопнул ладонью по столу, но на Данилова это не произвело ровным счетом никакого воздействия. — И хочу предупредить вас, что мы, кажется, не сработались!

— Я это давно понял, — ответил Данилов. — Еще во время первой совместной операции.

— Очень хорошо. — Гавреченков помолчал, собираясь с мыслями. Было заметно, что он ожидал другого ответа. — Знаете что, Владимир Александрович, я с удовольствием подпишу ваше заявление об уходе и даю слово, что мои отзывы о вас будут положительными.

— Не сомневаюсь, что вы с удовольствием подпишете мое заявление об уходе, Алексей Емельянович. — В «фоновой» группе на фотографии Данилов разглядел Целышевского, председателя Департамента здравоохранения, и единственную среди заместителей мэра даму, фамилию которой он не помнил. — Но вот в отношении положительных отзывов — сильно сомневаюсь. Да и бог с ними, с отзывами. Я пока не собираюсь увольняться.

— Вам решать, — недобро скривился главный врач, барабаня пальцами по подлокотникам. — Я предложил разойтись по-хорошему.

«Психуй, Емеля, — твоя неделя», — переиначил Данилов старую поговорку.

— Если вы намекаете на народную игру в три строгих выговора и одну статью, то я вам очень, очень не рекомендую. Поводов я вам не дам, а если вы их выдумаете или создадите сами, можете быть уверены — шум выйдет грандиозный.

Данилов с большим удовольствием наблюдал за пыхтящим от ярости главным врачом. Поединок стал напоминать ему айкидо, где сила нападения умело оборачивается против самого нападающего.

— Вам так нравится у нас работать? — удивился Гавреченков. — Вот уж не подумал бы!

— Не очень, — честно признался Данилов. — Но я уйду тогда, когда сам сочту нужным. А не тогда, когда вам этого захочется.

— Алексей Емельянович... — на пороге появилась секретарь.

— Я занят, Ольга Евгеньевна! — отмахнулся Гавреченков.

Дверь тихо закрылась.

— Я не понимаю вашей позиции, Владимир Александрович! — Гавреченков развел руками. — Но — вам решать, вам жить. Можете идти.

— Спасибо, Алексей Емельянович. — Данилов сменил ироничную улыбку на довольную. — Давно ни с кем по душам не разговаривал. Блаженство!

Гавреченков с демонстративной деловитостью зачиркал ручкой в настольном органайзере. От сильного нажима рвалась бумага, но главный врач словно не замечал этого.

— К Алексею Емельяновичу можно войти? — спросила Ольга Евгеньевна вышедшего из кабинета Данилова.

— Конечно, можно, — разрешил Данилов.

«Чем я занимаюсь? — подумал он. — Только и делаю что хамлю главным врачам. Надо бы порыться в руководстве по психиатрии — не описано ли там подобное извращение?»

Против ожиданий никто из коллег не стал интересоваться разговором с главным врачом. Только Вознесенский на ходу спросил:

— Остаешься?

— Остаюсь, — подтвердил Данилов.

И все — не было ни любопытства, ни ободрения, ни тем более порицания. «На «скорой» было бы иначе», — подумал Данилов и дал себе слово в ближайшую свободную субботу или воскресенье непременно заглянуть на родную подстанцию. И в самом деле, сколько можно — с прошлого года собирается, да все никак не соберется поведать бывших коллег.

Можно было заехать и сегодня — сразу после работы, но Данилов представил себе, как появляется на подстанции в шестом часу вечера с двумя бисквитно-кремовыми тортами в руках. В гараже, разумеется, не будет ни одной машины, а на подстанции — никого, кроме диспетчеров и Елены. Нет, лучше уж с утра — так хоть будет возможность пообщаться с отработавшей сменой.

У него потеплело на душе от картины визита на родную подстанцию. Данилов представил, как он, не торопясь, проходит по гаражу, заходит в диспетчерскую, затем обходит комнаты отдыха, созывая всех на кухню для скорого чаепития. Интересно, многое ли изменилось за время его отсутствия? Да скорее всего, ничего и не изменилось, иначе Елена бы рассказала об этом. Нет, все равно все изменилось. Ведь раньше он был выездным врачом, а теперь — всего лишь гостем. Но все равно приятна даже мысль о том, что надо навестить бывших коллег...

Заканчивая с сегодняшней писаниной, Данилов почувствовал сильную потребность отвести душу в узкой мужской компании.

Полянский, как обычно, долго не отвечал на звонок, но наконец в трубке послышалось его приглушенное:

— Да?

— Привет, мученик науки!

— Привет. — Полянский продолжал говорить тихо. — Что-то срочное?

— Когда освобождаешься? — Данилов понял, что Полянский отбывает время на очередном кафедральном заседании или на очередной конференции.

— В шесть — точно.

— Тогда в полседьмого — на ноге у башки! — Данилов и сам не помнил, когда к нему прилипло это уже не популярное московское жаргонное выражение.

— Буду. — Полянский отключился...

Место, в которое его привел Данилов, Полянскому поначалу не понравилось.

— Вот уж не думал, что в центре Москвы может быть такая дыра, — сказал он, скользнув взглядом по обшарпанным стенам и остановившись на колченогих разномастных стульях. — Ну и ну!

— Зато здесь пельмени лепят сами, а не в супермаркете покупают. — Данилов подтолкнул приятеля в спину. — И есть нефильтованное пиво. Хорошее.

— Ладно, уговорил. — Полянский снял куртку, повесил ее на спинку одного из стульев и опасливо уселся — стул устоял. — Если уж нефильтованное...

После пятой порции пельменей, на сей раз начиненных телятиной и грибами,

Полянский в сытой истоме откинулся на спинку стула и выдал заключение:

— Это не дурь, Вовка, это объективное следствие твоей работы на «скорой». Ты привык действовать в о-о-чень сжатые сроки, в черт знает каких условиях и тем не менее выходить победителем — вытаскивать своих пациентов с того света за ногу, за руку или еще за что-нибудь. Сейчас же, когда у тебя больше времени на пациентов, пардон — пациенток, и к тому же условия лучше и возможностей больше, тебе кажется, что ты вообще не имеешь права на неудачу. Заметь, я говорю «на неудачу», а не «на ошибку». Эта история с желудочковой аритмией — действительно несчастный случай, а не следствие твоей мнимой халатности.

— Это ты так считаешь...

— Вовка! Хорош бредить! Я так считаю, ваша администрация так считает, Елена так считает! Согласись, что это чего-то да значит!

— Особенно — мнение администрации, — съязвил Данилов.

— Да, представь себе! Если твой главный спит и видит, как бы уесть тебя половчее и тем не менее ничего не может предъявить официально, то это свидетельствует о твоей непогрешимости... — Заметив, как брови Данилова поползли кверху, Полянский поправился: — Тьфу ты — безгрешности. Так что хватит самоедства...

— Это не самоедство, Игорь, — едва слышно сказал Данилов. — Это, наверное, моя посттравматическая энцефалопатия. Я все время боюсь упустить нечто важное и оттого настолько застреваю на мелочах, что не вижу главного. Пару раз чуть не напорол косяков. А я ведь врачом работаю, да еще анестезиологом-реаниматологом, а не пончики продаю. Там все просто, просчитался — доложишь из своего кармана. А я ничего доложить не могу...

— Тебе надо к психотерапевту. — Полянский поднял руку, подзывая официантку. — К хорошему психотерапевту... Еще две порции с телятиной и два пива.

— Я не люблю психотерапевтов, — сказал Данилов, дождавшись, когда официантка отойдет от их стола, — ничего личного, просто не люблю — и все.

— Тогда меняй работу, — посоветовал Полянский.

— Ты читаешь мысли нашего главного врача.

— Я не читаю чужих мыслей, но почему бы тебе не заняться чем-нибудь другим? В медицине есть много направлений...

— Агитируешь к себе на кафедру? — рассмеялся Данилов. — А что, это мысль! Я подумаю.

— Работать на одной кафедре с тобой?! — Полянский замахал руками, словно пытаясь отогнать от себя пчел. — Нет, лучше броситься под трамвай! Это более спокойный и надежный метод самоубийства. А если серьезно, то можно пойти в ультразвуковую диагностику или в рентгенологи. Чем плохо?

— Ничем, — пожал плечами Данилов. — Целыми днями пялишься в телевизор и еще деньги за это получаешь.

— Тогда иди в медицинские статистики, — обиделся Полянский. — Знаешь, Данилов, я всегда подозревал, что ты спрашиваешь совета только для того, чтобы надо мной поиздеваться!

— Ты ошибаешься, — посерьезнел Данилов, — я издеваюсь над собой, а не над тобой. Издеваюсь, потому что и в самом деле не могу найти выхода. Но знаю, что он есть.

Глава двадцать вторая и последняя ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Решение пришло неожиданно — во время игры на скрипке. Данилов оборвал на середине четвертую сонату Вивальди и перешел к сюите Баркаускаса, сосредоточившись на музыке. Во время игры он полностью сливался с инструментом, ощущая смычок бесконечным продолжением своей руки. Весь мир растворялся в музыке, становился ею. И никогда еще во время игры Владимира не посещали озарения — только после.

Отложив скрипку, Данилов погладил ее рукой, благодаря и одновременно, прося прощения за то, что их сегодняшняя встреча была недолгой. В футляр убирать не стал — вдруг удастся поиграть еще?

Не удалось. Сперва Данилов пытался убедить себя в том, что новая идея никуда не годится, разве что для вставки в сериал. Ведь ни для кого не секрет, что самые причудливые, самые неожиданные повороты судьбы случаются именно с героями сериалов. Из пешек — в ферзи, из ферзей — в дамки, из дам — в козырные тузы, а из тузов — в шестерки. Круговорот судьбы...

Он попытался представить себя в новом качестве — получилось лишь с третьей попытки. Данилов прикинул и так, и сяк... После обдумывания и примерки идея начала казаться не такой уж и бредовой.

Данилов отправился на кухню. Набирающий обороты мыслительный процесс требовал горячего — кофе с коньяком.

Кофе чуть было не убежал из турки. Пенная шапка уже готовилась обрушиться вниз, когда Данилов спохватился и снял медную посудину с плиты. Разумеется, обжег пальцы, ведь времени на то, чтобы взять салфетку, не было.

Данилов добавил в чашку коньяка и уселся за кухонным столом. Отсюда лучше всего было любоваться весной — открывался вид не только на двор, но и на небольшой скверик. Вспомнилось из Северянина:

Гостей приветствует весна,
Цветут струистые гранаты;
Как птицы, девушки крылаты,
Все жаждет ласки и вина!³

Ласки и вино хороши в любое время года, но весной их хочется острее, тут поэт был прав. Впрочем, о весне он лучше всего сказал в другом стихотворении:

Идет весна, поет весна,
Умы дыханьем кружит.
Природа вмиг пробуждена!
Звенит весна! шумит весна!
Весной никто не тужит!
Весною радость всем дана!
Живет весна — живет весна,
Весь мир дыханьем кружит!⁴

Вслед за соображениями общего порядка подтянулись меркантильные. Чувствуя, что мысли начинают разбегаться, Данилов одернул себя, волевым усилием сосредоточиваясь на главном.

Владимир посмотрел на часы. Половина пятого. Елена с Никитой скоро должны вернуться. Дом наполнится привычной теплой суетой и подумать спокойно, определяя вещи на положенные им места, уже не получится.

А что? Это даже не поворот судьбы... Все, в сущности, остается на своих местах. За исключением малого... Да, за исключением того самого, что переворачивает все с ног на голову.

Зато — исчезает главная проблема, от которой никак не удавалось избавиться.

³ Игорь Северянин. «Балькис и Валтасар».

⁴ Игорь Северянин. «Вешний звон». Триолет 1.

«Ладно, допустим такую вероятность», — решил Данилов, чтобы сдвинуться с мертвой точки и оценить финансовую сторону вопроса. Минут через пять наметились варианты. Придется потряхнуть старыми, еще школьными связями.

Рассказать Полянскому — не поверит. Да и зачем рассказывать заранее? Пустое дело. Лучше рассказать потом...

Вернувшись домой, Елена застала Данилова за странным занятием. Он сидел за кухонным столом и сосредоточенно разглядывал уже успевшую подсохнуть кофейную гущу на дне чашки.

— Ты решил податься в гадатели? — пошутила Елена и в ответ на недоумевающий взгляд Данилова добавила: — Изучаешь рисунок кофейной гущи?

— Нет, — Данилов встал и поставил чашку в раковину, — просто немного задумался и не слышал, как вы вошли.

— Надо же! — удивилась Елена, только что громко отчитавшая Никиту, который плохо вытер ноги. — Я так орала...

— Феи не орут. — Данилов обнял ее и притянул к себе. — Голос фей — как колокольчик, а колокольчик не может звенеть громче положенного.

— Вовка! — Елена обвила руками его шею и прижалась щекой к желтой футболке с надписью «Я та еще сволочь!». Футболку Данилов купил на развале у метро и носил с удовольствием, утверждая, что она помогает ему избавляться от гордыни. — Я не помню тебя таким чертову кучу лет. А ну-ка скажи мне еще что-нибудь приятное...

Я тебя люблю, — шепнул ей в самое ухо Данилов.

Елена ничего не ответила, только крепче обняла его.

— Как насчет перекусить? — тактично поинтересовался Никита, останавливаясь на пороге.

— Сейчас пожарю яичницу. — Елена отпрянула от Данилова и открыла дверцу холодильника.

— С помидорами? — уточнил Никита.

— С помидорами и сыром, — ответил Данилов, нажимая кнопку на чайнике: для того чтобы легко очистить помидоры от совершенно не уместной в яичнице кожицы, их нужно было обдать кипятком. — Доставай сыр.

— Если бы еще была колбаса... — В надежде на чудо Никита обшарил глазами полки холодильника.

— То это была бы не яичница, а пицца, — Данилов достал из шкафа терку. — Ты натрай сыр, а я займусь помидорами...

— Тогда мне еще нужна тарелка, чтобы было куда натирать.

— Да, да, конечно. — Данилов поставил перед ним тарелку. — Только будь внимателен, не потри вместо сыра свои пальцы.

— Что я, маленький? — Никита поставил терку на тарелку и стал водить по ней куском сыра.

Назавтра Данилов почувствовал, что мнительность, ставшая уже привычной как во время подготовки пациенток к наркозу, так и во время, самого наркоза, уменьшилась.

— Владимир Александрович у нас сегодня выглядит именинником, — пошутила доктор Федоренко. — Я угадала?

Ее отношения с главным врачом недавно испортились — продержав свою любовницу на исполнении обязанностей заведующего отделением около четырех месяцев, Гавреченков неожиданно привел на постоянное заведование своего знакомого врача из роддома при сто пятнадцатой больнице. Оскорбленная донельзя, Федоренко тут же превратилась в оппозиционерку, и весь роддом с удивлением обнаружил, что Татьяна Викторовна, в сущности, совсем не стерва, а даже наоборот. «Снежная королева» сбросила свой ледяной панцирь и превратилась в милую женщину, недавно перешагнувшую тридцатилетний рубеж. Общительную, незаносчивую, веселую любительницу простых житейских радостей.

Операции Федоренко неожиданно оказались приятными для Данилова. Исчезла

взаимная неприязнь, ей на смену пришли деловые, по-настоящему рабочие отношения.

Немного поразмышляв над переменами в характере Татьяны Викторовны, а более всего — над причинами, их вызвавшими, Данилов заключил, что скорее всего бесперспективные вялотекущие отношения с Гавреченковым угнетали Татьяну и портили ее характер. Объяснение было несколько надуманным, но Данилова оно удовлетворило.

— Не угадали, — улыбнулся Данилов. — Просто хорошее настроение.

Даже если лицо скрыто маской, улыбку видно по глазам.

Данилов убедился в том, что женщина, лежащая на операционном столе, вошла в наркоз должным образом, и разрешил:

— Начинайте, пожалуйста.

Все было нормально. Кесарево сечение назначили из-за поперечного расположения плода с полным предлежанием плаценты. Мало того что ребенок лежал не вдоль, как положено, а поперек матки, ему еще и преграждала выход плацента, прикрепленная совсем не там, где ей положено было быть.

Пациентке позавчера исполнилось двадцать лет. Анамнез не отягощен — Данилов собирал его чуть ли не полтора часа. Редкие респираторные инфекции и корь с ветрянкой, перенесенные в детстве, не считались.

На общем обезболивании остановились по медицинским показаниям — поосторожничала Федоренко. Кто его знает, какой сюрприз преподнесет атипично расположенная плацента. Может нарушиться процесс ее отделения, ведь она крепится к нижним отделам матки, сократительная способность которых невысока, или может случиться еще что-нибудь... В таких случаях лучше пациентке быть в полном наркозе. Так всем спокойнее.

Операция началась. Врачи (ассистировал незнакомый Данилову ординатор) возились у своего края стола, Данилов с Ирой — у своего. Мерцал экран монитора, капал в подключичный катетер полиглюкин, ритмично шумел наркозный аппарат.

— Очень просто определять степень гидратации по ресницам. — Данилов любил поделиться интересным симптомом с врачами или медицинскими сестрами. — Если они в наркозе или в коме сомкнуты, то все нормально. Если же начинают расходиться, значит, пациенту перелили жидкостей. Веки первыми реагируют на гипергидратацию — избыток жидкости.

— Буду знать, — ответила Ира, заноса данные измерения артериального и центрального венозного давления в наркозную карту.

Время от времени Данилову казалось, что сейчас, через секунду-другую, с его подопечной что-то произойдет. Упадет давление, начнется аритмия, остановится сердце. Он беспокойно окидывал взглядом шприцы с растворами, набранными на всякий случай, и дефибриллятор, теперь всегда стоявший справа от изголовья на расстоянии вытянутой руки, и, словно не доверяя монитору, проверял пульс на сонной артерии. Чудил, в общем.

Заметив некоторые, пусть и небольшие, перемены в поведении Данилова, Гвоздев, неведомыми миру средствами все же сохранивший за собой пост заведующего отделением, сказал по окончании одной из совместных операций:

— Я в самом начале работы плохо перевязал один сосудик и получил кровотечение в брюшную полость. С последующей повторной операцией, все как полагается. Так после этого случая я года три вязал все сосуды дважды. Для гарантии. Чтоб уж точно, чтоб — наверняка.

Данилов понял, на что намекает Гвоздев, но вида не подал.

После смерти Генварской работать стало тяжело. Были просветы, были периоды депрессии, но главное оставалось неизменным — если раньше Данилов всегда верил в себя, в свой профессионализм, то сейчас он начал сомневаться в себе. Сомневаться и постоянно ждать какого-то подвоха.

Никто, кроме Данилова, не знал, как ему надоело это состояние. И не было средства, которое сделало бы его прежним. Самовнушение обрывалось, едва начавшись, ведь очень

трудно убеждать себя в том, во что не веришь.

Елена с завидным упорством предлагала мужу вернуться на «скорую», считая, что состояние Данилова в первую очередь вызвано спецификой его нынешней работы. Данилов то отшучивался, то обещал подумать, но никаких шагов не предпринимал.

— Здоровый мужик! — похвалила новорожденного Федоренко и передала его неонатологу Кузякиной. — Держи, Ольга Романовна, чтоб не скучно было!

«Мужик» сморщил личико, открыл рот и издал первый крик.

— А мне вот всегда почему-то кажется, что мамочки и под наркозом слышат первый крик своих детей, — сказала Кузякина, взглянув на лицо оперируемой. — Посмотрите, она же улыбается.

— Не улыбается она, — ответил Данилов, не сводивший глаз с пациентки.

Тон его голоса был не слишком любезным. И правильно — зачем радоваться прежде времени. Какая, к чертям собачьим, улыбка? Grimасы на лице пациентки, находящейся в наркозе, говорят о том, что она начала приходить в сознание. Или о том, что сейчас ее вырвет. Лучше уж улыбаться своему малышу потом, когда из реанимации переведут в отделение. Каждому овощу свое время.

— Вот когда зашьем, тогда пусть и улыбается. — Федоренко тоже не любила, когда ей говорили под руку.

Отделив двумя руками послед, она вооружилась кюреткой и произвела ревизию полости матки.

— Была у меня однокурсница, дочь одного из университетских профессоров... — начала Федоренко.

Данилову стало ясно, что операция начала завершаться. Убедившись, что с пациенткой все в порядке, он позволил себе подумать о чем-то постороннем.

Разумеется, о вчерашней своей идее, уже успевшей, стать решением, пусть и не окончательным.

— Татьяна Викторовна, а вы с самого начала хотели стать хирургом-акушером? — полюбопытствовал Данилов, воспользовавшись паузой в рассказе.

— О, нет, — Федоренко сверкнула глазами, — с моей специализацией была такая чехарда! Сначала я бредила неврологией, меня и сейчас можно разбудить среди ночи, и попросить рассказать проводящие пути или двенадцать черепномозговых нервов. Я участвовала в нашем студенческом научном обществе, дневала и ночевала на кафедре, но в один прекрасный день меня отвратило от неврологии и вообще от терапии. Я представила, что всю свою жизнь буду обречена выслушивать жалобы пожилых хроников — и мне стало грустно. Запах лежачих больных, их неизлечимые болезни, их страдальческие взгляды, их занудство... Нет уж — увольте. Это не для меня! Так можно утратить вкус к жизни. Но я уже была нацелена на то, чтобы стать врачом, и сворачивать в сторону на пятом курсе мне совсем не хотелось. Снимаю зажимы... Так вот, отобрала я специальности, где все молодые и большей частью здоровые, и задумалась: то ли в спортивные врачи подаваться, то ли в акушеры. Акушерство привлекло меня больше — прежде всего своей значимостью. Ведь нет дела важнее, чем способствовать рождению нового человека. Это я без какого-либо пафоса говорю... Все, можно зашивать, только не затягивай чрезмерно, края сомкнулись — и хорошо... Скажу начистоту — я бы с огромным удовольствием пошла бы в физиологическое отделение, чтобы иметь дело с полностью здоровыми девочками, но... — Федоренко вздохнула и умолкла.

О ее натянутых отношениях с Юртаевой знал весь роддом. Правда, причину конфронтации все, включая и самих участниц, давно позабыли, но кому она нужна?! Важен результат — противостояние!

Тревога улеглась только после того, как пациентка окончательно проснулась в реанимации, ответила на вопросы и продемонстрировала стабильные показатели гемодинамики.

— Хватит играть в прятки с самим собой, молодой человек! — В ординаторской

некому было наблюдать за тем, как Данилов разговаривает с зеркалом, показывает ему язык и грозит пальцем. — Пора действовать!

«Если не руководствоваться правильными принципами, их не получишь», — вспомнилось из Конфуция.

На окончательное обдумывание решения у Данилова ушла неделя. Собрать информацию, переговорить по телефону кое с кем из старых знакомых (на социальных сайтах Данилов не тусовался и знакомства обновлял по старинке, при помощи телефона), еще раз все взвесить, чтобы потом уже не менять решения.

В конце концов Данилов решился, но до отпуска об этом никому не следовало знать. Ни на работе, ни дома. Определившись окончательно, и, как хотелось надеяться — бесповоротно, Данилов почувствовал облегчение. Ждать оставалось недолго, совсем недолго — месяцы делились на дни, а дней тех выходило меньше сотни. За минусом выходных — сущие пустяки.

В особо торжественных случаях, когда случалось что-то очень хорошее, Данилов начинал с Баха. Сонаты и партиты Баха входят в обязательный набор каждого скрипача-исполнителя; соната для скрипки соль минор была у Данилова одной из самых любимых. Иногда Владимиру казалось, что он исполняет ее не хуже Ойстраха, но прослушивание записи маэстро унимало гордыню сразу и надолго.

Отняв смычок от струн и все еще чувствуя музыку внутри себя, Данилов услышал за спиной тихое сопение.

— Тебе понравилось? — спросил он.

Никита под настроение мог слушать скрипку подолгу.

— Да, понравилось. — Парень подошел поближе и стал рассматривать скрипку так, словно видел ее в первый раз.

— Что тебя заинтересовало? — удивился такому любопытству Данилов.

— Никак не могу понять, почему слово «скрипка» происходит от слова «скрип»? — Никита сдвинул брови и наморщил лоб. — Чему тут скрипеть?

— Это ты не слышал, как играют некоторые исполнители, — улыбнулся Данилов, бережно убирая инструмент в футляр.

— А вот я, если бы был музыкантом, играл бы только на пианино, — выдал Никита. — Или на рояле.

— Я могу угадать ход твоих мыслей. — Данилов вспомнил себя в возрасте Никиты. — Скрипку, аккордеон, саксофон надо таскать с собой. А пианист всегда ходит налегке. Я угадал?

— Да-а-а! — От удивления у мальчика отвисла нижняя челюсть, и «а» получилось долгим. — А как?

— Знаешь, — Данилов понизил голос, словно готовился выдать страшную тайну, — мне ведь тоже когда-то было столько же, столько тебе. Дай бог памяти, в каком это году...

— А вы изменились с годами? — чуть поколебавшись, спросил Никита.

— Пожалуй — да. — Данилов сдержал улыбку, чтобы ненароком не обидеть мальчика. — Во всяком случае, я научился принимать решения, хранить тайны и ценить то, что имею.